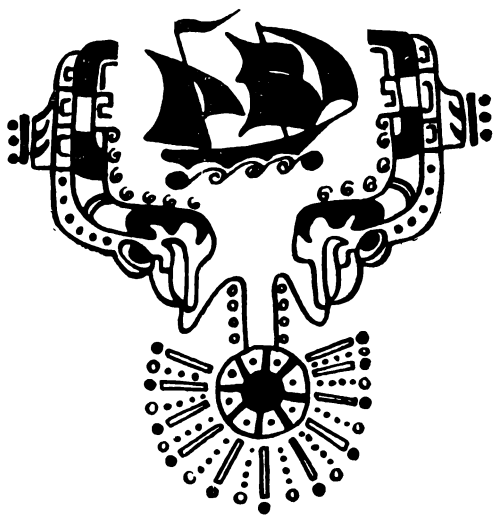

В. ГУЛЯЕВ

**ИДОЛЫ
ПРЯЧУТСЯ
В ДЖУНГЛЯХ**

**МОСКВА,
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“,
1972**

В. Г У Л Я Е В

**И Д О Л Ы
П Р Я Ч У Т С Я
В Д Ж У Н Г Л Я Х**

P2
Г94

Предисловие Я. СВЕТА
Послесловие В. ЧИЧКОВА

Художник А. СЕМЕНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Тщательное изучение древней истории человечества позволяет в полной мере почувствовать дыхание вечности, дыхание давно ушедших от нас миров» — так начинается свою книгу В. И. Гуляев. Такие книги дают читателю не только информацию о тех или иных исторических и доисторических реалиях, но и учат его думать, представляют его в высоком искусстве истолкования и обобщения фактов труднопознаваемой действительности давно минувших эпох.

Перед автором стояла нелегкая задача: написать книгу, которая заставила бы читателя «почувствовать дыхание вечности», дать ему ясное представление не только о характере загадочной ольмекской культуры, но и о романтике истинных поисков. Такая задача трудна прежде всего потому, что речь идет о культуре, абсолютно неизвестной широкому читательскому кругу, и о проблемах, вокруг которых ведутся горячие споры.

Доколумбова Америка для этих широких кругов истинная terra incognita в сравнении с Египтом, Двуречьем и Малой Азией, а об ольмеках в этих кругах знают куда меньше, чем о пресловутом «снежном человеке», о котором искатели сенсаций шумят без устали и без меры.

В научно-популярной литературе пальму первенства следует отдавать таким произведениям, которые не опускают автора до среднего уровня его аудитории, а поднимают эту аудиторию до высокого уровня автора.

Произведения этого класса по плечу истинным ученым, обладающим литературным талантом и даром «образной мысли». Все эти три качества четко проявляются в книге В. И. Гуляева.

Может статься, что любители легкого научно-популярного чтения закроют эту книгу на 54-й странице и не осилят третьей ее главы, в которой автор дает представление о сложности ольмекской проблемы.

Но читателя любознательного эта глава не только не остановит, но и увлечет в такой же мере, как может увлечь роман Сименона. Право же, споры Майкла Ко с Коваррубасом и Дракером не менее увлекательны, чем дискуссии комиссара Мэгрэ с его коллегами...

Перехожу к конкретному разбору «Идолов».

Шесть глав книги — это шесть этапов в истории изучения ольмекской культуры, шесть уровней ее достижения. Первая глава,

«Голоса погибшей цивилизации», — это предыстория и начальный этап в истории открытия ольмекской культуры. Случайная находка у селения Трес-Сапотес в джунглях мексиканского штата Веракрус дала начало трудным поискам. Вторая, не менее случайная, находка — нефритовая статуэтка из Сан-Андрес-Туслы с ее поразительной датой — 162 год н. э. — вызвала бурю в ученых кругах и переворот в привычных представлениях о доколумбовых культурах Центральной Америки. Буря улеглась, затем, и далеко не сразу, начались исследования загадочной и выходящей за все хронологические рамки культуры юго-восточной Мексики. Блом и Ла Фарж, Савий, Вайян, Стирлинг... Первые изыскания, первые гипотезы, новые открытия — таков последующий этап ольмекской эпопеи, и события этого этапа изложены очень ярко. Автор показывает, с каким трудом в сознание исследователей входили представления об истинном характере вновь обретенной культуры. Что она собой представляет, он пока не объясняет, ведь действие в этой главе разворачивается в 1925 — 1937 годах, на стадии предварительных поисков. Но предвестием грядущих открытий звучат слова Вайяна: «Возможно, что будущие исследования в стране ольмексов во многом прояснят дискутируемый вопрос о связи между мексиканцами и майя или же осветят происхождение тех великих теократий, которые создали Центральную Америку ее цивилизацию».

Вторая глава — «Экспедиции отправляются в путь» — охватывает следующий этап в истории поисков и посвящена замечательным открытиям Стирлинга в Трес-Сапотес и в Ла Венте. И не только этим открытиям, но и их истолкованию. Вслед за автором читатель убеждается, какие трудности вызвали новые открытия и как тернист путь реконструкции загадочных культур Центральной Америки.

Третья глава, «Время поисков и раздумий», — ключевой раздел книги. Это своего рода введение в «ольмековедение» и пролог к следующей, четвертой главе — «Сенсации в Сан-Лоренсо», посвященной открытиям и выводам крупнейшего современного исследователя ольмекской культуры Майкла Ко.

Совершенно особое место занимает пятая глава — «Египетские пирамиды и мексиканские теокалли». Речь идет не столько о двукратных плаваниях Тура Хейердала на папирусном судне «Ра», сколько о критике теорий «диффузионистов», полагающих, что важнейшие достижения человечества изобретаются лишь однажды и из единого первоначального очага распространяются во все концы нашей планеты. Автор, так же как и все серьезные советские ученые, не разделяет представлений «диффузионистов» и подвергает их справедливой критике. На первый взгляд кажется, что глава эта не связана с основным содержанием книги. Однако она совершенно не-

обходима. Ведь, по существу, диффузионисты отказывают древним народам Нового Света в возможности самостоятельного развития, сводят на нет всю последовательность доколумбовых культур Америки, отрицают тот совершенно несомненный факт, что культуры эти зародились на американской почве и питались из местных источников. «Основы цивилизации, — говорит автор, — отнюдь не эстафетная палочка, которую можно легко передать по желанию от одного человека к другому... в этой связи гипотезы, доказывающие распространение через океаны целых культур и цивилизаций при помощи одиночных кораблей, выглядят крайне неубедительно». Вывод как нельзя более справедливый, и, формулируя его, автор затем дает схему развития древних культур Америки за последние 30 тысяч лет. В эту схему он вписывает и ольмекскую культуру как некий укороченный вариант непрерывной исторической последовательности, охватывающей в Мексике, по крайней мере, восьмисотлетний период.

Отрицая диффузионистские выводы Хейердала, автор воздает ему должное за смелость его экспериментов, он говорит, что такие эксперименты лучше помогают представить себе границы технических возможностей древнего человека. К подобной оценке деятельности Хейердала нельзя не присоединиться. Она заслуженна и объективна.

Шестая, заключительная, глава — «Спор еще не окончен» — знакомит читателя с современным состоянием «ольмекской проблемы». Казалось бы, после работ Майкла Ко не может быть сомнений в том, что ольмекская культура, существовавшая в «чистом» виде в 1200—400 годах до н. э., была родоначальницей всех цивилизаций древней Мексики. Но автор отмечает, что до конечных выводов подобного рода еще далеко. Ольмекскую культуру, говорит он, нельзя рассматривать как нечто застывшее и неизменное, данное раз и навсегда. Древние цивилизации Мексики, бесспорно, на определенных этапах испытывали влияние ольмекской культуры, но развивались они из самостоятельных очагов. В то же время и в самом ольмекском ареале ход развития был долгим и сложным, и археологические остатки из Трес-Сапотес и Ла Венты относятся к разным этапам, пока еще не достаточно дифференцированным. Автор полагает, что ольмекское государство возникло гораздо позже, чем это считает Майкл Ко. Очень интересны и его гипотезы о связи между культурами ольмеков и майя.

Спор еще не окончен — впереди новые открытия. И, прочтя книгу В. И. Гуляева, читатель с нетерпением будет ожидать появления новой работы этого автора, в которой освещены будут открытия археологов середины 70-х годов нашего века.

Я. СВЕТ

Археология призвана изучать прошлое различных племен и народов нашей планеты во всем его многообразии и сложности. Одни известны нам лучше, другие остаются до поры до времени в тени. Но есть в анналах мировой истории и такие народы, вся родословная которых исчерпывается двумя-тремя фразами, вскользь брошенными каким-нибудь древним летописцем или государственным деятелем. Это народы-призраки. Что мы знаем о них? Разве что диковинное имя да несколько фактов полулегендарного характера. Словно туманные видения, бродят они сквозь пожелтевшие страницы старинных фолиантов или красочных иероглифических рукописей, отнимая покой и сон у многих поколений ученых. Тиверцы и уличи древнерусских летописей, будины Геродота, кочевые орды киммерийцев, хетты из восточных клинописных текстов, в западном же полушарии это, бесспорно, ольмеки. Все они стали достоянием науки лишь благодаря усилиям целой армии неутомимых исследователей, и прежде всего археологов. Археология во много раз расширила возможности исторического поиска и удаленных во времени реконструкций. «Для наших дедов, — пишет немецкий историк Э. Церен, — история этих тысячелетий была еще книгой за семью печатями. Можно было сочинять любые глупости, предаваться любым фантазиям, и никто не мог ничего возразить против. Теперь археологи раскрыли эту волшебную книгу... Они нам показали, как тесно связаны мы со своим прошлым. Они открыли нам глаза на то, что наши чувства, наши радости и печали, наши взгляды и убеждения не только связаны с нашим

собственным мышлением, но уходят своими корнями в наше прошлое... Археологи заставили нас отбросить привычные представления, которые мы унаследовали от своих предков и намеревались передать своим детям. Никакие законы современной химии или физики, искусство или техника нашего времени не изменили так наших представлений о мире, как археология».

Первооткрывателям новых горизонтов всегда трудно. Они впереди, и поэтому именно на их плечи падают все лишения и невзгоды, все удары судьбы.

«Никому еще не приходилось видеть такое море, — воскликнул Христофор Колумб при виде жесточайшего шторма у берегов Ямайки, — бурное, грозное, вздымающееся, покрытое пеной! Ветер не позволял ни идти вперед, ни пристать к какому-нибудь выступу суши. Никогда я еще не видел столь грозного неба. День и ночь пылало оно, и молнии извергали пламя с такой силой, что я не раз удивлялся, как могли при этом уцелеть мачты и паруса. Молнии сверкали так ярко и были так ужасны, что все думали — вот-вот корабли пойдут ко дну. И все это время небеса непрерывно источали воду; и казалось, что это не дождь, а истинный поток. И так истомлены были люди, что грезили о смерти, желая избавиться от подобных мучений».

Но разве меньше трудностей и невзгод выпало на долю тех, кто четыре века спустя после эпопеи Колумба вторично «открыл» миру богатства погибших индейских цивилизаций? «Редко можно встретить профессию, — считает Э. Церен, — более безрадостную, чем профессия полевого археолога, работающего в пустыне, среди диких скал, в полной удаленности от всякой цивилизации, в тяжелых климатических условиях, способных лишить человека всякого мужества... И они не делают из всего этого сенсаций — эти археологи. Они продолжают работать, как будто условия их труда нечто само собой

разумеющееся. Ибо для них во всем мире не существует более интересной профессии, чем избранная ими. Они живут среди опасностей, с глазу на глаз с не раскрытой еще тайной. Не сегодня-завтра она может быть раскрыта, и тогда мировая пресса назовет их имена».

Славные имена первооткрывателей древних цивилизаций Старого Света ныне хорошо известны. Роберт Кольдевей получил известность своими раскопками в Вавилоне. Поль Эмиль Ботта и Астон Генри Лэйярд открыли миру руины забытых городов Ассирийской державы. Леонард Вулли досконально изучил Ур с его богатейшим некрополем шумерийских царей. Говарду Картеру после долгих и безуспешных поисков посчастливилось наконец открыть нетронутую гробницу Тутанхамона. Карл Хуманн вырвал из тьмы забвения сокровища античного Пергама.

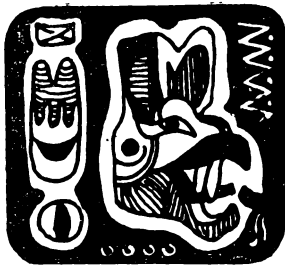
Гораздо меньше знаем мы о пионерах американской археологии. Это еще очень молодая наука. Ей всего каких-нибудь сорок-пятьдесят лет от роду. Вполне естественно, что она не знает пока таких впечатляющих достижений, какие имеет, скажем, археология Древнего Востока или археология античного мира. Но лучшие ее представители, подобно своим коллегам в Старом Свете, не щадя сил, упорно расчищают те громоздкие завалы из небылиц и заведомой лжи, которыми до недавнего времени был закрыт доступ к подлинной истории индейцев. Каждый сезон археологических работ в Новом Свете приносит новые поразительные открытия, заставляющие порой полностью менять всю сложившуюся систему взглядов на взаимосвязи доколумбовых культур.

Вносят свою посильную лепту в изучение далекого прошлого западного полушария и те археологи, которые ведут раскопки на территории Мексики и Центральной Америки. Их успехи общеизвестны. Кто не слышал сей-

час, к примеру, о священном колодце майя в Чичен-Ице или о величественной гробнице царя в Паленке? Но еще бóльшие задачи предстоит решить в будущем. По мере вскрытия мощных напластований, содержавших следы человеческой деятельности, археология в Центральной Америке все дальше и дальше продвигается в глубь веков. Еще каких-нибудь пятьдесят лет назад все казалось простым и ясным. В Мексике благодаря старым хроникам были известны ацтеки, чичимеки и тольтеки. На полуострове Юкатан — майя. Им и приписывали тогда все известные памятники старины, в изобилии разбросанные на поверхности и в глубинах земли. Позднее по мере накопления опыта и знаний ученые все чаще стали встречать остатки древних культур, не укладывавшихся в прокрустово ложе старых схем и воззрений. Возникла необходимость дальнейшего подразделения истории этого края на соответствующие эпохи. У предков современных мексиканцев тоже нашлись свои предшественники. Так возникли из тьмы небытия смутные контуры первых, «классических» цивилизаций Центральной Америки: Теотихуакана, Тахина, Монте Альбана и «Древнего царства» майя. Все они родились и погибли в пределах одной тысячи лет: с I по X век н. э. Вслед за ними была открыта древняя культура ольмекков — таинственного народа, населявшего с незапамятных времен болотистые низины на юге побережья Мексиканского залива. Там до сих пор скрыты в лесной чаще десятки, сотни безымянных руин — это остатки прежних городов и земледельческих поселков. Рука археолога впервые коснулась некоторых из них буквально считанные годы назад. Таким образом, можно без особого преувеличения сказать, что ольмекская археология родилась почти на наших глазах. Несмотря на все трудности и упущения, она добилась сейчас главного — вновь вернула людям одну из наиболее блестящих цивилизаций доколумбо-

вой Америки. Здесь было все: гениальные гипотезы на основе двух-трех разрозненных фактов, романтика поиска и радость первых «полевых» открытий, серьезные заблуждения, надолго уводящие ученых в сторону от магистрального пути, и так и не раскрытые тайны. Короче говоря, история изучения древностей ольмеков словно в капле воды отражает общий путь, пройденный за последние десятилетия всей американской археологией. И мне кажется, что советскому читателю интересно познакомиться с этой увлекательной археологической эпопеей.

ГЛАВА 1

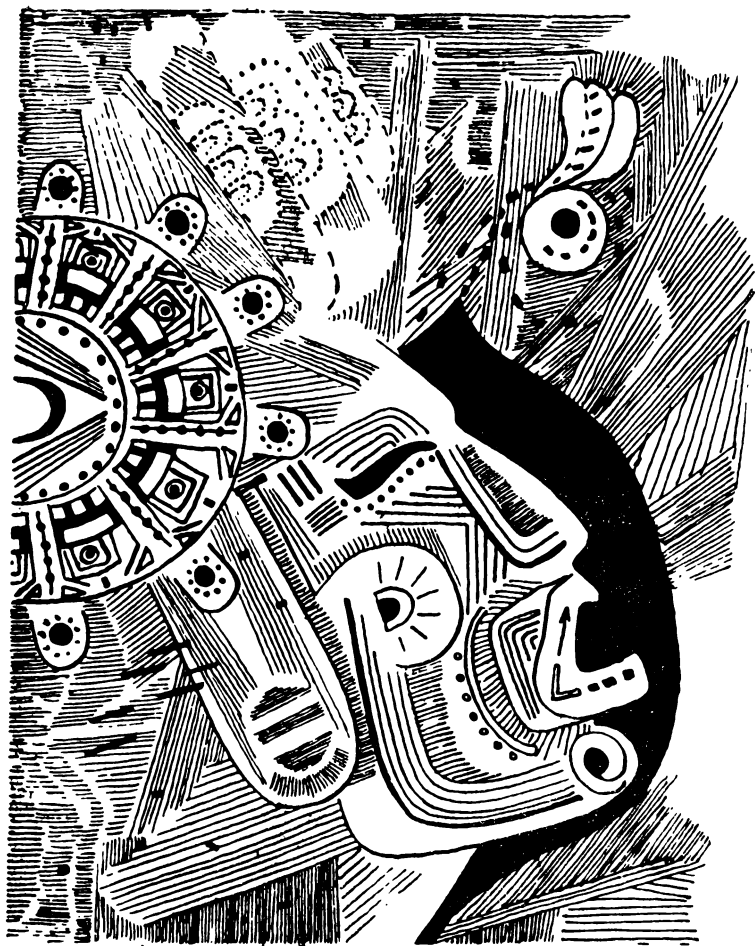

ГОЛОСА ПОГИБШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мне снится прошлое.
В виденьях
полусонных
встает забытый мир
и дней,
и слов, и лиц.
Есть много светлых
дум,
погибших,
погребенных.
Как странно вновь
стоять
у темных их гробниц.

В. Я. Брюсов.
1898 г.

Все произошло так внезапно, что Хосе даже не успел по-настоящему испугаться. Он давно облюбовал этот участок джунглей для своего нового кукурузного поля. Исходил его вдоль и поперек. Прикинул толщину чернотемного слоя и высоту деревьев. Успел даже подсчитать примерную величину будущего урожая. Все радовало здесь глаз земледельца. Много, очень много золотистых початков маиса соберет он этой осенью. А пока нужно трудиться не покладая рук: близится сезон дождей, и горе тому, кто запоздает с севом.

Невыносимо печет полуденное солнце. Соленый пот застилает глаза. Но вновь и вновь взлетает вверх неутомимый мачете индейца. С тихим шелестом падают вниз наискось срубленные ветви деревьев и колючие кусты. Дело явно спорится. Уже можно различить в лесной чащобе прямоугольные очертания будущей мильпы*. И вдруг длинный нож Хосе со звоном ударился о какой-то странный округлый предмет, похожий на днище большого опрокинутого котла.

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

* Мильпа — кукурузное поле (ацтекск.).

«Кому понадобилось тащить тяжелый котел в эту глухомань? — подумал удивленный индеец. — А может быть, это золотой клад, спрятанный ацтекскими воинами от жадных рук испанцев?»

И, ослепленный сказочными видениями свалившегося с небес богатства, Хосе ринулся к заветному кладу. Лихорадочно откинув мешавшие ему зеленые ветви и паутину лиан, он уже протянул было к сокровищу руку и... в страхе отпрянул назад: откуда-то из глубины земли на него в упор глядели два огромных глаза. «Это, наверное, сам дьявол!» — мелькнуло в голове у насмерть перепуганного парня, и, круто повернувшись, он помчался в свою деревушку Трес-Сапотес, расположенную в каких-нибудь полутора километрах от места его необычайной находки.

Сообщение Хосе вызвало в селении настоящий переполох. Но вопреки ожиданиям желающих посмотреть на золотой клад в лесу и охраняющего его дьявола оказалось более чем достаточно. Вооружившись кольями и лопатами и прихватив с собой на всякий случай несколько ружей, десятка полтора мужчин отправились в джунгли. Когда же таинственный предмет был наполовину выкопан из земли, то оказалось, что это вовсе не котел, а гигантская голова человека, искусно высеченная из одной глыбы черного базальта. Ее пустые глазницы равнодушно взирали на муравьиною возню обескураженных кладоискателей.

Разочарованные крестьяне прекратили раскопки и разошлись по домам, приписав свою неудачу проделкам все того же вездесущего дьявола, сумевшего непонятным образом превратить таинственный котел в богопротивного истукана.

Это необычайное событие произошло в 1858 году в одном из самых глухих районов южной части мексиканского штата Веракрус. Но ученые так и не узнали тогда

о находке в Трес-Сапотес. Через несколько лет заботливая природа вновь укрыла мягкой землей и зеленым покрывалом тропических растений свою добычу. И только жуткие легенды о «голове дьявола» и зарытых под ней сокровищах, с оглядкой, полушепотом передаваемые из уст в уста среди местных индейцев, напоминали еще о таинственной скульптуре из Веракруса.

ГОЛОВА «АФРИКАНЦА»

В 1869 году в «Бюллетене Мексиканского общества географии и статистики» появилась небольшая заметка за подписью Х. М. Мельгара. Ее автор, инженер по профессии, утверждал, что в 1862 году ему посчастливилось обнаружить близ деревушки Трес-Сапотес (штат Веракрус) на плантации сахарного тростника удивительную скульптуру, не похожую на все известные до сих пор — голову «африканца», высеченную из камня. Заметка сопровождалась довольно точным рисунком самого изваяния, так что любой читатель мог судить теперь о достоинствах этой находки. Как можно было уже догадаться, речь шла здесь о той самой «голове дьявола», которую обнаружили за несколько лет до этого крестьяне из деревни Трес-Сапотес. К сожалению, впоследствии Мельгар использовал свою необычайную находку далеко не лучшим образом. В 1871 году он без тени улыбки на лице объявил, ссылаясь на «явно эфиопский» облик обнаруженной им скульптуры: «Я абсолютно убежден, что негры не раз бывали в этих краях, и это случилось еще в первую эпоху от сотворения мира». Надо сказать, что подобное высказывание не имело под собой абсолютно никакой почвы, но зато вполне отвеча-

ло общему духу господствовавших тогда в науке теорий, когда любое достижение американских индейцев объяснялось культурными влияниями из Старого Света. Правда, бесспорно и другое: сообщение Мельгара содержит первое печатное упоминание о вполне конкретном памятнике неизвестной до того цивилизации.

СТАТУЭТКА ИЗ ТУСТЛЫ

Ровно через сорок лет какой-то крестьянин-индеец обнаружил на своем поле близ городка Сан-Андрес-Тустла еще один загадочный предмет. Сначала он даже не обратил внимания на зеленоватый камешек, едва выглядывающий из земли, и небрежно пнул его ногой. И вдруг камень ожил, засверкав своей полированной поверхностью под лучами щедрого тропического солнца. Очистив предмет от грязи и пыли, индеец увидел, что держит в руках маленькую нефритовую статуэтку, изображавшую языческого жреца с наголо обритой головой и широко открытыми смеющимися глазами. Нижнюю часть его лица закрывала маска в виде утиного клюва, а на плечи был накинута короткая накидка из перьев, имитирующая сложенные птичьи крылья.

Боковые стороны статуэтки покрывали какие-то непонятные изображения и рисунки, а под ними, чуть ниже, шли столбцы знаков в виде черточек и точек.

Неграмотный, забитый крестьянин, конечно, и не догадывался о том, что он держит в руках предмет, которому суждено было стать одной из наиболее известных археологических находок на территории Нового Света.

После долгих приключений, пройдя через десятки рук, маленькая нефритовая фигурка жреца из Сан-Андрес-Тустлы очутилась в Национальном музее США.

Осматривая новый музейный экспонат, американские ученые, к несказанному своему удивлению, обнаружили, что столбик таинственных черточек и точек, вырезанных на статуэтке, представляет собой дату календаря майя, соответствующую 162 году н. э.! В научных кругах разразилась настоящая буря. Одна догадка сменяла другую. Но плотная пелена неизвестности, окружавшая все, что было связано с нефритовой статуэткой, от этого отнюдь не рассеивалась.

Форма знаков и весь стиль изображения были похожи на письма и изваяния майя, хотя и отличались большей архаичностью. Но ближайший город древних майя — Комалькалько — находился не менее чем в 150 милях к востоку от места находки! А кроме того, статуэтка из Сан-Андрес-Тустлы почти на 130 лет старше любого другого датированного памятника с территории майя!

Да, здесь было над чем поломать голову. Получалась странная картина: некий загадочный народ, населявший в незапамятные времена мексиканские штаты Веракрус и Табаско, изобрел майяскую письменность и календарь на несколько веков раньше самих майя и пометил эти ми вычурными иероглифами свои статуи, стелы и алтари. Но что это за народ? Каков облик его культуры? Откуда и когда пришел он в болотистые низины южного побережья Мексиканского залива?

ТАМОАНЧАН — «СТРАНА ДОЖДЯ И ТУМАНА»

В поисках ответа на волнующие их вопросы ученые обратились к историческим документам, так как архивы Испании и Мексики буквально ломались от сотен старинных рукописей и хроник. Но вскоре выяснилось, что

подавляющая их часть освещала события не ранее самого кануна Конкисты, то есть XV—XVI веков. По иронии судьбы все наши знания о более ранних периодах мексиканской истории приходится извлекать из легенд и преданий, дошедших до нас в передаче ацтекских философов и жрецов. Итак, сначала была легенда, только легенда.

«Давным-давно, — говорили ацтекские мудрецы испанскому монаху Саагуну, — во времена, которые уже никто и не помнит, появился в этих краях один могучий народ... Долго бродили до того эти люди в поисках земли обетованной... Сначала в большом числе они прибыли на своих ладьях к северному берегу. И место, где они бросили свои лодки, называется Панутла*... Тотчас же двинулись они по краю вод... Они шли не по своей воле. Их вели жрецы, сам бог указывал им дорогу... Наконец, добрались они до местности Тамоанчан и основали там свое царство».

В этом царстве жили великие правители и жрецы, искусные мастера и ученые — хранители знаний. «Сами они богаты, счастливы, владеют вещами, так что всегда все зреет и зеленеет в их доме... Там никогда не бывает голода, нет болезней, нет бедности». Именно их стараниями, говорит легенда, были заложены основы той блестящей цивилизации, влияние которой испытали на себе все другие великие народы доколумбовой Мексики: тольтеки, ацтеки, сапотеки и майя. Но где же искать это загадочное царство? На языке майя слово «Тамоанчан» означает буквально «Страна дождя и тумана». Этим именем древние мексиканцы называли обычно влажные тропические равнины южного побережья Мексиканского залива (современные мексиканские штаты Веракрус и

* Панутла — современное Пануко, на побережье Мексиканского залива, в северной части штата Веракрус.

Табаско). В других индейских преданиях мы находим упоминание о том, что в названной области издавна обитали племена ольмеков. Ольмек по-ацтекски означает «житель страны каучука» и происходит от слова «Ольман» — «Страна каучука», «Место, где добывают каучук». И надо сказать, что легенды отнюдь не преувеличивали истинного положения вещей: мексиканские штаты Веракрус и Табаско до сих пор славятся своим превосходным натуральным каучуком. Таким образом, если верить древним преданиям, то ольмеки — первый цивилизованный народ Центральной Америки — издавна жили на южном побережье Мексиканского залива. Но должны же сохраниться хоть какие-то материальные следы их пребывания там?

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ

В марте 1924 года в американском городе Нью-Орлеане произошло событие, которое имело прямое отношение к загадке забытых ольмекских городов.

Некое лицо, пожелавшее остаться неизвестным, внесло на текущий счет местного Тулзйнского университета крупную сумму денег. Согласно воле таинственного мецената, проценты с этого необычного дара предназначались для изучения прошлого стран Центральной Америки. Дирекция университета решила не откладывать дела в долгий ящик и тут же снарядила большую этнографо-археологическую экспедицию в Южную Мексику. Во главе ее были поставлены известные специалисты-археологи Франц Блом и Оливер Ла Фарж. Два незаурядных человека, наделенных ненасытной любознательностью и широкими познаниями, объединились здесь для

того, чтобы бросить вызов непроторенной центрально-американской глуши и отправиться на поиски забытых племен и исчезнувших цивилизаций.

19 февраля 1925 года экспедиция началась. А через несколько месяцев ее загоревшие до черноты участники очутились в самом сердце болотистых джунглей, на юге побережья Мексиканского залива. Их путь лежал к реке Тонала, где по слухам находилось заброшенное древнее поселение с каменными идолами. В портовом городке Пуэрто-Мехико они наняли моторно-парусную шхуну «Лупата», и путешествие в прошлое началось. Скупые строки экспедиционного дневника в какой-то мере вводят нас в волнующую атмосферу тех дней, рассказывая о трудностях, стоявших на пути первооткрывателей и о радости неожиданных находок. «Проводники сообщили нам, что имеются два пути, которыми мы можем добраться до древних руин. Один — по безымянной реке длиной более 4 километров. Другой — вверх по реке Тонала и далее по ее притоку Бласильо. Последний маршрут имел уже то преимущество, что сухопутный переход был там намного короче, и мы, не колеблясь, выбрали его... Наша шхуна тихо скользила по широкой реке, берега которой были сплошь покрыты густыми мангровыми лесами. То здесь, то там в воздух взмывали белые цапли, напуганные шумом нашего мотора. Через два с половиной часа мы добрались до устья более узкой реки Бласильо и свернули туда. Приходилось все время быть настороже из-за множества коряг и затонувших деревьев. В некоторых местах громадные лесные исполины рухнули в воду и почти перегородили реку своими стволами. Уже под вечер добрались мы до небольшого индейского ранчо, где и остановились на ночлег. Первым делом пришлось развесить свои гамаки и противомоскитные пологи (сетки), поскольку воздух был буквально переполнен этими кровожадными насекомы-

ми. И когда мы легли спать, то долго еще слышали жалобные серенады миллио́нов москитов, бесновавшихся за тонкой тканью наших сеток.

Рано утром, еще до восхода солнца, мы отправились к руинам. Дорога теперь шла по суше. Но это было лишь одно название. Почва во многих местах оказалась настолько заболоченной, что нам приходилось брести по воде, доходившей порой выше колен. Проводник сказал нам, что Ла Вента — место, куда лежал наш путь, — это остров, окруженный со всех сторон болотами. На нем есть невысокие холмы с удивительно плодородной почвой. Поэтому вся земля на острове поделена на участки, каждый из которых принадлежит отдельной индейской семье. Когда мы подошли к окраине Ла Венты, нам действительно встретилось несколько индейцев, направлявшихся на охоту или на свои поля. Мы попросили их помочь в расчистке древних руин от лесных зарослей, и они охотно согласились. После часа быстрой ходьбы от ранчо Бласильо мы добрались наконец до цели: перед нами находился первый идол. Это был огромный каменный блок более двух метров высоты. Он лежал плашмя на земле, и на его поверхности можно было разглядеть человеческую фигуру, грубо высеченную в глубоком рельефе. Фигура эта не отличается какой-либо спецификой, хотя, судя по общему ее виду, здесь чувствуется какой-то слабый отголосок влияния майя. Вскоре после этого мы увидели и самый поразительный монумент Ла Венты — огромный валун, напоминающий по форме церковный колокол... После незначительных раскопок, мы, к своему несказанному удивлению, убедились в том, что перед нами верхняя часть «гигантской головы», наподобие найденной в Трес-Сапотес».

Повсюду среди джунглей встречались массивные каменные изваяния. Одни из них стояли вертикально, другие рухнули вниз или были разбиты. Их поверхность

покрывала рельефная резьба, изображавшая людей и животных или фантастические фигуры в образе полу-человека-полузверя.

Пирамидальные постройки, когда-то гордо возвышавшиеся своими белоснежными гребнями над вершинами деревьев, теперь едва угадывались под густым покровом растений. Этот таинственный город в древности был, очевидно, крупным и важным центром, местом рождения высоких культурных достижений, совершенно неизвестных науке.

Но время торопило исследователей. Преодолев серьезные препятствия, они сумели бегло осмотреть обнаруженные ими здания и монументы и постарались возможно точнее зарисовать и нанести на карту наиболее важные из них. Этого было явно недостаточно для сколь-нибудь широких исторических выводов. Поэтому Франц Блом, покидая древний город, вынужден был написать в своем дневнике: «Ла Вента, бесспорно, весьма загадочный памятник, где необходимы значительные исследования, с тем чтобы наверняка узнать, к какому времени относится это городище».

Но не прошло и нескольких месяцев, как это утверждение, делающее честь любому беспристрастному ученому, было начисто забыто. Очутившись в стране древних майя, Блом не мог устоять перед очарованием изящной архитектуры и скульптуры их заброшенных городов. Вычурные иероглифы и календарные знаки встречались здесь буквально на каждом шагу. И ученый, отбросив мучившие его сомнения, твердо решил: конечно же майя по всем статьям превосходили своих безымянных соседей на западе. Обширная глава об исследованиях в Табаско из книги Блома и Ла Фаржа «Племена и храмы» (1926 год) заканчивается следующими словами: «В Ла Венте мы нашли большое число крупных каменных изваяний и, по меньшей мере, одну высокую

пирамиду. Некоторые черты этих изваяний напоминают скульптуру из области Тустлы; другие демонстрируют сильное влияние со стороны майя... Именно на этом основании мы склонны приписать руины Ла Венты культуре майя». Так, по иронии судьбы самый яркий ольмекский памятник, давший впоследствии название всей этой древней цивилизации, неожиданно оказался в списке городов совершенно иной культуры, созданной другим, хотя и родственным ольмекам, народом майя.

История знает немало примеров того, как пустяковое на первый взгляд событие круто меняло весь дальнейший ход развития человеческого общества. Нечто подобное случилось и в «ольмекологии», когда Франц Блом и его друзья совершили не слишком утомительный поход к вершине вулкана Сан-Мартин, где, по слухам, с незапамятных времен стояла статуя какого-то уродливого языческого бога. Лишь много лет спустя придиричвые знатоки мексиканской археологии разберутся наконец в истинном значении всего случившегося и громко нарекут находку американцев из Нью-Орлеана «Розеттским камнем культуры ольмеков».

По иронии судьбы сами первооткрыватели (в действительности они оказались вторыми) тоже ничего не поняли и отнеслись ко всему свершившемуся весьма спокойно. Для описания загадочного идола на горной вершине в их книге отведено буквально несколько строк. «Взобраться на вулкан Сан-Мартин Пахапан, — писал впоследствии сам Блом, — было нашей давней мечтой. В Татахуикапе мы наняли проводников и верхом на лошадях отправились в путь. Но после часа езды мы вынуждены были привязать наших кляч близ крохотной плантации кофе и идти дальше пешком... Затем тропа кончилась, и мы вступили в лес, где пришлось карабкаться по довольно крутому склону до тех пор, пока мы не добрались до небольшого ручья на высоте 506 метров. Наш

проводник объявил, что здесь находится последнее место, где мы можем напиться воды перед «настоящим» подъемом. В этой части леса каждая скала и каждый лист на деревьях были сплошь покрыты какими-то белыми личинками размером с мизинец. Густой подлесок состоял из небольших пальм и колючих кустов, но когда мы поднялись повыше — они исчезли. Узкая крутая тропинка то петляла среди скалистых обнажений, то исчезала вообще, чтобы через несколько шагов вновь вынырнуть перед нами. Чем ближе к вершине, тем ниже становились деревья. Их корни были исхлестаны свирепыми ветрами, а угловатые ветви покрывали разводы мха. На самой вершине горы тоже росли деревья. Это говорит о том, что с тех пор как вулкан «просыпался» в последний раз, прошло уже немало времени. Вершина имела два пика. На высшей точке южного из них мы обнаружили большой валун с отметкой 1211. Этот номер выбил на камне мексиканский инженер Исмаил Лойя, обследовавший данный район в 1897 году. Валун и стоит как раз на высоте 1211 метров. Лойя был первым, кто видел идола на макушке горы Сан-Мартин. Он же рассказал нам в 1922 году, что ему пришлось передвинуть этого идола на небольшое расстояние для того чтобы использовать его как угловую отметку в своих промерах. Во время этого «переезда» он нечаянно отбил у идола руки. Но еще до начала работ инженер успел, к счастью, сделать схематический рисунок всего изваяния. Под древней статуей находилась небольшая яма, в которой лежали какие-то глиняные сосуды и несколько небольших вещиц из нефрита. Лойя отбросил все это в сторону, но одну небольшую поделку в виде гремучей змеи из светло-зеленого нефрита прихватил с собой.

Идол сидит на корточках и, согласно рисунку Лойи, горизонтально держит в обеих руках какой-то брусочек. Его тело наклонено вперед. Руки, ступни ног и брусочек

сейчас отсутствуют. Лицо сильно повреждено. Общая высота изваяния 1,35 метра, из которых 57 сантиметров приходится на головной убор. По обеим сторонам головы идола хорошо видны громадные ушные украшения. Головной убор необычайно вычурный и пышный. На передней его части изображено какое-то странное лицо с узкими глазами, небольшим широким носом и опущенным вниз ртом с пухлой и вздернутой верхней губой.

Сам монумент стоит на небольшой ровной площадке, в седловине между двумя высокими пиками, неподалеку от кратера вулкана. Изваяние может изображать бога огня или гор. Но в то время мы не рискнули отнести его наверняка к какой-нибудь определенной культуре».

РОЖДЕНИЕ ГИПОТЕЗЫ

Между тем в частных коллекциях и музейных собраниях многих стран Европы и Америки в результате непрерывных грабительских раскопок появлялось все больше загадочных по происхождению изделий из драгоценного нефрита. Спрос на них был велик. И грабители собирали в горах и джунглях Центральной Америки обильную жатву, безжалостно уничтожая при этом бесценные сокровища древней культуры.

Причудливые статуэтки людей-ягуаров и ягуаров-людей, звероподобные маски богов, пухлые карлики, голые уродцы со странно удлинненными головами, огромные топоры-кельты с затейливыми резными узорами, изящные нефритовые украшения — все эти древние предметы несли на себе явный отпечаток глубокого внутреннего родства — несомненное доказательство их общего происхождения. И тем не менее они долго считались не-

определенными, загадочными, поскольку их не удавалось связать ни с одной из известных тогда цивилизаций доколумбовой Америки.

В 1929 году археолог Маршалл Савий — директор Музея американских индейцев в Нью-Йорке обратил внимание на группу странных «ритуальных» топоров-кельтов из собрания музея. Все они были сделаны из прекрасно отполированного голубовато-зеленого нефрита, а их поверхность нередко украшали вычурные резные рисунки, маски людей и богов. Общее сходство этой группы вещей не вызывало никаких сомнений. Но откуда, из какой части Мексики или Центральной Америки происходят эти загадочные предметы? Кто и когда их создал? С какой целью? Вновь и вновь возвращался ученый к мучившему его вопросу. Но ответа на него пока не было. Перед ним за тонким стеклом музейной витрины лежали каменные изделия, совершенно непохожие на те, что он встречал прежде. Здесь были представлены произведения самобытного творчества, увековеченные в камне идеалы народа, происхождение которого терялось в глубине веков. И здесь Савий вспомнил, что точно такое же по стилю изображение встречается не только на его нефритовых топорах, но и на головном уборе каменного идола из Сан-Мартина. Сходство между ними даже в мельчайших деталях настолько велико, что и непосвященному было теперь ясно: все эти изделия — плоды усилий одного и того же народа. Цепь доказательств сомкнулась. Тяжелый базальтовый монумент не перетящить на сотни километров. Следовательно, и центр этого странного и во многом еще непонятого древнего искусства тоже находился, вероятно, где-то в районе вулкана Сан-Мартина, то есть в Южном Веракрусе.

Человека, которому было суждено сделать решающий шаг в том направлении, которое скорее угадал, чем увидел Савий, звали Джордж Клапп Вайян. Один из

лучших выпускников уважаемого Гарварда, он мог рассчитывать на самую блестящую научную карьеру и буквально в считанные годы занять место преуспевающего университетского профессора. Но случилось непредвиденное. Будучи еще первокурсником, Вайян раз и навсегда определил свои планы на будущее, отправившись в 1919 году в Мексику вместе с какой-то американской археологической экспедицией. Археология стала для него второй жизнью. Каждый год, едва теплый и ласковый ветер возвещал о приходе весны, юноша оставлял до лучших времен свои конспекты и книги и уезжал в далекие края — в навсегда полюбившиеся ему Мексику, Египет, Карфаген. А затем пришла зрелость и вместе с ней жгучее желание как можно лучше разобраться во всех хитросплетениях древнемексиканской истории. Около десяти лет один или вместе со своей молодой женой Сюзанн Вайян в пыли и духоте раскопок упорно добывал из глубин земли столь нужные науке факты о прошлом индейцев. В долине Мехико вряд ли остался хоть один мало-мальски интересный памятник старины, где бы не побывал этот энергичный американец. Сакатенко, Тикоман, Эль-Арболильо, Гуалупита, Теотихуакан, Аскапоцалько и названия многих других мексиканских городов и селений, словно яркие вехи, отмечают тернистый путь открытий, сделанных молодым ученым. Слава пришла к нему довольно рано. Лучшие университеты Америки — Гарвардский, Колумбийский и Йельский — считают за честь пригласить его для чтения лекций. Нью-Йоркский Музей естественной истории предлагает ему пост главного хранителя своих коллекций. В 1941 году фундаментальный труд «Ацтеки Мексики» приносит ему всеобщее уважение мексиканских коллег и титул почетного профессора Национального музея города Мехико. И лишь внезапная смерть — Вайян умер в 1945 году в возрасте сорока четырех лет —

на полпути оборвала его блестящую научную карьеру. Но еще задолго до этого рокового дня он успел внести весомый вклад в решение почти всех основных проблем мексиканской археологии. И ольмеки не были здесь исключением. Именно Вайяну обязаны мы рождением одной остроумной гипотезы на этот счет.

В 1909 году при строительстве плотины в Некаше (штат Пуэбла, Мексика) один американский инженер случайно нашел в разрушенной древней пирамиде нефритовую статуэтку сидящего ягуара. Интересный предмет привлек внимание ученых и вскоре был куплен Музеем естественной истории в Нью-Йорке. Впоследствии именно эта нефритовая фигурка послужила Вайяну своего рода отправной точкой в его рассуждениях о загадках культуры ольмеков.

«Пластически, — писал он, — этот ягуар относится к группе скульптур, демонстрирующих одни и те же черты, — рычащая пасть, увенчанная выше плоским приплюснутым носом и раскосыми глазами. Часто голова у таких скульптур имеет сзади выемку или зарубку. Большой нефритовый топор, выставленный в Мексиканском зале музея, также относится к этому типу изображений. Географически все эти нефритовые изделия концентрируются в Южном Веракрусе, Южной Пуэбле и на севере Оахаки.

Столь же очевидную связь с названной группой предметов демонстрируют и так называемые «младенческие» скульптуры из Южной Мексики, сочетающие в себе черты ребенка и ягуара».

Сопоставив все известные ему факты, Вайян решил действовать по методу исключения. Он хорошо знал, как выглядит материальная культура большинства древних народов, населявших когда-то Мексику. Ни один из них не имел ничего общего с создателями стиля изящных нефритовых статуэток. И тогда ученый вспомнил слова

древней легенды об ольмеках — «жителях страны каучука»: область распространения нефритовых статуэток ребенка-ягуара целиком совпадала с предполагаемым местом обитания ольмеков — южное побережье Мексиканского залива.

«Если мы ознакомимся с перечнем народов из полумифических преданий индейцев нахуа, — утверждал Вайян, — то путем исключения можно выяснить, кого из них следует связывать с только что выделенной по материальным критериям цивилизацией. Мы знаем стили искусства ацтеков, тольтеков и сапотеков, может быть, тотонаков и наверняка майя. В этих же преданиях часто упоминается один высококультурный народ — ольмеки — живший в древности в Тлашкале, но оттесненный впоследствии в Веракрус и Табаско... Ольмеки славились своими изделиями из нефрита и бирюзы и считались главными потребителями каучука во всей Центральной Америке. Географическое положение этого народа примерно совпадает с областью распространения нефритовых статуэток с ликами младенцев и ягуаров».

Так, в 1932 году благодаря остроумной гипотезе еще один абсолютно неизвестный народ с высокоразвитой культурой вновь получил вполне реальные доказательства существования. Это был не только триумф ученого, но и триумф древней ацтекской легенды.

ГЛАВНОЕ — «ГОЛОВА»

Итак, начало было положено. Правда, «воскрешение» ольмеков из небытия Вайян осуществил всего лишь на основе нескольких разрозненных вещей, опираясь главным образом на логику своих научных предположе-

ний. Для более глубокого изучения вновь открытой цивилизации одних этих находок, несмотря на их уникальность и художественное мастерство, было явно недостаточно. Требовались систематические раскопки в самом сердце предполагаемой страны ольмеков. Впрочем, это, видимо, хорошо понимал и сам Вайян. Как бы обращаясь к своим преемникам на поприще мексиканской археологии, он в одной из популярных статей сказал: «На территории ольмеков еще не велось фактически никаких раскопок. Поэтому мы ничего не знаем об их происхождении или об их связях с другими культурами. Ольмеки, подобно призракам, бродят по страницам мексиканской истории. Несколько замечаний о том, что действительно был когда-то такой народ, немногочисленные изображения внешнего облика его представителей, совершенно непохожих на любой другой известный нам народ, вроде майя, и жалкая коллекция скульптур, явно выходящих за пределы уже выделенных нами художественных традиций, — вот все, что доказывает былое их существование. Возможно, что будущие исследования в стране ольмеков во многом прояснят давно дискутируемый вопрос о связи между мексиканцами и майя или же осветят происхождение тех великих теократий, которые создали Центральной Америке ее цивилизацию. Эти пророческие слова известного американского археолога стали своего рода программой всей жизни для одного из его соотечественников и коллег. Его звали Мэтью Стирлинг.

В 1918 году, еще будучи студентом Калифорнийского университета, он впервые увидел в какой-то книге изображение нефритовой маски в виде «плачущего ребенка» и с тех пор навсегда «заболел» загадочными изваяниями из Южной Мексики. Особенно поражал его тот факт, что многие предметы таинственного ольмекского стиля были изготовлены из характерного голубовато-зе-

леного нефрита, никогда не встречавшегося в памятниках других древних культур Нового Света. После окончания университета молодой Стирлинг попадает в наиболее известное тогда научное учреждение США — Смитсоновский институт в Вашингтоне. Начались годы кропотливого труда. И хотя в силу разного рода причин Стирлингу пришлось работать главным образом в Северной Америке, затаенная мечта об ольмекских городах, погребенных в глубине южномексиканских джунглей, никогда уже не покидала его. С большим волнением прочитал он отчет Ф. Блома и О. Ла Фаржа о таинственных изваяниях из Ла Венты. В 1932 году ему попался на глаза труд одного американского плантатора из Веракруса — некоего Альберта Вейерстолла. Последний со знанием дела описывал несколько новых каменных скульптур из Ла Венты и Вильяэрмосы. Но больше всего поразили Стирлинга заключительные слова статьи, где говорилось, что идолы Ла Венты совершенно не похожи на майяские и гораздо старше их по возрасту. Любому посвященному человеку было ясно, что медлить больше нельзя. Там, в болотистых лесах Веракруса и Табаско, ждут своего часа бесчисленные памятники погибшей цивилизации, которых никогда не касалась еще рука археолога. Но как убедить руководство заинтересованных учреждений и своих коллег-археологов, что все эти отнюдь немалые денежные затраты стоицей окупятся научной значимостью будущих находок? Нет, обычные методы здесь явно не годились. И он решается на отчаянный шаг. В начале 1938 года один, почти без денег и снаряжения он отправляется в Веракрус, чтобы осмотреть ту самую гигантскую каменную голову, которая была описана еще Мельгаром. «Я обнаружил предмет моих мечтаний, — вспоминает Стирлинг, — на площади, окруженной четырьмя пирамидальными холмами. Из земли едва выглядывала одна лишь макушка огром-

ного изваяния. Я отбросил землю с его лица и сделал несколько фотоснимков». Когда первое волнение от встречи с этим посланцем древности наконец прошло, Мэтью огляделся вокруг и замер от удивления. Наметанный глаз археолога сразу же обнаружил то, что так долго ускользало от внимания его предшественников: гигантская голова стояла посреди руин заброшенного города. Повсюду из лесных зарослей поднимались ввысь плоские вершины искусственных холмов-пирамид, скрывавших внутри остатки разрушенных дворцов и храмов. Они были ориентированы строго по странам света и группировались по три-четыре вокруг широких прямоугольных площадей. Сквозь густую зелень джунглей тут и там проглядывали контуры таинственных каменных изваяний. Да, сомнений быть не могло: первый ольмекский город лежал у ног усталого, но счастливого археолога. Теперь-то он сумеет убедить в своей правоте любого скептика и достанет необходимые для экспедиции средства!

Возвратившись в Вашингтон, Стирлинг с еще большей энергией берется за воплощение в жизнь своего проекта. Он обивает пороги многих научных учреждений столицы, убеждает, доказывает с фактами в руках огромную археологическую значимость вновь найденного памятника и в конце концов добивается своего. Смитсоновский институт совместно с Национальным географическим обществом выделили ему людей и необходимые средства для экспедиции в Южную Мексику.

Заветная мечта Стирлинга стала теперь на вполне материальную почву.

ГЛАВА 2

ЭКСПЕДИЦИИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ

Знать о причинах,
которые скрыты,
Тайные ведать пути—
Этому чувству
шестому на смену,
Чувство седьмое,
расти!

Леонид Мартынов,
1952 г.

Поздней осенью 1938 года из мексиканского городка Альварардо, что стоит на берегу океана близ устья реки Папалопан, отправился в очередной рейс допотопный колесный пароход с нелепо длинной, нещадно дымившей трубой. На борту его, кроме обычных пассажиров — крестьян и торговцев в громадных широкополых сомбреро и ярких плащак-пончо, — находилась группа людей, одежда и внешность которых выдавали в них иностранцев. Новоиспеченный начальник археологической экспедиции Мэтью Стирлинг и его немногочисленные спутники, столпившись у поручней, жадно разглядывали экзотические пейзажи тропиков.

Между тем корабль, похожий скорее, с его мешками, ящиками и курами, на Ноев ковчег, чем на обычное пассажирское судно, миновал изумрудные луга с высокой травой и торжественно вошел под своды нескончаемого зеленого тоннеля, созданного самой природой. Развесистые кроны деревьев-великанов сомкнули свои ветви почти над серединой реки, образовав плотную, непроницаемую для солнечных лучей крышу.

Джунгли, бесконечные джунгли на много километров вокруг.

**БОЛОТНОЕ
ЦАРСТВО**

То веселые, усыпанные яркими цветами, с щебетом птиц и задорными криками обезьян, то, напротив, темные и угрюмые, погруженные по плечи в вязкую грязь гнилых болот, где лишь змеи да огромные ящерицы-игуаны терпеливо поджидают в прохладном полумраке зазевавшуюся добычу. Наконец, после нескольких дней пути далеко на горизонте показались туманные пики горных хребтов Тустлы, у подножия которых, близ деревушки Трес-Сапотес, лежали руины древнего города ольмеков. Экспедиция была у цели.

ПО СЛЕДАМ КОНКИСТАДОРОВ

История этого края представлялась тогда книгой, где большая часть страниц вообще не была еще никем заполнена. Правда, в записках испанского солдата Берналя Диаса дель Кастильо — очевидца и непосредственного участника всех важнейших событий кровавой эпопеи Конкисты — мы находим упоминание о том, что реку Папалопан открыл в 1518 году храбрый идалго Педро де Альварадо — будущий сподвижник Кортеса.

«Когда мы следовали вдоль побережья, — вспоминает Диас, — капитан Педро де Альварадо вырвался на своем корабле вперед и вошел в устье реки, которую индейцы называют Папалопан и которую мы назвали тогда «рекой Альварадо», поскольку Альварадо был первым, кто открыл ее... Мы с тремя другими кораблями ждали близ устья реки его возвращения, и наш генерал (Хуан де Грихальва. — В. Г.) был очень зол на него за то, что он отправился вверх по реке без разрешения».

Но попытка проникнуть в глубь страны по удобному речному пути закончилась неудачей. В те времена страну населяли воинственные индейские племена, пришедшие откуда-то с запада. Грозные легионы краснокожих воинов, выстроившихся на берегу реки в строгом боевом порядке, были настолько внушительны, что испанцы поспешили убраться восвояси. Из старинных индейских преданий и хроник известно также, что до прихода конкистадоров все побережье Мексиканского залива находилось во власти великого правителя ацтеков Монтесумы. Причем одна из многочисленных повинностей местных жителей состояла в том, что они должны были ежедневно доставлять свежую рыбу ко двору грозного владыки Теночтитлана. Чтобы быстрее покрыть огромное расстояние в несколько сот километров, по всему пути — в джунглях и на горных перевалах были устроены заставы с быстроногими и выносливыми гонцами, которые как эстафету передавали корзины с рыбой от одного поста к другому. За сутки они успевали пробежать от побережья Мексиканского залива до ацтекской столицы Теночтитлан.

Согласно другим сообщениям, первыми обитателями этих мест были ольмеки — создатели древнейшей цивилизации Нового Света.

«Их дома были прекрасны, — гласит легенда, — дома с мозаичными инкрустациями из бирюзы, изящно оштукатуренные, были чудесны. Художники, скульпторы, резчики по камню, мастера по изделиям из перьев, гончары и прядильщики, ткачи, искусные во всем, они совершили необычайные открытия и были способны отделять зеленые камни, бирюзу...»

На плодородных землях предгорий и речных долин возникли и процветали многочисленные города и селения. Непроступная стена горных хребтов защищала страну от жестоких ураганов и ветров с севера, со сто-

роны океана. А тучные нивы ольмеков, даже при минимальной заботе о них, давали неслыханные урожаи маиса, бобов и тыквы, и притом дважды в год. С незапамятных времен длилось это благоденствие, но все на свете имеет свое начало и свой конец. Неведомые враги, пришедшие с запада, черным потоком хлынули на цветущую страну мирных земледельцев. Высокая цивилизация ольмеков была уничтожена, и джунгли поглотили то, чего не успели разрушить чужеземцы.

На долю Мэтью Стирлинга и его товарищей выпала высокая честь — открыть первую страницу в исследовании таинственной ольмекской культуры, которую, казалось бы, навсегда вычеркнули из человеческой памяти мечи завоевателей.

ГОРОД. ЗАТЕРЯННЫЙ В ДЖУНГЛЯХ

Поначалу все было загадочным и неясным. Десятки искусственных холмов-пирамид, бесчисленные каменные монументы с вычурными узорами и ликами правителей или богов, обломки красочной глиняной посуды. И ни одного намека на то, кому же принадлежал этот заброшенный город.

Здесь невольно приходили на память слова, сказанные известным американским путешественником XIX века Стефенсом по поводу древнего памятника, скрытого в джунглях Гондураса, на три сотни миль южнее Трес-Сапотес:

«В разрушенных городах Египта, даже в давно забытой Петре, чужестранец знает в общих чертах историю того народа, следы деятельности которого он видит вокруг. Америку же, по словам историков, населяли

дикари. Но дикари никогда не смогли бы воздвигнуть эти здания или покрыть резными изображениями эти камни. Архитектура, скульптура и живопись, все виды искусства, которые украшают жизнь, процветали когда-то в этом девственном лесу. Ораторы, воины и государственные деятели, красота, честолюбие и слава жили и умирали здесь; никто не знал о существовании подобных вещей и не мог рассказать об их прошлом. Город был необитаем. Среди древних развалин не сохранилось никаких следов исчезнувшего народа, с его традициями, передаваемыми от отца к сыну и от поколения к поколению.

Он лежал перед нами, словно корабль, потерпевший крушение посреди океана. Его мачты сломались, название стерлось, экипаж погиб. И никто не может сказать, откуда он шел, кому принадлежал, сколько времени длилось его путешествие и что послужило причиной его гибели.

О его происхождении можно узнать лишь по едва заметному сходству с уже известными нам типами кораблей. А впрочем, не исключено, что мы никогда ничего не узнаем о нем вообще. Все представлялось загадкой, темной и непроницаемой. И каждая новая деталь лишь усложняла ее. В Египте колоссальные остовы храмов стоят среди безводных песков во всей наготе запустения. Здесь же необъятное море джунглей мягко окутывает руины, пряча их от посторонних взоров и окружая ореолом романтики».

Два долгих и утомительных полевых сезона (в 1939 и 1940 годах) было затрачено на раскопки в Трес-Сапотес. Длинные ленты траншей и четкие квадраты шурфов опоясали зеленую поверхность холмов-пирамид. Находки исчислялись тысячами: изящные поделки из голубоватого нефрита, бесчисленные обломки керамики, глиняные статуэтки, многотонные каменные извая-

ния. Но прежде всего была раскопана знаменитая «голова эфиопа», которая, как оказалось, лежала всего лишь в 100 метрах от лагеря экспедиции. Двадцать рабочих целый день без усталости трудились вокруг поверженного исполина, пытаясь освободить его из глубокой лесной могилы. Здесь же толпились и многочисленные зеваки из близлежащих селений. Старики индейцы с самым серьезным видом уверяли Стирлинга, что много лет назад кладонскатели нашли возле идола кучу золота. Тогда была раскопана якобы и верхняя часть туловища колосса, украшенная фигурами двух крокодилов. В дополнение ко всему археологи узнали, что сфотографировать голову совершенно невозможно, поскольку она переворачивается на пленке так, что всегда виден лишь один ее затылок!

«Хотя мы довольно скептически относились к этим рассказам, — вспоминает Стирлинг, — тем не менее наш интерес все более возрастал, по мере того как каменный колосс постепенно освобождался от вязкой глины, совершенно затянувшей его за прошедшие столетия». Наконец все было кончено. Очищенная от земли голова казалась выходцем из какого-то фантастического, потустороннего мира. Несмотря на свои внушительные размеры (высота — 1,8 метра, окружность — 5,4 метра, вес — 10 тонн), она была высечена из одного каменного монолита. Подобно египетскому сфинксу, молчаливо взирала она своими пустыми глазницами на север, туда, где на широкой городской площади совершались когда-то пышные варварские церемонии, а жрецы приносили кровавые жертвы в честь грозных языческих богов. О, если бы каменные уста истукана смогли бы вдруг раскрыться и он обрел бы на миг дар речи, многие забытые страницы из прошлого Америки стали бы для нас так же хорошо известны, как и история Египта, Греции или Рима!

Но каким образом доставили древние жители Трес-Сапотес эту огромную глыбу базальта в свой родной город, если ближайшее месторождение такого камня находится в нескольких десятках километров?

Подобная задача поставила бы в тупик даже современных инженеров. А пятнадцать-двадцать веков назад это было сделано ольмеками без помощи колесного транспорта и тягловых животных — у них, как и у остальных американских индейцев, попросту не было ни того, ни другого, — только руками человека. И тем не менее гигантский монолит, доставленный каким-то чудом — и не по воздуху, а по земле, через джунгли, реки, болота и овраги, — гордо стоит теперь на центральной площади города как величественный памятник упорству и труду безвестных мастеров древности.

В ходе исследований выяснилось, что в Трес-Сапотес имеется не одна, а целых три гигантских головы. Вопреки широко распространенным среди индейцев слухам, эти каменные колоссы никогда не имели туловища. Древние скульпторы заботливо поставили их на специальные низкие платформы из каменных плит, у подножия которых располагались подземные тайники с дарами богомольцев. Все эти изваяния высечены из крупных глыб твердого черного базальта. Их высота колеблется от 1,5 до 3 метров, а вес — от 5 до 40 тонн. Широкие и выразительные лица гигантов с пухлыми вывернутыми губами и раскосыми глазами настолько реалистичны, что вряд ли приходится сомневаться — перед нами портреты каких-то исторических персонажей, а не лики заоблачных богов. По мнению Мэтью Стирлинга, это изображения наиболее выдающихся ольмекских вождей и правителей, увековеченных в камне их благодарными подданными.

ЗАГАДКА КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ

У основания одного из холмов археологам удалось обнаружить большую каменную плиту, поваленную на-земь и разбитую на два куска примерно равной величины. Вся земля вокруг нее была буквально усыпана тысячами острых осколков обсидиана, принесенных сюда, вероятно, в древности в качестве ритуального дара. Правда, рабочие-индейцы имели на этот счет свое особое мнение. Они считали, что осколки обсидиана — это «громовые стрелы», а сама стела разбита и повалена на землю от удара молнии. Из-за того, что монумент лежал резной поверхностью вверх, скульптурные изображения его сильно пострадали от времени, хотя главные элементы еще вполне различимы. Центральную часть стелы занимает фигура человека, высеченная почти в полном рельефе. По обеим сторонам от него запечатлены еще две фигуры меньшего размера. Один из персонажей держит в руке отрубленную человеческую голову. Над всеми этими фигурами как бы парит в воздухе какое-то небесное божество в виде громадной стилизованной маски.

Найденная стела (стела «А») оказалась самой крупной из всех стел, известных в Трес-Сапотес. Почти прямо на восток от нее находился низкий продолговатый холм, у которого был виден выступающий из земли край какого-то разбитого каменного ящика. «Мы расчистили его, — пишет М. Стирлинг, — и результаты этих небольших раскопок превзошли наши самые смелые ожидания. Каменный ящик представлял собой прекраснейший образец скульптуры из Трес-Сапотес. Он имел полтора метра в длину и слегка выпуклые бо-

ка, так что размеры его днища были меньше, чем устье. Поверхность каждой из четырех сторон покрывала необычайно сложная и великолепно исполненная резьба. Пышный орнамент в виде завитков сочетается с несколькими человеческими фигурами. Впрочем, скорее всего, это не люди, а боги, столкнувшиеся в жесткой космической схватке. Лица богов имеют типично майяский облик. Но зато характер остальной резьбы абсолютно уникален».

«НАХОДКА ВЕКА»

Современные археологи всегда работают в поле по строго определенному плану, и, конечно же, они в состоянии предугадать в известных пределах общий характер своих будущих находок. Однако его величество случай, простое везение никак не приходится сбрасывать со счетов. Можно десятки лет искать в земле подтверждение своей гипотезы и пройти буквально в пяти сантиметрах от желанной находки. С другой стороны, какое-нибудь случайное открытие вызывает порой коренные перемены во всей системе сложившихся взглядов на прошлое того или иного народа. Именно о таком случайном открытии и пойдет ниже речь. Это произошло 16 января 1939 года.

«Ранним утром, — пишет Стирлинг, — я отправился в самую дальнюю часть археологической зоны, мили за две от нашего лагеря. Цель этой не слишком приятной прогулки состояла в том, чтобы осмотреть один плоский камень, о котором еще несколько дней назад сообщил один из наших рабочих. По описаниям камень очень напоминал стелу, и я надеялся найти на ее оборотной стороне какие-нибудь скульптурные изображе-

ния. Стоял невыносимо жаркий день. Двенадцать рабочих и я затратили невероятное количество усилий, прежде чем с помощью деревянных шестов нам удалось перевернуть тяжелую плиту. Но, увы, к глубочайшему моему сожалению, обе ее стороны оказались абсолютно гладкими. Тогда я вспомнил, что какой-то индеец говорил мне еще об одном камне, валявшемся неподалеку, на крохотной мильпе крестьянина со странным именем Санто Сапо. Эта мильпа находилась на ровной площадке у подножия самого высокого искусственного холма Трес-Сапотес. Камень был столь невзрачен на вид, что я, помнится, еще подумал, стоит ли вообще его раскапывать. Но расчистка показала, что он в действительности гораздо больше, чем я полагал, и что одну из его сторон покрывали какие-то резные рисунки, правда, сильно попорченные от времени. Другая же сторона стелы была, по-видимому, совершенно гладкой. Как ни пытался я разобраться в едва заметных линиях резьбы, все было напрасно. Тогда, решив скорее закончить порядком надоевшую работу, я попросил индейцев перевернуть обломок стелы и осмотреть его заднюю часть. Рабочие, стоя на коленях, стали очищать поверхность монумента от вязкой глины. И вдруг один из них крикнул мне по-испански: «Начальник! Здесь какие-то цифры!» И это действительно были цифры. Я не знаю, правда, каким образом догадались об этом мои неграмотные индейцы, но там поперек оборотной стороны нашего камня были высечены прекрасно сохранившиеся ряды черточек и точек — в строгом соответствии с законами майяского календаря. Передо мной лежал предмет, который все мы в душе мечтали найти, но из суеверных побуждений не осмеливались признаться об этом вслух.

Задыхаясь от нестерпимой жары, весь в липком поту, Стирлинг тут же принялся лихорадочно зарисовывать драгоценную надпись. А несколько часов спустя

все участники экспедиции с нетерпением столпились вокруг стола в тесной палатке своего начальника. Последовали сложные выкладки и вычисления, — и вот уже полный текст надписи готов: 6 Эцнаб I Ио. По европейскому летосчислению эта дата соответствует 4 ноября 31 года до нашей эры. Рисунок, высеченный на другой стороне стелы (получившей впоследствии название «Стелы «С» из Трес-Сапотес»), изображает, по словам известного мексиканского археолога Альфонсо Касо, очень ранний вариант ягуароподобного бога дождя. О такой сенсационной находке никто не смел и мечтать. На вновь открытой стеле имелась дата, записанная по системе майяского календаря, но на целых три столетия превосходившая по возрасту любой другой датированный монумент с территории майя. Отсюда следовал неизбежный вывод: гордые жрецы майя заимствовали свой поразительно точный календарь у западных соседей — никому не известных доселе ольмеков.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Одновременно с изучением гигантских каменных скульптур, требовавшим большой затраты времени и сил, в Трес-Сапотес проводились и обычные полевые раскопки с помощью стратиграфических траншей и шурфов. По горло занятый своими собственными хлопотами, Стирлинг всецело отдал это дело в руки молодого археолога Филиппа Дракера, явно не обладавшего пока необходимыми навыками и знаниями. Результаты столь опрометчивого шага не замедлили вскоре сказаться: и сама методика раскопок, и приемы обработки найденного при этом материала оставляли желать много луч-

шего, не раз вызывая впоследствии справедливые нарекания других исследователей. Трес-Сапотес служил как бы пробным камнем всей ольмекской археологии. Это был первый ольмекский памятник, раскопанный специальной научной экспедицией. При таких обстоятельствах каждый черепок, каждая глиняная фигурка, извлеченные со дна траншей и раскопов, приобретали в глазах ученого мира особую ценность.

Здесь требовались глубокие знания, опыт и сугубая тщательность в работе. И не вина, а беда молодого Дракера, что он не всегда справлялся с возложенными на него задачами.

Однако, несмотря на все ошибки и упущения, успех экспедиции был очевиден. «Мы получили, — писал Стирлинг, — большую коллекцию обломков керамики, и с ее помощью надеемся установить подробную хронологию древнего поселения, которое можно было бы тогда привязать к другим известным археологическим памятникам Центральной Америки. Это и явилось практически наиболее важным научным итогом экспедиции».

Ученый мир был взбудоражен. Результаты раскопок в Трес-Сапотес попали на благодатную почву. Появились новые смелые гипотезы о роли ольмексов в истории древней Америки. Но еще больше было нерешенных вопросов. Тогда и возникла мысль созвать специальную конференцию для самого пристального рассмотрения ольмекской проблемы.

ДИСКУССИЯ НАБИРАЕТ СИЛУ

Конференция состоялась в июле 1941 года в Тустла-Гутьерес — столице максиканского штата Чиapas, и привлекла многих специалистов из различных стран

Американского континента. Буквально с первых же минут зал заседаний стал ареной ожесточенных дискуссий и споров, поскольку «горючего материала» основная тема давала в избытке. Все присутствующие разделились на два враждующих лагеря, между которыми шла непримиримая война. По иронии судьбы их разделяли на этот раз не только чисто научные взгляды, но и национальная принадлежность: мексиканский темперамент столкнулся здесь с англосаксонским скептицизмом. На одном из первых же заседаний конференции Дракер изложил собравшимся итоги своих раскопок в Трес-Сапотес и одновременно представил общую схему развития ольмекской культуры, приравняв ее хронологически к «Древнему царству» майя (300—900 годы н. э.). Большинство североамериканских археологов оказало его взглядам единодушную поддержку. Надо сказать, что в то время многие исследователи доколумбовых культур Нового Света, особенно в США, целиком находились во власти одной заманчивой теории. Они были глубоко убеждены в том, что все самые выдающиеся достижения древней индейской цивилизации в Центральной Америке — заслуга только одного избранного народа — майя. И, одержимые этой навязчивой идеей, ученые-майянисты не скупились на пышные эпитеты для своих любимцев, называя их «греками Нового Света», народом-избранником, отмеченным печатью особой гениальности, нисколько не похожим на создателей других цивилизаций древнего мира.

И вдруг, как внезапно налетевший ураган, в зале чинного академического собрания зазвучали страстные голоса двух мексиканских ученых. Их имена — Альфонсо Касо и Мигель Коваррубиас — были хорошо известны всем присутствующим. Первый навеки прославил себя открытием сапотекской цивилизации после многолетних раскопок в Монте Альбане (Оахака). Второй

по праву считался непревзойденным знатоком древне-мексиканского искусства. Определив характерные черты и высокий уровень открытого в Трес-Сапотес художественного стиля, они со всей убежденностью заявили о том, что именно ольмеков следует считать древнейшим цивилизованным народом Мексики.

«Там, в джунглях и болотах Южного Веракруса, — доказывал своим оппонентам темпераментный Мигель Коваррубиас, — повсюду лежат археологические сокровища: погребальные холмы и пирамиды, мастерски вырезанные из базальта гигантские изваяния богов и героев, великолепные статуэтки из драгоценного нефрита... Многие из этих древних шедевров относятся к началу христианской эры. Появившись внезапно, неизвестно откуда, во вполне зрелом виде, они, бесспорно, принадлежат культуре, которая была, вероятно, основополагающей, материнской культурой для всех более поздних цивилизаций».

Ему вторил и Альфонсо Касо: «Культура ольмеков... оказала существенное влияние на развитие всех последующих культур».

Свои взгляды мексиканцы подкрепили весьма убедительными фактами. «Разве не на ольмекской территории найдены древнейшие предметы с календарными датами (статуэтка из Тустлы — 162 год н. э. и «Стела «С» из Трес-Сапотес — 31 год до н. э.)?» — говорили они. «А самый ранний храм майя в городе Вашактуне — Пирамида Е — VII — суб.? Ведь он украшен типично ольмекскими скульптурами в виде бога-ягуара!»

«Помилуйте, — возражали их североамериканские оппоненты. — Вся культура ольмеков — это лишь искаженный и ухудшенный слепок с великой цивилизации майя. Ольмеки просто заимствовали у своих высоко развитых соседей систему календаря, но записали свои

даты, неверно, значительно преувеличив их древность. А может быть, ольмеки пользовались календарем 400-дневного цикла или вели отсчет времени от другой начальной даты, чем майя?» И поскольку подобные рассуждения исходили от двух крупнейших авторитетов в области центральноамериканской археологии — Эрика Томпсона и Сильвануса Морли — многие ученые встали на их сторону.

Особенно рьяно выступил в защиту майяской теории Томпсон. Его статья «Датировка некоторых надписей немайяского происхождения» была нарочито приурочена к открытию конференции в Тустле, вызвав там эффект внезапно разорвавшейся бомбы. Блеснув незаурядной эрудицией, автор заявил, что, во-первых, все немайяские надписи с территории ольмеков с их кажущимися ранними датами относятся в действительности к более позднему времени; а во-вторых, археологические памятники самих ольмеков появились на свет не ранее 1200 года н. э. и были одновременны тольтекам Центральной Мексики и майя Юкатана. И хотя точка зрения Томпсона официально прозвучала как мнение меньшинства, ее воздействие на окружающих было гораздо значительнее, чем может показаться на первый взгляд.

Характерна в этом отношении позиция самого Мэтью Стирлинга. Накануне конференции, находясь под впечатлением своих находок в Трес-Сапотес, он утверждал в одной из своих статей: «Культура ольмеков, которая во многих аспектах достигла высокого уровня, действительно является очень древней и вполне может быть основополагающей цивилизацией, давшей жизнь таким высоким культурам, как майяская, сапотекская, тольтекская и тотонакская».

Совпадение со взглядами мексиканцев — А. Касо и М. Коваррубиаса — здесь налицо. Но когда большин-

ство его маститых соотечественников выступили против пан-ольмекской теории, Стирлинг заколебался. Выбор был нелегким. На одной стороне стояли мэтры американской археологии во всем величии своего многолетнего авторитета, увенчанные докторскими мантиями и профессорскими седидами. На другой — горячий энтузиазм нескольких молодых мексиканских коллег. И хотя разум подсказывал Стирлингу, что у последних сейчас даже больше аргументов, голос крови оказался сильнее. В 1943 году «отец ольмекской археологии» публично отрекся от своих прежних взглядов, провозгласив в одном из солидных научных изданий, что «культура ольмексов развивалась одновременно с культурой «Древнего царства» майя (300—900 годы н. э. — В. Г.), но значительно отличалась от последней по многим важным аспектам».

Шли дни, и настало, наконец, время подвести какие-то итоги. И здесь выяснилось, что организаторы конференции в Тусле — незаурядные дипломаты. Заключительная резолюция составлена на редкость красиво и неопределенно. «На юге Веракруса и на севере Табаско обнаружены остатки древней культуры. И хотя она демонстрирует определенное сходство с великими культурами, уже известными нам, ее нельзя отождествить ни с одной другой... Извлеченные из земли древние изделия и по своему замыслу, и по своему исполнению демонстрируют необычайно высокий уровень искусства. Обнаружено, таким образом, нечто уникальное».

Ольмекская культура получала тем самым всеобщее признание и наделялась всеми правами гражданства. Как вдруг буквально «под занавес» на трибуну поднялся еще один мексиканец, историк Хименес Морено, — и разразился новый скандал. «Помилуйте, — заявил докладчик. — О каких ольмеках может идти здесь речь? Термин «ольмекские» абсолютно неприемлем по отноше-

нию к археологическим памятникам типа Ла Венты и Трес-Сапотес. Истинные ольмеки из древних хроник и преданий появились на исторической арене не ранее IX века нашей эры, а люди, создавшие гигантские каменные изваяния в джунглях Веракруса и Табаско, жили за добрую тысячу лет до этого». Докладчик предложил назвать вновь открытую археологическую культуру по имени важнейшего ее центра — «культурой Ла Венты». Факты, приведенные Хименесом Морено, были настолько убедительными, что спорить особо не приходилось.

Но старый термин оказался слишком живучим. Он пустил такие прочные корни и среди широкой публики, и среди специалистов, что никакие грозные резолюции не могли уже изменить сложившегося положения дел. Древних обитателей Ла Венты и Трес-Сапотес до сего дня называют ольмеками, хотя часто ставят это слово в кавычки. Конференция закончилась. Участники ее разъехались по домам. Но нерешенных проблем после этого отнюдь не убавилось.

ЛА ВЕНТА — СВЯЩЕННАЯ СТОЛИЦА ОЛЬМЕКОВ

В этот момент взоры многих ученых обратились к Ла Венте. Именно она должна была дать ответ на самые жгучие вопросы истории ольмеков. Но суровая природа и влажный тропический климат надежнее любых замков оберегали покинутый древний город: путь к нему был долог и тернист.

Только в 1940 году попадает в Ла Венту Стирлинг. Бесчисленные каменные статуи, гигантские головы в шлемах и вся романтичность окружающей обстановки

надолго запали ему в душу. Это было именно то, что он так упорно искал. И ровно через год в сыром полумраке джунглей зазвенели топоры и мачете рабочих-индейцев. Началось второе и окончательное «открытие» Ла Венты*.

Что же представлял собой этот загадочный город?

У самого побережья Мексиканского залива, среди необозримых мангровых болот штата Табаско, возвышается несколько песчаных островов, крупнейший из которых, Ла Вента, имеет всего 12 километров в длину и 4 километра в поперечнике. Здесь, рядом с захолустной мексиканской деревушкой, по имени которой получил свое название весь остров, и находятся руины древнего поселения ольмеков. Основное ядро Ла Венты занимает небольшое возвышение в центральной части острова, площадью всего лишь 800 на 180 метров. Наиболее высокая точка города — вершина тридцатитрехметровой «Большой пирамиды». К северу от нее находится так называемый «Ритуальный двор», или «Корраль» — ровная площадка, огражденная каменными колоннами, а чуть дальше странная на вид постройка — «гробница из базальтовых столбов». Точно по центральной оси этих важнейших сооружений и находились все наиболее внушительные гробницы, алтари, стелы и тайники с ритуальными дарами. Прежние обитатели Ла Венты хорошо знали законы геометрии. Все важнейшие здания, стоявшие на вершинах высоких пирамидальных фундаментов, были ориентированы строго по странам света. Обилие жилых и храмовых ансамблей, вычурных скульптур, стел и алтарей, загадочные головы-исполины, высеченные из черного базальта, роскошное убранство

* Первое упоминание о руинах Ла Венты содержится в книге французского путешественника конца XIX века Дезире Шарнэ. Но честь первого научного открытия города принадлежит американцам Блону и Ла Фаржу.

найденных здесь гробниц говорили о том, что когда-то Ла Вента была крупнейшим центром ольмеков, а возможно, и столицей всей страны. Никто не знает, как долго длилось процветание города. А затем, как и Трес-Сапотес, он становится жертвой вражеского нашествия и гибнет в пламени пожаров. Все, что можно было разрушить, было разрушено. Все, что можно было ограбить и унести, было унесено. Незванные пришельцы стремились уничтожить буквально все, что напоминало им о культуре и религии побежденного народа. Но огромные каменные головы или многотонные колонны и статуи, изваянные из твердого как сталь базальта, уничтожить было не так-то просто. И тогда в бессильной ярости древние вандалы поспешили разбить мелкие скульптуры, а прекрасные и выразительные лица больших статуй намеренно обезобразили и повредили. Тем не менее значительная часть удивительных творений художников и скульпторов Ла Венты пережила века, и они были вновь открыты для человечества уже в наши дни.

ГРОБНИЦА ИЗ БАЗАЛЬТОВЫХ СТОЛБОВ

В самом центре города, к северу от «Большой пирамиды», раскинулась широкая и ровная площадь, окаймленная со всех сторон вертикально стоящими базальтовыми колоннами. Посреди ее возвышалось какое-то непонятное сооружение — платформа, построенная из таких же каменных колонн. «Мы мучились в догадках по поводу назначения этой странной постройки, — вспоминает Стирлинг. — Вслух говорились самые неутешительные вещи, но в душе каждый надеялся на лучшее. Перед нами открывались самые широкие возможности.

Одно лишь общее количество труда, затраченное древними жителями Ла Венты на строительство этой каменной платформы, указывало на ее важное значение».

Когда платформу расчистили, перед археологами предстал своеобразный базальтовый домик, наполовину спрятанный в земле. Длинная его сторона состояла из девяти вертикально поставленных столбов, а короткая — из пяти. Сверху это прямоугольное сооружение было перекрыто накатом из таких же базальтовых столбов. «Домик» не имел ни окон, ни дверей. Древние строители без помощи раствора и каких-либо специальных креплений так искусно подогнали друг к другу гигантские каменные колонны, что между ними не проскользнула бы и мышь. А ведь каждая из них весила без малого две, а то и три тонны и имела до 3 метров длины при диаметре в 30 сантиметров. С помощью ручной лебедки и прочных канатов рабочие принялись растаскивать верх загадочной постройки. После удаления четырех базальтовых столбов отверстие в крыше стало настолько широким, что можно было рискнуть спуститься вниз, туда, где в густых черных тенях скрывалась внутренняя часть просторной комнаты, замурованной жрецами Ла Венты много столетий назад.

«Сначала, — пишет Мэтью Стирлинг, — мы наткнулись на изящную маленькую подвеску в виде клыка ягуара, вырезанную из зеленого нефрита... Затем показалось овальное зеркало из тщательно отшлифованного куска черного гематита. А дальше, в глубине комнаты, возвышалась какая-то платформа, сделанная из глины и облицованная камнем. На ее поверхности отчетливо выделялось большое пятно яркой пурпурной краски. В пределах его мы обнаружили человеческие кости, принадлежавшие по меньшей мере трем погребенным».

Рядом со скелетами грудой лежали всевозможные изделия из драгоценного нефрита зеленых и голубова-

тых тонов: смешные маленькие фигурки в виде сидящих человечков с припухлыми лицами младенцев, карлики и уродцы, лягушки, улитки, оскаленные пасти ягуаров, диковинные цветы и бусы, зуб гигантской акулы и т. д. Здесь же находился и один из наиболее выдающихся образцов нефритовой скульптуры доколумбовой Америки — сидящая женская фигурка из полированного голубого камня с круглым гематитовым зеркальцем. Руки женщины сложены на груди, так что правая лежит над левой. Изящно причесанные длинные волосы ниспадают до плеч. Черты миловидного овального лица изображены скульптором настолько выразительно и точно, что кажется будто оно живет своей особой внутренней жизнью: и зритель отчетливо видит и тень лукавой улыбки на пухлых губах, и загадочный прищур слегка раскосых миндалевидных глаз.

В юго-западном углу погребальной платформы лежал странный головной убор, напоминавший скорее «терновый венец», чем символ власти и высокого общественного положения его владельца. На прочном шнурке было нанизано шесть длинных игл морского ежа, разделенных вычурными нефритовыми украшениями в виде диковинных цветов и растений. Кроме того, археологи нашли здесь две большие «катушки» из нефрита — украшения для ушей, своего рода серьги — и остатки деревянной погребальной маски с инкрустациями из раковин и кусочков нефрита.

Кто же покоился в гробнице из базальтовых столбов? Согласно легенде, до сих пор бытующей у индейцев Ла Венты, здесь, среди развалин древнего города, погребен не кто иной, как последний император ацтеков — злополучный Монтесума II*, павший в 1519 году в Теночтитлане от рук своих возмущенных соотече-

* Правильное написание Мотекухсома.

ственников. И когда на землю опускается ночь, он выходит из сырой, темной гробницы наверх, чтобы в прозрачных лучах лунного света танцевать со своими придворными на безлюдных улицах и широких площадях навеки уснувшей столицы ольмеков. Все это, конечно, плод народной фантазии, прекрасная легенда. Но научная значимость базальтовой гробницы Ла Венты вряд ли будет меньше оттого, что в ней вместо Монтесумы погребен другой могущественный правитель, живший за 9—10 веков до появления ацтеков в долине Мехико.

Неподалеку от гробницы из базальтовых столбов рабочие, рывшие траншею, неожиданно наткнулись на большой каменный ящик. Когда его очистили от грязи, то Стирлинг с удивлением увидел, что перед ним не просто ящик, а скульптура, изображающая свернувшегося в кольцо ягуара.

Ягуар оказался полым и был заполнен внутри красной глиной и песком. Это был, несомненно, погребальный саркофаг. «Какое-то важное лицо, — говорит Стирлинг, — занимавшее самое высокое общественное положение, было похоронено здесь вместе со своими украшениями и атрибутами власти. Правда, вода, проникавшая внутрь саркофага сквозь многочисленные трещины в его каменной крышке, и химическое воздействие глины почти начисто уничтожили кости самого скелета». Но все многочисленные нефритовые украшения погребенного лежали по-прежнему на своих местах: серьги-«катушки» — возле остатков черепа, продолговатые бусины ожерелья — в районе грудной клетки и т. д. Справа, возле бедер умершего, археологи нашли две великолепные вещи: нефритовую статуэтку обнаженного мужчины с раскосыми глазами и вытянутой, искусственно деформированной головой и длинный (24 сантиметра), хорошо отполированный инструмент из голубого нефрита с заостренным концом, наподобие шила. Точно

такие же орудия использовали древние мексиканцы и племена майя для протыкания ушей и языка во время кровавых жертвоприношений своим богам.

ЗОЛОТО И НЕФРИТ

У цивилизованных народов древней Америки в отличие от египтян, ассирийцев, греков, римлян и других обитателей Старого Света главным символом богатства считалось не золото, а нефрит. Этот факт настолько поразил воображение первых европейцев, побывавших в XVI веке в Новом Свете, что они неоднократно возвращались к нему в своих исторических повествованиях и хрониках. Когда в 1519 году Эрнандо Кортес высадился на пустынном побережье Мексики, неподалеку от современного города Веракрус, местный индейский правитель поспешил отправить сообщение об этом чрезвычайном событии своему верховному владыке — Монтезуме II. И уже несколькими днями позднее перед походным шатром Кортеса появилась пышная процессия послов и вельмож от ацтекского императора. Молча расстелив у входа в шатер несколько циновок, они стали раскладывать на них груды дорогих подарков.

«Первым было круглое блюдо, — вспоминает Берналь Диас, — размером с тележное колесо, с изображением солнца, все из чистого золота. По словам взвешивавших его людей оно стоило не менее 20 000 золотых песо. Вторым было круглое блюдо, даже большего размера, чем первое, сделанное из массивного серебра, с изображением луны. Третьим был шлем, доверху наполненный золотым песком на сумму не менее чем 3000 песо. Было там множество золотых фигурок птиц,

зверей и богов, 30 кип тонких хлопчатобумажных тканей, красивые плащи из перьев, а кроме того, четыре зеленых камня, которые ценятся у них больше, чем у нас изумруд. И послы заявили Кортесу, что эти камни предназначены для испанского императора, так как каждый из них стоит целой ноши золота».

Если верно то, что нефрит у индейцев ценился дороже золота, то не менее справедливо и другое: больше всего нефритовых изделий встречается именно у ольмеков. И это тем более поразительно, что на болотистых берегах Мексиканского залива, там, где находились основные ольмекские центры, не было никаких месторождений нефрита. Его добывали либо на юге, в горах Гватемалы, либо на западе, в Оахаке. Как бы то ни было, огромное количество этого драгоценного и необычайно твердого минерала попадало в страну ольмеков, где грубые куски камня превращались под руками искусных мастеров в изящные статуэтки богов, ювелирные украшения, бусы и ритуальные топоры. А уже отсюда эти великолепные нефритовые вещи расходились по всей Центральной Америке, от самых северных пределов Мексики до побережья Коста-Рики.

«БОЛЬШАЯ ПИРАМИДА» ЛА ВЕНТЫ

Особое внимание археологов привлекала в Ла Венте центральная группа искусственных холмов-пирамид, названная впоследствии «Комплексом А». Здесь, по сути дела, и велись все основные раскопки 40-х и 50-х годов. Наиболее крупным сооружением этой группы, да и всего города в целом, была так называемая «Большая пирамида», высотой около 33 метров. С ее вершины откры-

вался изумительный вид на окрестные леса, болота и реки. А в ясный день в направлении реки Тонала можно было разглядеть и далекую морскую синеву.

«Большая пирамида» построена из глины и облицована сверху слоем прочного, как цемент, известкового раствора. Долгое время об истинных размерах и форме этого гигантского сооружения можно было только гадать, так как контуры его скрывали густые заросли вечнозеленых джунглей. Прежде ученые считали, что пирамида имеет обычные для подобного рода построек очертания — четырехугольное основание и плоскую усеченную вершину. И только в 1968 году американец Роберт Хейзер с удивлением обнаружил, что «Большая пирамида» — это своего рода конус с круглым в плане основанием, имеющим, в свою очередь, несколько полукруглых выступов-«лепестков».

Причина столь странной фантазии строителей Ла Венты оказалась вполне объяснимой. Точно так же выглядели конусы многих потухших вулканов в близлежащих горах Тустлы. По повериям индейцев, именно внутри таких вулканических пиков жили боги огня и земных недр. Стоит ли удивляться тому, что и свои пирамидальные храмы в честь всемогущих богов ольмеки строили по образу и подобию высоких и неприступных горных вершин. История знает немало примеров подобного рода. Достаточно вспомнить зиккураты древних шумеров и ассирийцев или знаменитые «теокалли» ацтекской столицы Теночтитлан. И те и другие были своеобразной жертвой, даром всего общества в честь сонма многочисленных языческих богов, от воли которых зависела, по глубокому убеждению древних, не только сама жизнь, но и смерть каждого человека. Трудно вообразить, сколько времени и человеческих сил было растрчено таким образом впустую за истекшие тысячелетия. Известное представление на этот счет дают последние

работы американского археолога Роберта Хейзера. Приняв во внимание общие размеры «Большой пирамиды» Ла Венты и ее объем (4700 тысяч кубических футов), он подсчитал, что для ее сооружения потребовалось ни много ни мало, а 800 тысяч человеко-дней!

ЛИКИ БОГОВ И ЦАРЕЙ

Между тем работы в Ла Венте приобретали с каждым днем все больший размах. И великолепные находки не заставили себя долго ждать; они посыпались одна за другой как из рога изобилия. Особый интерес вызвали у Мэтью Стирлинга многочисленные каменные скульптуры, обнаруженные у подножия древних пирамид или на площадях ольмекской столицы. В ходе раскопок удалось найти еще пять гигантских каменных голов в шлемах, очень похожих на изваяния из Трес-Сапотес, но вместе с тем каждая со своими индивидуальными чертами и особенностями (внешний облик, форма шлема, узоры орнамента и т. д.). Еще больший восторг вызвала у археологов находка нескольких резных стел и алтарей из базальта, сплошь покрытых сложными скульптурными изображениями. Например, алтарь № 5 представляет собой огромную, гладко отполированную каменную глыбу. На фасаде алтаря, как бы вырастая из глубокой ниши, выглядывает рельефная фигура ольмекского правителя или жреца в пышной одежде и высокой конической шапке. Прямо перед собой на вытянутых руках он держит безжизненное тельце ребенка, лицу которого приданы черты грозного хищника ягуара. На боковых гранях монумента изображено еще несколько странных персонажей в длинных

плащах и высоких головных уборах. Каждый из них держит на руках плачущего младенца, в облике которых опять-таки удивительно сливаются черты ребенка и ягуара. Что означает вся эта загадочная сцена? Может быть, перед нами изображен верховный правитель Ла Венты, его жены и наследники? Или же древний мастер запечатлел здесь акт торжественного жертвоприношения младенцев в честь богов дождя и плодородия?

Во всяком случае, ясно только одно: образ ребенка с чертами ягуара — наиболее характерный мотив ольмекского искусства.

Много споров среди специалистов вызывает и стела № 3 — гигантский гранитный монумент около 4,5 метра высоты и весом без малого 50 тонн. Его украшает какая-то сложная и непонятная сцена, исполненная в технике низкого рельефа. Друг против друга стоят два человека в вычурных головных уборах. Персонаж, изображенный справа, имеет ярко выраженный европеоидный тип: с длинным орлиным носом и узкой, как бы приклеенной козлиной бородкой. Многие археологи в шутку называют его «дядей Сэмом», поскольку он действительно очень напоминает эту традиционную сатирическую фигуру, сотни раз запечатленную карикатуристами разных стран на страницах газет и журналов.

Лицо другого персонажа — оппонента «дяди Сэма» — было намеренно повреждено еще в древности, хотя по некоторым уцелевшим деталям можно догадаться, что перед нами опять-таки изображен человек-ягуар.

Необычность всего облика «дяди Сэма» для древнего искусства мексиканских индейцев зачастую давала пищу для самых смелых гипотез и суждений. Однажды его объявили представителем белой расы и на этом основании приписали некоторым правителям ольмеков чисто европеоидное происхождение. Ну как здесь не вспомнить о «голове эфиопа» из старых работ Мельгара и о ми-

фических плаваниях африканцев в Америку. На наш взгляд, для столь решительных выводов пока нет никаких оснований. Ольмеки, бесспорно, были американскими индейцами, а отнюдь не неграми или белокурыми суперменами.

Скульптурная композиция алтаря № 3 из Ла Венты вдохновила мексиканского художника и археолога Мигеля Коваррубиаса и на большее. Обнаружив образы бородатых людей на различных предметах из Ла Венты (глиняные статуэтки, изображения на нефритовых украшениях и т. д.), он выдвинул гипотезу о том, что «бородачи» — это и есть те неведомые враги, которые разрушили города и селения ольмеков. Доказательством тому должна была служить та же сцена, запечатленная на стеле № 3. Именно ольмекоидный человек-ягуар имеет там намеренно поврежденную голову, в то время как лицо «дяди Сэма» сохранилось на удивление хорошо. К тому же большинство других ольмекских изваяний несет на себе вмятины, борозды и «шрамы» — явные следы намеренной порчи и разрушений. «Два народа столкнулись в смертельной схватке на поле боя, — утверждает Мигель Коваррубиас. — Один из них — «народ Змеи», пришлый с запада, другой — «народ Ягуара» — коренное население края, ольмеки. Об исходе этой борьбы красноречиво говорят поверженные статуи ольмекских богов, руины разрушенных, сторевших дотла городов и селений».

ТАЙНА ШЕСТНАДЦАТИ ЧЕЛОВЕЧКОВ

В 1955 году, после долгого перерыва, раскопки в Ла Венте были продолжены. Одна за другой появлялись на свет удивительные находки: рельефы, мозаики, тайники с ритуальными дарами в честь богов, пышные гробницы

царей и жрецов, великолепные скульптуры. И вдруг лопата рабочего, пробив твердый слой цемента, покрывавшего поверхность глиняной платформы, провалилась куда-то вниз, в пустоту узкой и глубокой ямы. Когда археологи добрались до ее дна, то там среди желтой глины ярко заблестели в солнечных лучах зеленые пятна полированного нефрита. Шестнадцать маленьких каменных человечков — участников какого-то неведомого драматического спектакля — торжественно застыли перед оградой из шести вертикально поставленных топоров-кельтов. Кто они? Зачем их спрятали на дне глубокой ямы, расставив в строго определенном, хотя и непонятном для нас порядке?

Возможно, что ключ к разгадке этого археологического ребуса может дать шестнадцатый участник древнего ритуала. Его одинокая фигурка, вырезанная в отличие от остальных из шершавого гранита, стоит, прижавшись спиной к ограде. Остальные пятнадцать статуэток сделаны из нефрита и имеют чисто ольмекский облик (монголоидные продолговатые глаза, плоские носы, пухлые вывернутые губы и удлиненную, искусственно деформированную голову). Повернувшись в одну и ту же сторону, они пристально смотрят на «гранитного человечка». Справа к нему приближается процессия из четырех мрачных фигур с застывшими лицами-масками. Кто же он, этот одиноко стоящий человек? Верховный жрец, управляющий торжественным языческим ритуалом, или жертва, которую через мгновение повалят на кровавый алтарь неведомого бога?

И здесь на память невольно приходит описание одного варварского обычая, широко распространенного когда-то у многих народов древности. По их представлениям царь или вождь был своеобразным средоточием магических сил, управляющих жизнью природы и человека. Он несет ответственность за хороший урожай, за

обильный приплод скота и за плодовитость женщин всего племени. Ему оказываются чуть ли не божественные почести. Он вкушает все доступные блага жизни, наслаждаясь роскошью и покоем. Но однажды приходит день, когда священный царь должен сполна расплатиться и за свои богатства, и за свою непомерную власть. И единственная плата, которую он обязан отдать своему народу — его собственная жизнь! По древнему обычаю, народ не может ни минуты терпеть на престоле ослабевшего, больного или стареющего царя, поскольку от состояния его здоровья зависит благополучие всей страны.

Наступает трагическая развязка. Старого правителя убивают, а на его место выбирают молодого, полного сил преемника. Этот ужасный цикл убийств и коронаций продолжался во многих странах Африки и Азии сотни лет.

Кто знает, может, и нам удалось по воле случая увидеть во всей полноте трагическую завязку этого страшного ритуала, который с таким блеском был разыгран каменными человечками из Ла Венты? Пока мы можем только гадать на этот счет. Интересно другое. Много лет спустя после того, как эти маленькие человечки были погребены в толще земли, кто-то пробил над ними через все наросшие напластования узкий колодец, осмотрел фигурки и затем снова тщательно замаскировал отверстие глиной и камнями. Благодаря этому непонятному акту мы можем теперь предполагать, что ольмекские жрецы располагали какими-то точными записями, чертежами или планами всех культовых сооружений и святынь своей столицы. Иначе каким образом смогли бы они так безошибочно определить местонахождение крохотного тайника с фигурками спустя столь длительный срок после его сооружения?

ПОКЛОННИКИ ЯГУАРА

Если бы все произведения древнего искусства ольмек-ков были вдруг выставлены в залах одного большого музея, то посетители его сразу бы обратили внимание на одну странную деталь. Из каждых двух-трех скульптур одна обязательно изображала бы ягуара или же странное существо, сочетающее в себе черты ребенка и ягуара.

Когда очутишься в таинственном зеленом полумраке южномексиканских джунглей, легко понять почему ольмекские мастера с таким фантастическим упорством старались запечатлеть в камне образ этого свирепого зверя. Один из наиболее могучих хищников западного полушария, грозный владыка тропической сельвы — ягуар был для индейцев не просто опасным зверем, но и воплощением сверхъестественных сил, почитаемым предком и богом. В религиях различных племен древней Мексики ягуар выступает обычно как бог дождя и плодородия, олицетворение плодоносящих сил земли. Еще и в наши дни, четыре столетия спустя после испанского завоевания и тысячу лет спустя после гибели ольмекской цивилизации, образ ягуара все еще вызывает суеверный ужас у индейцев, а ритуальные танцы в его честь широко распространены у жителей мексиканских штатов Оахака и Веракрус. Сразу же после Конкисты испанский монах Бернардино де Саагун записал рассказы ацтеков о ягуаре. В этих наивных свидетельствах ягуар предстает как сильный, но ленивый зверь, наделенный почти человеческим разумом. Своими огромными светящимися во мраке глазами он сначала гипнотизирует жертву, а затем убивает ее.

Охотник-индеец, встречая в лесу ягуара, знал, что он может выпустить в хищника не более четырех стрел. Так завещали предки. Так предписывали ему всемогущие боги. Если же стрелы не убивали зверя, то охотник становился на колени и безропотно ждал своей участи. И смерть в таких случаях не заставляла себя долго ждать.

Стоит ли удивляться тому, что ольмеки, основой хозяйства которых всегда было маисовое земледелие, почитали бога-ягуара с особым рвением, навечно запечатлев его во многих шедеврах своего поразительного искусства. К каким только ухищрениям не прибегали они для того, чтобы грозный владыка земли, лесов и небесных вод обеспечил им хороший урожай маиса! Они строили в его честь пышные храмы, высекали его клыкастую морду на рельефах и стелах и, наконец, отдавали ему самый драгоценный свой дар — человеческую жизнь.

В ходе раскопок центральной площади Ла Венты почти на шестиметровой глубине археологи нашли прекрасно сохранившуюся гигантскую мозаику в виде стилизованной головы ягуара. Общие размеры мозаики — около пяти квадратных метров. Она состоит из 486 тщательно отесанных и отполированных блоков ярко-зеленого серпентина, прикрепленных с помощью вязкого битума к поверхности плоской каменной платформы. Пустые глазницы и пасть зверя были заполнены оранжевым песком и голубой глиной, а верхушку угловатого черепа украшали стилизованные перья в виде ромбов. Точно такую же мозаику вскоре обнаружили и на другом конце священной площади города. В глубине ее каменной платформы находился тайник с богатейшими дарами в честь бога-ягуара: груды драгоценных вещей, украшений, статуэток и топоров из нефрита и серпентина.

НЕОЖИДАННЫЙ ФИНАЛ: ФИЗИКИ И АРХЕОЛОГИ

Наконец пришла пора сделать какие-то первые выводы о характере Ла Венты и ольмекской культуры в целом.

«С этого священного, но очень маленького островка, расположенного восточнее реки Тонала, — утверждал Дракер, — жрецы управляли всей округой. Сюда к ним стекалась дань из самых отдаленных, глухих деревушек. Здесь под руководством жрецов огромная армия рабочих, вдохновляемых канонами своей фанатичной религии, копала, строила и перетаскивала многотонные грузы». Таким образом, Ла Вента предстает в его понимании как своеобразная «мексиканская Мекка», священная островная столица, которую населяла лишь небольшая группа жрецов и их слуг. Окрестные земледельцы полностью обеспечивали город всем необходимым, получая взамен при посредничестве служителей культа милость всемогущих богов. Расцвет Ла Венты и тем самым расцвет всей ольмекской культуры приходится, по подсчетам Стирлинга и Дракера, на первое тысячелетие н. э. и совпадает с расцветом городов «Древнего царства» майя. Эта точка зрения до середины 50-х годов была господствующей в центральноамериканской археологии, несмотря на отчаянные усилия некоторых мексиканских ученых доказать большую древность ольмеков по сравнению с другими культурными народами Мексики.

Сенсация разразилась в тот момент, когда ее никто не ждал. Повторные раскопки Дракера в Ла Венте в 1955—1957 годах принесли совершенно неожиданные результаты. Образцы древесных угольков из толщи куль-

турного слоя в самом центре города, отправленные в лаборатории США для радиоуглеродного анализа, дали такую серию абсолютных дат, которая превзошла самые смелые ожидания. По мнению физиков выходило, что время существования Ла Венты падает на 800—400 годы до н. э.!

Мексиканцы торжествовали. Их аргументы в пользу ольмекской культуры-родоначальницы были теперь подкреплены, и притом самым солидным образом.

С другой стороны, Филипп Дракер и многие его североамериканские коллеги публично признали свое поражение. Капитуляция была полной. Им пришлось отказаться от своей прежней хронологической схемы для древностей ольмеков и принять даты, полученные физиками. Ольмекская цивилизация получила, таким образом, новое «свидетельство о рождении», главный параграф которого гласил: 800—400 годы до н. э.

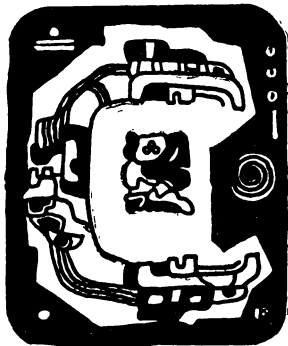
ГЛАВА 3

ВРЕМЯ ПОИСКОВ И РАЗДУМИЙ

Жилцы немых
гробниц, забытые в веках,
давно рассыпались
и превратились в прах.

Омар Хайям

На северо-западной окраине Мехико, всего в двадцати минутах езды от центра города, еще четверть века назад можно было видеть одинокий плоский холм с голой вершиной. По чьей-то странной прихоти он носил непонятное, но звучное название — «Лос-Ремедиос». И хотя сразу же у его подножия зеленели маисовые поля плодородной долины Рио Ондо, сам холм был мертв: ни птичьей трели, ни звука человеческого голоса. Только бесконечные шеренги колючих кактусов и агав оживляли немного его пустынные склоны, опаленные жгучим солнцем. Казалось, что со времен сотворения мира здесь ни разу не ступала еще нога человека. Но видимость часто бывает обманчива. В 1940 году на холме появились люди. Это были не археологи и не искатели старинных кладов, хотя и для тех и для других здесь, безусловно, нашлось бы немало работы. Все оказалось гораздо проще. Неподалеку от Лос-Ремедиос построили большой кирпичный завод. Ему требовалось много высококачественной глины. И такая глина вскоре была найдена... внутри холма. А когда глубокие шурфы и ямы прорезали его каменистую

**«ЦАРСТВО
МЕРТВЫХ»
В ТЛАТИЛЬНО**

землю, случилось непредвиденное: холм оказался обитаемым. Правда, его жители были тихи и безмолвны. Они ушли из этого мира давно, много веков назад, в ту самую эпоху, которую археологи условно называют «архаической» или «доклассической». Вместе с человеческими останками лежали украшения, домашняя утварь, оружие и орудия труда. Женщин сопровождали базальтовые зернотерки для растирания маисовых зерен, бусы и костяные иглы. Мужчин — обсидиановые и кремневые наконечники копий, ножи, стрелы или до блеска отшлифованные каменные топоры. Дети, отправляясь в свой последний путь, получали самые любимые глиняные игрушки и украшения из раковин. Скелетов было много. Они лежали тесными рядами, плечом к плечу, словно воины, павшие в жестокой битве. На нижний ряд трупов клали сверху другой, не менее многочисленный, и так длилось не одну сотню лет. Это было настоящее царство мертвых, гигантская могила целого племени, навсегда унесшего с собой тайну своего происхождения, свои думы, чаяния, философию и язык.

Добрые и злые, убеленные сединами и совсем юные, красивые и безобразные, храбрые и малодушные — все они оказались равными перед лицом смерти, все безвозвратно канули во всепоглощающем потоке времени.

«Неужели правда, что мы живем на земле? — вопрошал когда-то ацтекский поэт. —

На земле мы не навсегда: лишь на время.
Даже нефрит дробится,
даже золото разрушается,
даже перья кецаля рвутся,
на земле мы не навсегда: лишь на время».

Человек не бессмертен. Но верно и то, что человек

не исчезает с лица земли бесследно, а продолжает жить в нетленных творениях рук своих. Сколько древних народов, культур и цивилизаций, считавшихся навсегда исчезнувшими и утраченными в памяти человеческой, открыла нам за последние годы археология? И среди этих новых находок древние могилы из Лос-Ремедиос занимают далеко не последнее место. Это было настоящее откровение. Изящные глиняные чаши с затейливым резным узором, высокие «граненые» вазы с блестящей лакированной поверхностью, статуэтки обнаженных языческих богинь, танцоры, акробаты, жрецы или шаманы в странных костюмах и масках, всевозможные птицы, звери и рыбы не оставляли равнодушным никого. Спрос на диковинные предметы старины среди коллекционеров всех мастей быстро возростал. Почуяв запах верной наживы, рабочие карьера, словно нетерпеливые старатели на приисках, принялись упорно и настойчиво изо дня в день «разрабатывать» свою «золотую жилу». От покупателей не было отбоя. Часто они приезжали прямо к холму и высматривали здесь среди сваленных в кучу человеческих костей и черепков битой посуды какую-нибудь особо любопытную вещь. И когда однажды в Лос-Ремедиос появился еще один незнакомый сеньор, рабочие не обратили на него никакого внимания: мало ли бывает здесь за день разных посетителей и зевак. Но на этот раз они ошиблись. Этот человек с буйной черной шевелюрой и живыми карими глазами, немного тучный для своих лет, но энергичный и быстрый в движениях не был ни простым коллекционером, ни праздным зевакой. Известный мексиканский художник и археолог Мигель Коваррубиас приехал к холму на окраине Мехико совсем с другими целями. К тому времени он исколесил уже всю страну. Побывал в Северной Африке, Японии, Малайе, на Цейлоне, в Египте и Западной Европе.

В его доме хранилась уникальная коллекция мексиканских древностей, которую он передал впоследствии в Национальный музей города Мехико, где для этих находок пришлось открыть даже специальный выставочный зал, названный именем художника. Коваррубиас прекрасно знал почти все доиспанские культуры страны и безошибочно различал многочисленные стили искусства различных индейских народов. Прослышав о грабительских раскопках в Лос-Ремедиос, он тотчас же отправился туда. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы сразу же оценить огромное научное значение вновь найденного древнего могильника.

Можно было смело сказать, что на археологических памятниках Центральной Мексики ни разу не встречалось еще такого разнообразного и выразительного материала. Но судьба приготовила Коваррубиасу еще один приятный сюрприз. Уже в первый же свой визит к холму он купил у местных рабочих замечательную статуэтку из гладкого зеленоватого камня. Она как две капли воды походила на изделия ольмекских мастеров Ла Венты. Что это — ловкая подделка или еще одно неразрывное звено в цепи столь нужных ему доказательств? С легкой руки Коваррубиаса древнее кладбище в Лос-Ремедиос получило вскоре новое, более романтическое название — Тлатилько, что означает на языке индейцев-нахуа «Место, где спрятаны вещи».

И поскольку этот уникальный памятник старины таял буквально на глазах, Мигель добился в соответствующих инстанциях разрешения вести там археологические раскопки. Начиная с 1941 года в Тлатилько было открыто и изучено учеными около 340 погребений. Не менее 1000 могил разрушили и разграбили за этот же срок рабочие-кладоискатели. Все это привело к тому, что сейчас от знаменитого холма Лос-Ремедиос осталось лишь одно на-

звание: за прошедшие тридцать лет его буквально стерли с лица земли. Правда, значительная часть богатейших находок из Тлатилько успела попасть по назначению — в руки археологов и специалистов. Эти вещи неизмеримо расширили и уточнили наши представления о культуре племен долины Мехико в архаическую эпоху. И здесь выявился один поразительный факт. Среди изделий, характерных для местной земледельческой культуры, были отчетливо заметны какие-то инородные влияния. Коваррубиас не ошибся. Помимо его серпентиновой статуэтки, в Тлатилько нашли еще две глиняных, ольмекских, выкрашенных в белый цвет фигурки в виде пухлых младенцев со вздернутой, как у рычащего ягуара, верхней губой. Менее определенно, хотя и довольно часто, проявлялось влияние ольмеков и в керамике могильника. Некоторые формы местной посуды (бутыли и чаши) и ее орнаментация (резные рисунки в виде лапы ягуара, птичьего крыла и пернатой змеи) отдаленно походили на изделия гончаров Ла Венты и Трес-Сапотес. Но в целом спорить не приходилось. Тот факт, что ольмекские вещи были представлены в чисто архаическом памятнике долины Мехико, красноречивее всяких слов доказывал глубокую древность самой культуры ольмеков. «Ольмекская цивилизация (курсив мой. — В. Г.), — заявил Мигель Коваррубиас, — существовала в то же самое время, что и Тлатилько, то есть имела архаический возраст». Оставалось выяснить только границы самой архаической эпохи и время существования Тлатилько.

«СЛОЕННЫЙ ПИРОГ» И ОСНОВЫ ХРОНОЛОГИИ

Большинство посторонних людей ищет в археологии ту самую романтику, которую у них ежедневно, ежечасно отнимает современная городская цивилизация. Они с легким сердцем отправляются в далекие, а порой и не совсем безопасные археологические экспедиции, чтобы испытать на себе прелести походной жизни, спать в палатке на лоне природы, познать радость удивительных открытий, пережить ни с чем не сравнимое чувство приобщения к давно забытым страницам прошлого. После одной или двух таких поездок эти искатели приключений вполне искренне считают себя «ветеранами лопаты», «экспедиционными волками» и по меньшей мере «знатоками основ археологии». Им и невдомек, что они видели лишь внешнюю и притом далеко не главную сторону профессии археолога. За пышным фасадом призрачной романтики и походно-бивуачной жизни не всем и не всегда удастся разглядеть другие, куда более важные вещи. Весь парадокс в том и состоит, что львиную долю времени и сил археолог тратит на обработку и осмысление своих находок, сидя в лабораториях или за письменным столом. И надо сказать, что неожиданные находки и открытия случаются здесь неизмеримо чаще, чем в полевых условиях.

У каждой профессии есть какая-то особенно характерная черта или, как иногда говорят, «свой пунктик». Пожарник повсюду следит за соблюдением правил осторожного обращения с огнем. Медик изо всех сил насаждает вокруг себя чистоту и стерильность. Археолог же с завидным постоянством стремится «привязать» попавшую ему в руки древнюю вещь

к определенному времени. Вопросы хронологии, точный возраст той или иной находки стали для него главным условием, обеспечивающим успех всей дальнейшей работы. И в этом нет ничего удивительного. Никакая «машина времени» не сможет умчать вас в глубь веков по широким дорогам инков, майя или римлян, если не видно по обочинам привычных верстовых столбов. В противном случае трудно сказать, где находится сейчас ваша волшебная колесница, сколько километров в глубины истории успела она проехать.

Каждый предмет, каждая вещь должны иметь свой «паспорт», отвечающий на вопросы «откуда» происходит данная находка и «к какому времени» она относится. Но чтобы заполнить соответствующие параграфы этого своеобразного документа, нужно потратить немало времени и сил.

В археологической практике различают хронологию относительную и абсолютную. Первая из них призвана определить последовательность бытования тех или иных находок, то есть решить, что было раньше и что позднее. Вторая прямо устанавливает более или менее точный возраст предмета. Относительная хронология основана прежде всего на стратиграфии*, то есть на последовательности залегания слоев земли, содержащих следы былой деятельности человека. Толстый слой мусора на месте древних поселений напоминает собой слоеный пирог, который вместо ножа разрезают лопаты археологов. Чем ниже находится в толще земли та или иная вещь, тем она, следовательно, старше по возрасту. Другой, чисто археологический метод, использующийся для этих целей, — типология, или составление последовательных рядов, отражающих

* Стратиграфия (от греческого «страта» — слой и «графо» — пишу) — напластование слоев земли, содержащих следы былой человеческой деятельности.

развитие определенных типов вещей во времени и пространстве, от самых простых до самых сложных форм. Именно на этих двух методах — стратиграфии и типологии — и, в частности, на изменениях в стилях керамики и статуэток, основаны все существующие ныне схемы развития архаических памятников древней Мексики. Как правило, архаическую эпоху ученые разделяют еще на три этапа: ранний, средний и поздний.

Абсолютная хронология целиком зависит от данных письменных источников. Но туманные сообщения испанских и индейских хронистов не освещают важнейших событий мексиканской истории до X века н. э. Поэтому современные исследователи почти полностью лишены надежных свидетельств очевидцев, которые непосредственно касаются предмета научных споров — рассказов о древних переселениях народов, основании могучих династий, царств и городов, о социальном и политическом развитии, войнах, браках и торговле.

После долгих и мучительных поисков для абсолютного датирования памятников старины удалось приспособить расшифрованные календарные надписи на стенах и алтарях майя. Это сразу же привело археологов к порогу первых цивилизаций Центральной Америки, возникших из глубин архаики где-то на рубеже или в первых веках н. э. Как долго длилась сама архаическая эпоха, сказать никто не мог. Только появление радиоуглеродного метода датировки древних изделий (C_{14}) в начале 50-х годов самым решительным образом изменило эту беспросветную ситуацию. Физики протянули руку помощи археологам. И старая хронологическая система, возводившаяся многими людьми на протяжении многих лет, рухнула в одно мгновение. Границы древнейших культур Американского континента отодвинулись далеко в глубь тысячелетий. Археологи приняли новый метод сразу, без всяких оговорок и сомнений.

Всеобщий энтузиазм достиг апогея. Многие искренне думали, что в археологии наступил, наконец, долгожданный «золотой век». Но, как показали дальнейшие события, радость эта оказалась слишком преждевременной. Подобно любому новому изобретению, метод C_{14} не был еще разработан до конца и страдал многими серьезными погрешностями. Иногда образцы органических веществ (угли, дерево) для радиоуглеродных анализов брали без соблюдения необходимых правил. Другие пакеты слишком долго пролежали на пыльных музейных полках, прежде чем их передали в руки физиков.

Не всегда совершенными были и сами методы определения дат. Это зачастую приводило к явно обескураживающим результатам. В кругах археологов одно время возник даже вопрос — стоит ли верить всемогуществу современной физики или же нужно целиком положиться на старые, испытанные методы своей собственной науки? Как бы то ни было, постепенно страсти улеглись, и на свет появилось единственно правильное решение — принимать те или иные даты по C_{14} только после проверки их обычными археологическими приемами. Для каждого памятника стремятся теперь получить не одну или две, а целую серию радиоуглеродных дат. Кроме того, в повседневной практике все шире используется метод, когда каждый образец органического вещества делят на несколько равных частей и отправляют в разные лаборатории для анализа. Полученные результаты тщательно сравнивают между собой и лишь после этого выводят какую-то среднюю хронологическую величину.

Иногда это помогает избежать крупных ошибок в просчетах, хотя и не исключает полностью самой возможности их появления.

В настоящее время архаические памятники, датированные по методу C_{14} , выглядят на карте Мексики словно крохотные островки, отделенные друг от друга пеле-

ной неизвестности. С помощью близких по облику предметов, найденных на разных древних поселениях, археологи пытаются «привязать» каждый еще не имеющий «свидетельства о рождении» памятник к его более известным собратьям. Таким образом, каждая радиоуглеродная дата обслуживает подчас сразу по несколько археологических комплексов. Для Тлатилько мы располагаем тремя такими датами: 1455 ± 250 годы до н. э., 983 ± 250 годы до н. э. и 568 ± 250 годы до н. э. Следовательно, максимальный диапазон этих дат составляет примерно с 1700 по 300 годы до н. э.

Вполне понятно, что это слишком неопределенная и шаткая основа для каких-нибудь хронологических выкладок и построений. Но Тлатилько, как и многие близкие ему памятники долины Мехико, относятся к среднему этапу архаической эпохи, который имеет, судя по анализам C_{14} , временную протяженность с 1000—900 годов до н. э. до 400—300 годов до н. э. Видимо, и большинство погребений этого холма относится к тому же времени.

ТРУДНЫЙ УДЕЛ ФИЛИППА ДРАКЕРА

Долгое время единственным источником сведений об ольмеках и их культуре служили лишь отдельные произведения искусства — нефритовые топоры, амулеты, статуэтки, найденные неизвестно где и неизвестно кем. Точный их возраст был неразрешимой загадкой для ученых. И только после раскопок нескольких древних поселений в штатах Веракрус и Табаско в 40—50-х годах нашего века появилась возможность создать относительную, а затем, с появлением метода C_{14} , и абсолютную хронологию культуры ольмеков. Особенно важное зна-

чение имели исследования археологов США в Трес-Сапотес. В 1940 году Филипп Дракер заложил здесь несколько стратиграфических траншей и собрал богатейшую коллекцию древностей в виде первых образцов ольмекской глиняной посуды и статуэток. Изучив свои находки и распределив их по слоям в соответствии с глубиной залегания, он предложил разделить всю историю Трес-Сапотес на несколько этапов: нижний, средний и верхний. Нижний этап отмечен преобладанием керамики с одноцветной (монохромной) поверхностью коричневого и черного тонов; представлены разнообразные формы сосудов — чаши, «чайники», кувшины, грубые кухонные горшки и несколько характерных типов лепных глиняных статуэток (типы «А», «С»), в том числе и пухлых младенцев — «сыновей ягуара». Находки, относящиеся к этому этапу, залегали в самых нижних слоях всех траншей.

Средний этап — это дальнейшее развитие предшествующих черт культуры, преемственность с Нижним этапом представлена здесь наглядно и ярко; впервые отмечено появление отдельных сосудов с поверхностью, украшенной многоцветной росписью (полихромный стиль); лепные глиняные статуэтки типа «В» и «сыновья ягуара».

Верхний этап — в отличие от предыдущих связан с появлением многих новых черт культуры, не имеющих местных корней, хотя и ранняя традиция по-прежнему представлена достаточно полно. Полихромная посуда становится преобладающей величиной в ущерб монохромным изделиям. Появляются сосуды на трех ножках-подставках в виде плоских прямоугольных плиток, оригинальные светильники («канделерос»), высокогорлые «вазы для цветов» («флорерос»); лепные статуэтки вытесняются терракотовыми, отлитыми в специальных стандартных формах. В 1943 году Филипп

Дракер объявил, что Нижний этап Трес-Сапотес близок по своему характеру к архаическим памятникам с территории майя и относится, таким образом, к первому тысячелетию до н. э.

Средний этап — переходный, равный по времени началу эпохи цивилизации у майя, то есть первым векам н. э. Верхний этап имеет очень много черт, сближающих его с древностями Теотихуакана в Центральной Мексике (первое тысячелетие н. э.).

Затем начались широкие полевые исследования в Ла Венте. Дракер рассматривал Ла Венту как однослойный памятник, существовавший сравнительно короткий отрезок времени. Поэтому он приравнивал ее, опираясь на сходство некоторых типов керамики и статуэток, к Среднему этапу Трес-Сапотес. Поскольку этот последний этап, по мнению Ф. Дракера, начинался с первых веков н. э., то получалось, что и Ла Вента существовала где-то в первом тысячелетии нашей эры.

Как показали дальнейшие работы в Ла Венте (1955—1959 гг.) и особенно результаты радиоуглеродных анализов, эта периодизация была ошибочной. Ее автор полностью пересмотрел свои взгляды и в 1959 году выдвинул новую схему развития ольмекской культуры:

1. Ла Вента — классический памятник эпохи расцвета ольмекской культуры, у которого есть предшествующие и последующие этапы развития, представленные на других поселениях.

2. Радиоуглеродные даты для Ла Венты падают в основном на время с 800 по 400 года до н. э.

3. Анализ фигурок и керамики доказывает, что Ла Вента — однослойный памятник, одновременный Среднему этапу Трес-Сапотес.

4. Нижний этап Трес-Сапотес предшествует Ла Вен-

те и, следовательно, относится ко времени не позднее IX века до н. э.

В конечном счете периодизация ольмекской культуры по Ф. Дракеру выглядела таким образом:

1. Верхний этап Трес-Сапотес (первое тысячелетие н. э.).

2. Средний этап Трес-Сапотес — Ла Вента (800—400 годы до н. э.).

3. Нижний этап Трес-Сапотес (до IX века до н. э.).

Несколько лет назад американский археолог Роберт Сквайр решил еще раз побывать в Трес-Сапотес и с помощью дополнительных раскопок проверить выводы Ф. Дракера. Результаты этой «ревизии» оказались совершенно неожиданными. Выяснилось, что между материалами Нижнего и Среднего этапов Трес-Сапотес нет никакой заметной разницы и что, по сути дела, это один неразделимый этап (Трес-Сапотес-1). Кроме того, Р. Сквайр с фактами в руках доказал, что из-за существенных различий в керамике Ла Вента и Трес-Сапотес-1, по крайней мере частично, относятся к разным отрезкам времени, причем Ла Вента по возрасту несколько старше.

Позднее в полемику включился еще один ученый из США — Майкл Ко. Он подверг методы работы Филиппа Дракера самой уничтожающей критике. По его словам, в старых отчетах о Ла Венте и Трес-Сапотес все было неверным и ошибочным. Это почти единственный случай в практике центральноамериканской археологии, когда один известный археолог публично обвинил другого в научной недобросовестности.

Во всяком случае, теперь всем стало ясно, что старые работы Филиппа Дракера, почти четверть века принимавшиеся без оговорок на веру, нуждаются в самом тщательном критическом пересмотре.

ПО СЛЕДАМ «СЫНОВЕЙ ЯГУАРА»

«Сеньор, здесь кто-то есть!» — испуганно шепнул идущий впереди индеец и кончиком длинного мачете осторожно раздвинул ветви лиан. Посреди ровной прямоугольной площадки, обрамленной ядовитой зеленью густого подлеска, сквозь кисею тумана смутно проступали очертания какой-то темной фигуры, слегка напоминающей человеческую. Мэтью Стирлинг был парнем далеко не робкого десятка и к тому же большим знатоком мексиканских джунглей. За его плечами числилась уже не одна успешная экспедиция в эти забытые богом места. Сколько всевозможных трудностей, лишений и невзгод осталось позади!.. Он знает вокруг каждую тропинку, каждый кустик. Но осторожность никогда не повредит. Говорят, что здесь, у глухой лесной деревушки Потреро Нуэво, видели недавно группу вооруженных бандитов — чиклерос. И, достав из кобуры свой многозарядный кольт, археолог решительно двинулся вперед. Шаг. Другой. Третий.

Загадочная фигура казалась абсолютно неподвижной. «Эй, какого черта вы здесь делаете?» — крикнул Стирлинг, и вдруг слова застыли у него на устах. Перед ним стояла древняя скульптура, искусно высеченная из черного базальта. Огромный, вставший на дыбы ягуар нежно обнимал своими могучими когтистыми лапами хрупкие плечи обнаженной женщины. Это был известный ольмекский миф о происхождении богов, с непревзойденным искусством воплощенный в камне. «В незапамятные времена, — говорили индейские жрецы испанцам, — от связи великого бога-ягуара и прекрасной, но смертной женщины появилось на свет многочисленное

племя богов — сыновей ягуара». Странные на вид, одутловатые младенцы с раскосыми кошачьими глазами и пухлым, со вздернутой верхней губой ртом удивительно напоминали своими лицами оскалившуюся в злобном рыке голову грозного владыки джунглей. Иногда из уголков рта этих инфантильных существ выступают вперед два острых звериных клыка. Для древних обитателей Веракруса и Табаско «сыновья ягуара» были весьма почитаемыми божествами воды, дождя, грома и молнии.

Такая странная на первый взгляд взаимосвязь объясняется тем, что в тропиках ежегодный сезон дождей начинается вместе с сильными летними грозами. К тому же и сам ягуар известен как большой любитель воды. Большую часть ночи он проводит на охоте вблизи водоемов, прекрасно плавает, а его грозный рык звучит в ушах перепуганного индейца словно раскаты небесного грома. Прямая связь ольмекского младенца с дождем напоминает о ежегодном жертвоприношении маленьких детей в честь бога дождя Тлалока среди ацтеков. И чем больше слез проливали перед смертью перепуганные малютки, тем более угодным небу считалось все жертвоприношение: слезы невинных детей должны были, по незыблемым законам магии, вызвать «слезы из небесных туч», то есть дождь. Ольмеки без устали создавали образы своих кумиров в камне, дереве и глине. Особенно часто воплощались «сыновья ягуара» в голубовато-зеленом нефрите и серпентине. Сейчас таких статуэток в «стране дождя и тумана» найдено уже сотни.

И вдруг эти характерные фигурки стали, ко всеобщему удивлению, появляться в самых неожиданных местах. Две полые глиняные статуэтки пухлых младенцев нашли в Тлатилько. Несколько точно таких же изваяний дали раскопки небольшого поселка древних земледельцев в Гуалупите, штат Марелос. Есть они и на юге

долины Мехико — в Тлапакохе. Особенно богатый урожай глиняных портретов «сыновей ягуара» собрали грабители могил в Лас-Бокас, на западе штата Пуэбла. Что касается археологов, то они, к сожалению, так пока и не добрались до этого первоклассного памятника архаической эпохи. Отдельные статуэтки и расписные или с резным узором глиняные чаши, попавшие по воле случая в некоторые государственные музеи Мексики и США, — единственное, что осталось науке от сотен, а может быть, и тысяч разграбленных могил.

Особенно много ольмекских фигурок из нефрита и серпентина находили на территории штатов Герреро и Морелос. И это сразу же вдохновило некоторых мексиканских исследователей на создание довольно смелых гипотез. Роман Пиньян Чан объявил, что первоначальная родина ольмеков находилась в Центральной Мексике, а точнее — в штате Морелос. Но в этом районе почти нет ольмекской скульптуры большого размера, если не считать рельефы Чалькацинго. Она, как известно, сосредоточена главным образом на юге Веракруса и в Табаско. Мигель Коваррубиас, напротив, считал родиной ольмеков штат Герреро — это тихоокеанское побережье. По его словам, там действительно нет больших каменных изваяний. Но разве мелкая и простая скульптура не предшествует по времени более крупной?

Отсюда неизбежно вытекало, что центр происхождения ольмеков находился первоначально на территории тихоокеанского побережья штатов Герреро и Мичоакан. Оттуда они проникли в долину Мехико (Тлатилько), а затем и еще дальше — в Веракрус и Табаско. Там, в таких центрах, как Ла Вента, Сан-Лоренсо и Трес-Сапотес, представлены памятники уже вполне сложившегося ольмекского искусства.

Но гораздо правдоподобнее выглядит третья точка зрения, выдвинутая некоторыми археологами США.

По ее мысли, основной и единственный центр культуры ольмеков всегда находился в пределах довольно небольшого изолированного района в прибрежной части штатов Веракрус и Табаско. Здесь были сосредоточены все основные памятники ольмеков. Наличие же ольмекских влияний в других областях Мексики объясняется торговыми и культурными связями.

Но в целом для каких-либо плодотворных научных дискуссий одних этих находок было еще явно недостаточно.

СТРАННЫЕ СКУЛЬПТУРЫ ЧАЛЬКАЦИНГО

Обильную пищу для размышлений давали и другие открытия археологов в Центральной Мексике. То в одном, то в другом месте внезапно появлялись на свет самые неожиданные вещи. На востоке крохотного мексиканского штата Морелос взору исследователей предстала довольно необычная картина. Близ городка Каутла над окружающей равниной вздымались, словно три богатыря в островерхих шлемах, три высоких скалистых холма с почти отвесными склонами из базальта. Центральный холм, Чалькацинго, — это могучий утес, плоская вершина которого усеяна огромными валунами и глыбами камня. Труден и долог путь на его вершину. Но случайный путник, решившийся на это опасное восхождение, получит вполне достойное вознаграждение. Там, вдали от современной жизни с ее шумом, суетой и фантастическими скоростями, застыли в вековой дремоте странные и загадочные изваяния — фигуры неведомых языческих богов и героев. Они искусно выбиты каменным резцом на поверхности самых больших валунов. Первый рельеф изображает какого-то пышно оде-

того человека, который важно восседает на троне и держит в руках длинный предмет, напоминающий знаки власти «халач-виников» — правителей городов-государств древних майя. На голове у него высокая прическа и затейливая шапка с фигурками птиц и знаками в виде падающих вниз крупных капель дождя. Человек сидит в некоем подобии небольшой пещеры. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что это вовсе не пещера, а широко открытая пасть какого-то гигантского, стилизованного до неузнаваемости чудовища. Хорошо виден его яйцевидный глаз со зрачком из двух перекрещенных полос внутри. Из пасти-пещеры вырываются наружу какие-то завитки, изображающие, возможно, клубы дыма. Над всей этой сценой как бы парят в воздухе три стилизованных знака — три грозовые тучи, из которых падают вниз крупные капли дождя. Точно такие же каменные скульптуры встречаются лишь в одной области древней Мексики — в стране ольмеков, на южном побережье Мексиканского залива.

На втором рельефе Чалькацинго показана уже целая скульптурная группа. Справа изображен какой-то бородатый обнаженный человек со связанными руками. Он сидит на земле, прислонившись спиной к идолу грозного божества ольмеков — человека-ягуара. Слева два ольмекских воина, в масках человека-ягуара и с длинными остроконечными палицами, угрожающе подступают к своему беззащитному пленнику. Позади него стоит еще один персонаж с дубинкой в руках, из которой пробиваются побеги какого-то растения — скорее всего маиса.

Но самый интересный из всех рельефов — пятый, хотя он, к сожалению, сохранился хуже других. Здесь древний художник изобразил огромную змею с клыкастой пастью. Она пожирает полумертвого от страха человека, ничком лежащего на земле. Из затылка змеи-

ной головы выглядывает короткое, похожее на птичье, крыло. Однако для многих ученых и одной этой детали оказалось вполне достаточно. Они без особых колебаний заявили, что ольмеки задолго до начала христианской эры поклонялись уже самому популярному боже-ству доколумбовой Мексики — «Пернатому Змею» — Кецалькоатлю, который считался у ацтеков богом ветра, покровителем культуры и знаний.

Открытия в Чалькацинго взбудоражили ученый мир. Ведь многотонные валуны с рельефами не изящная нефритовая вещица, которую можно положить в карман и унести куда угодно. Было совершенно очевидно, что рельефы сделаны прямо на месте, в Чалькацинго, и творцами их могли быть лишь сами ольмеки. Но отсюда с неизбежностью вытекал и другой вывод: в незапамятные времена ольмеки посещали гористые края штата Морелос и даже выбили на прочных глыбах базальта лики своих наиболее почитаемых богов и правителей.

Что же привело их в эти пустынные и дикие места, за добрых три сотни верст к западу от границ своей родины?

ПЕЩЕРА С РОСПИСЯМИ

Летом 1966 года археолог-любитель Карло Гей, осматривая скалистые холмы долины реки Папагайо в штате Герреро, неожиданно наткнулся на обширную пещеру, на стенах которой сохранились следы уникальных древних росписей. Несмотря на отсутствие необходимого опыта и специальных знаний, он с первого же взгляда осознал всю важность сделанного им открытия. Перед ним во всем блеске своей многокрасочной палитры пред-

стала древнейшая картинная галерея из тех, что находили когда-либо на территории Нового Света.

Позднее, когда здесь побывали подлинные знатоки доиспанского искусства Мексики, выяснилось, что местные росписи очень похожи на многие характерные произведения ольмекской школы мастеров. Одно признание этого факта потребовало самого тщательного изучения вновь найденного памятника. Пещера Хуштлауака — лишь одно из звеньев в длинной цепи подземных залов и галерей, прорезавших здесь мягкие горные породы. Доступ туда и поныне остается довольно сложной проблемой. Для такого путешествия необходимы опытные проводники, соответствующее снаряжение (веревки, фонари, высокие ботинки на толстой подошве и т. д.) и солидный запас терпения. Сначала путь идет через сырые подземные камеры, полные летучих мышей, через узкие проходы-коридоры и огромные купольные залы, стены которых, словно у величественных античных храмов, украшены стройными белоснежными колоннами сталактитов. Первый же такой зал носит не слишком привлекательное название «Зал Смерти». Чуткая и торжественная тишина царит в этом царстве вечного мрака. Огромные куски скал от рухнувших вниз сводов и полная отрешенность от всего земного, оставшегося где-то там, наверху, за многометровой толщей камня, лишь усиливают гнетущее впечатление от окружающей картины. Все замерло вокруг словно в волшебном сне, напрасно прождав целые века своего принца-избавителя.

Мрачное и темное подземелье вполне отвечало представлениям древних индейцев об ужасном царстве смерти. И они устроили здесь свое кладбище, уложив на каменистом неровном полу груды бесчисленных трупов. Из-под обломков камней и залежей щебня повсюду выступают пожелтевшие от времени кости. А в одном месте тусклый свет фонаря выхватил из темноты малень-

кую нишу, из глубины которой уставились на путников темные глазницы человеческого черепа.

Сами росписи находятся примерно в одном километре от входа в пещеру и занимают несколько смежных помещений. В первом зале, названном «Галерея Рисунков», изображена наиболее интересная сцена. Какой-то могущественный правитель или вождь в пышном костюме и головном уборе из зеленых перьев птицы кецаль чуть наклонился над жалкой фигуркой другого человека, в страхе скорчившегося у его ног. Это либо слуга, либо побежденный враг грозного владыки. Рукавицы и сапоги правителя сделаны из шкуры ягуара. Лицо написано черной краской, а тело — красной.

В следующей подземной камере — «Зале Змеи», почти вся стена занята изображением огромной красной змеи. В зрачках ее глаз хорошо виден какой-то странный знак из двух наискось перекрещенных полос, а над бровями торчат пучки коротких зеленых перьев. Видимо, здесь, как и на рельефах Чалькацинго, древний ольмекский мастер пытался передать образ своего великого божества — «Пернатого Змея» (Кецалькоатля). Слева от гигантской змеи рапластался в могучем прыжке горный лев или ягуар, бесстрашно атакующий эту грозную рептилию. Его тело тоже окрашено в ярко-красный цвет, всегда считавшийся у древних мексиканцев символом жизни и бессмертия.

Подземное святилище в Хуштлауаке до сих пор остается неразрешимой загадкой для ученых. Что обозначают эти странные рисунки? Почему они спрятаны так глубоко под землей? К какому времени они относятся?

Но жизнь давно уже покинула эти мрачные места. Безмолвны замшелые камни. И только громкое эхо шагов да желтый призрачный свет керосиновых фонарей нарушают порой торжественную тишину пещеры. Поиск продолжается. И кто знает? Может быть, совсем скоро

по какой-нибудь вновь найденной малозаметной детали мы сумеем прочесть истинный смысл загадочных росписей Хуштлауаки.

А в воображении встают уже туманные картины прошлого — день торжественного открытия этого подземного храма: величественная процессия ольмекских сановников и жрецов в причудливых масках и костюмах, красные отблески смоляных факелов на сырых каменных стенах, глухой ритмичный рокот барабанов и слитный хор мужских голосов, поющих священные гимны в честь богов.

ОЛЬМЕКИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СВОИХ ГРАНИЦ

Рельефы в Чалькацинго, росписи в подземельях Хуштлауаки, глиняные и нефритовые статуэтки в Тлатилько, Гуалупите, Лас-Бокас и Тлапакоёе красноречивее всяких слов доказывали факт пребывания ольмеков в Центральной Мексике, по крайней мере, с первого тысячелетия до н. э. Мелкие нефритовые вещицы в ольмекском стиле встречаются почти по всей территории Мексики и Центральной Америки. Но они вполне могли попасть к соседям в результате каких-то торговых связей. Что же касается гигантских изваяний ольмеков, выбитых на скалах, валунах и отдельных камнях, то их не унесешь с собой за сотни километров. Следовательно, скульптуры эти изготовили где-то неподалеку от места их находки, и это сделали люди, знавшие все каноны ольмекского искусства. Но такими людьми могли быть только сами ольмеки.

На тихоокеанском побережье штата Чиapas, близ селения Пихихиапан, в 1968 году были найдены три огром-

ных гранитных валуна с выбитыми на них ольмекскими петроглифами. Мы видим здесь типично ольмекских персонажей со знаками власти и атрибутами для ритуальной игры в мяч, уже знакомый нам образ младенца-ягуара и т. д.

В Гватемале, около Эль-Ситио (департамент Сан-Маркос), при расчистке джунглей был обнаружен нефритовый топор-кельт с изображением получеловека-полуягуара. На голове этого божества корона в виде стилизованного растения маиса. Здесь же вырезаны какие-то знаки-иероглифы, близкие по форме надписи на статуэтке из Тустлы (162 год н. э.) и иероглифам некоторых скульптур майя, относящихся к первым векам н. э.

Еще дальше к югу, на кофейной плантации Лас-Викториас, близ Чальчуапы, в Западном Сальвадоре неожиданно объявились какие-то новые загадочные изваяния. Они были выбиты на поверхности громадного валуна и несли на себе явный отпечаток ольмекского, хотя и несколько огрубленного, влияния: три человеческие фигуры в шлемах и плащах гордо демонстрируют символы своей силы и власти. Но и это не был еще конечный предел проникновения ольмеков в богатые южные страны. Совсем недавно в древних гробницах полуострова Никойя, на северо-западе Коста-Рики, археологи нашли множество украшений и амулетов из драгоценного зеленовато-голубого нефрита. Причем две нефритовые статуэтки из Никойи, безусловно, имеют самое прямое отношение к ольмекам. Они изображают пухлых карликов или младенцев с наголо обритой головой и распростертыми крыльями за спиной. Точный возраст этих «ангелочков» определить пока не удалось. Но уже сейчас можно смело сказать, что на полуострове Никойя не было ни одной гробницы, которая имела бы более ранний возраст, чем конец архаической эпохи.

В ПОИСКАХ НЕФРИТА

Странные и непонятные картины возникали между тем в не в меру разыгравшемся воображении некоторых ученых. Получалось так, что за пределами Тамоанчана — влажных и болотистых джунглей страны ольмеков — жили одни лишь грубые варвары и дикари, не знавшие ни письменности, ни календаря, ни монументального искусства. Они только что успели освоить довольно примитивные виды земледелия и влачили жалкое полуголодное существование, собирая скудные урожаи маиса, фасоли и тыквы со своих крошечных, неухоженных полей. Тяжелая и беспросветная жизнь. Постоянная угроза голода во времена засухи, ураганов и наводнений. Стоит ли удивляться тому, что эти первые земледельцы Мексики не слишком преуспели еще в создании изящных и красивых вещей, составляющих плоть и кровь любого развитого стиля искусства. Правда, они рьяно поклонялись богам, олицетворявшим силы природы. Солнце, ветер, дождь и вода самым непосредственным образом влияли на величину собранного урожая, и именно им приносили самые обильные жертвы. Особым почетом окружили древние земледельцы великую богиню плодородия — богиню-мать, родоначальницу всего живущего и плодоносящего на земле. Они изображали ее с каким-то фанатичным упорством и в глине, и в камне на протяжении многих веков. Грубые, но чувственные образы крестьянских мадонн — одна из самых распространенных находок при раскопках архаических поселений Мексики.

Низкие, темные хижины из прутьев, обмазанных глиной и с крышей из связок тростника или пальмовых

листьев, простые и незамысловатые кухонные горшки, инструменты из камня и кости, базальтовые зернотерки для приготовления муки, примитивный очаг у порога дома — таков был тот рубеж технических и культурных достижений, до которого сумели дойти земледельческие племена Мексики на протяжении архаической эпохи. И вдруг в этот застойный, прозябающий в собственном невежестве «крестьянский рай» неожиданно врываются ольмеки. Они явились уже вполне сформировавшимся, зрелым народом, во всеоружии технических и культурных успехов своей блестящей цивилизации. Откуда и зачем пришли они в центральные области Мексики и в земли, лежащие к югу от перешейка Теуантепек, пока никому неизвестно. Смелых суждений и гипотез на этот счет хоть отбавляй. Но, к сожалению, фактов пока явно недостаточно.

Мигель Коваррубиас считал ольмеков завоевателями-чужеземцами, пришедшими в долину Мехико с территории тихоокеанского побережья штата Герреро. Они быстро подчинили себе примитивные местные племена, обложили их тяжелой данью и стали вкушать плоды своей победы, образовав правящую касту аристократов и жрецов.

В Тлатилько, Сакатенко, Гуалупите и других архаических поселениях, по мысли Коваррубиаса, четко видны две разнородные традиции культуры: пришлая, ольмекская (к ней относятся все наиболее изящные типы керамики, нефритовые вещи и статуэтки «сыновей ягуара»), и местная, простая культура ранних земледельцев с грубыми глиняными статуэтками и кухонной посудой.

Ольмеки и местные индейцы резко отличаются друг от друга по своему физическому типу, костюму и украшениям: приземистые узкоглазые и плосконосые аборигены — вассалы, ходившие полуголыми, в одной набедренной повязке, и изящные, высокие аристократы —

ольмеки, с тонким орлиным носом, в причудливых шляпах и длинных мантиях или плащах. Насадив среди варваров ростки своей высокой культуры, ольмеки проложили тем самым, по словам Коваррубаса, путь всем последующим цивилизациям Центральной Америки.

Другие ученые без особых раздумий объявили ольмеков «святыми проповедниками» и «миссионерами», которые со словами мира на устах и с зеленой ветвью в руке несли остальным людям учение о своем великом и милостивом боге — человеке-ягуаре. Они повсюду основывали свои школы и монастыри. Не жалея слов, расписывали туземцам достоинства своей необыкновенной веры. И вскоре пышный культ нового, благосклонного к земледельцу божества получил всеобщее признание, а священные реликвии ольмеков в виде изящных амулетов и статуэток стали известны в самых отдаленных уголках Мексики и Центральной Америки.

Наконец, третьи ограничивались туманными ссылками на торговые и культурные связи, равнодушно отмечая «явно ольмекские черты» в искусстве Монте-Альбана (Оахака), Теотихуакана и Каминальхуйю (Горная Гватемала), но не давая этому факту никаких конкретных объяснений.

В 1968 году на прилавках книжных магазинов США появилась красочно оформленная книга под интригующим названием «Первая цивилизация Америки». С лицевой стороны суперобложки на читателя пронзительно смотрели раскосые глаза знаменитой ольмекской «головы», которая уже одним своим присутствием вполне однозначно решала наболевший вопрос о приоритете ольмеков в создании первой высокой культуры на всем континенте.

Имя автора — Майкл Ко — мало что говорило публике, но было хорошо известно в кругах специалистов по доколумбовой истории Нового Света. Профес-

сиональный археолог и, как многие его знаменитые предшественники, выпускник уважаемого Гарварда, он уже к началу 60-х годов выдвинулся в число наиболее талантливых и многообещающих ученых-американистов. В течение трех утомительных полевых сезонов (1958—1960 годов) Майкл Ко пробивался сквозь многометровые напластования остатков древней культуры в Ла Виктории, на тихоокеанском побережье Гватемалы. Затем, используя новейшие методы археологических исследований и свою незаурядную эрудицию, он воссоздает, собирая буквально из тысяч мельчайших обломков, картину далекого прошлого Коста-Рики. И когда приобретенный им полевой опыт достиг, на его взгляд, вполне достойного уровня, он немедленно обратился к ольмекской загадке. Ольмеки были давней страстью Майкла Ко. Еще в 1957 году в солидном академическом журнале «Американский антрополог» появилась его остро дискуссионная статья о взаимосвязи письменности и календаря майя с влияниями ольмеков. Но молодой ученый стремился сказать свое слово обо всех других наиболее важных вопросах ольмекской проблемы.

От предшественников ему досталось не слишком богатое наследство. Несколько полевых отчетов экспедиции Стирлинга — Дракера и десятки разрозненных фактов, разбросанных по общим монографиям и специальным статьям, могли повергнуть в уныние кого угодно, только не честолюбивого питомца Гарварда. Требовалась критическая переоценка опыта предыдущих лет. И Майкл Ко был первым, кто отважился на это. По крупицам собрав недостающие сведения, он, ни минуты не колеблясь, объявил своим коллегам-археологам: «Выводы Филиппа Дракера больше не кажутся мне абсолютно верными. В их основе лежат ошибочные методы и ошибочные взгляды».

Поскольку ольмеки жили и развивались отнюдь не в

безвоздушном пространстве, а бок о бок с другими индейскими народами и племенами, это неминуемо должно было оставить, по мысли Ко, заметные следы как в их собственной культуре, так и в культуре соседей. Эти сходные черты и должны служить надежным компасом при выделении конкретных этапов ольмекской истории. Подобному высказыванию можно было отказать в чем угодно, но только не в смелости. И, видимо, совсем не случайно уже в 1965 году, когда группа ученых-американистов решила выпустить многотомный справочник по индейцам Центральной Америки, почетное право написать главу по ольмекской археологии единогласно предоставили молодому профессору антропологии из Йельского университета — Майклу Ко.

Прежде всего он с фактами в руках категорически опроверг религиозную, или «миссионерскую», подоплеку ольмекской экспансии за пределы Веракруса и Табаско. Гордые персонажи базальтовых скульптур Ла Венты и Трес-Сапотес не были ни богами, ни жрецами. Это увековеченные в камне образы могущественных правителей, полководцев и членов царских династий. Правда, и они не упустили порой случая подчеркнуть свою связь с богами или показать божественные истоки своей власти. Но действительное положение вещей от этого отнюдь не менялось: реальная власть в стране ольмексов находилась в руках светских правителей, а не у жрецов. Мы уже имели случай убедиться в том, какую огромную роль в жизни ольмексов и других древних народов Нового Света играл драгоценный зеленый минерал — нефрит и его разновидности — серпентин, жадеит и т. д. Нефрит считался основным символом богатства. Его широко применяли в религиозных культурах. Им платили дань побежденные государства и народы. Но мы знаем и другое: в джунглях Веракруса и Табаско не было ни одного мало-мальски значитель-

ного месторождения этого камня. Между тем количество изделий из нефрита и серпентина, найденных при раскопках ольмекских городов, превосходит всякое воображение, исчисляясь десятками тонн! Откуда же брали жители туманной страны Тамоанчан свой драгоценный минерал?

Как показали последние геологические изыскания, залежи великолепного голубоватого нефрита имеются в горах мексиканского штата Герреро, в Оахаке и Морелосе, в горных районах Гватемалы и на полуострове Никойя в Коста-Рике, то есть именно в тех местах, где сильнее всего чувствуется влияние ольмекской культуры. И Майкл Ко сделал отсюда единственно правильный вывод о прямой зависимости основных направлений ольмекской колонизации от наличия месторождений нефрита и серпентина. По его словам, ольмеки создали для этой цели специальную организацию — могущественную касту купцов, наподобие ацтекских «почтека», которые вели торговые операции только с дальними землями и обладали особыми привилегиями и правами. Это были весьма удобные для ольмекских правителей люди. Охраняемые всем авторитетом посланного их государства, они смело проникали в самые дикие и глухие области Центральной Америки. Их гнала вперед ненасытная жажда обогащения. Гиблые тропические леса, гнилые непроходимые болота, вулканические пики горных хребтов, широкие и бурные реки — все покорилось этим неистовым искателям драгоценного зеленовато-голубого камня — нефрита.

Обосновавшись на новом месте, торговцы-ольмеки терпеливо собирали ценные сведения о местных природных богатствах, климате, быте и нравах туземцев, их военной организации, численности и наиболее удобных дорогах. И когда наступал подходящий момент, они становились проводниками ольмекских отрядов

и армий, спешивших с туманного побережья Атлантики для захвата нефритовых разработок и шахт. На перекрестке оживленных торговых путей и в стратегически важных пунктах ольмеки строили свои крепости и сторожевые посты с сильными гарнизонами. Одна цепь таких ольмекских поселений протянулась от Веракруса и Табаско, через перешеек Теуантепек, далеко к югу, по всему тихоокеанскому побережью, вплоть до Коста-Рики. Другая — шла на запад и юго-запад, в Центральную Мексику, по территории штатов Оахака, Пуэбла, Морелос и Герреро. «В ходе этой экспансии, — подчеркивает Майкл Ко, — ольмеки приносили с собой нечто большее, нежели их высокое искусство и изысканные товары. Они щедро сеяли на варварской ниве семена истинной цивилизации, до них никому здесь не известной... Там же, где их не было или их влияние ощущалось слишком слабо, цивилизованный образ жизни так никогда и не появился».

Это было весьма смелое заявление, но за ним немедленно последовали не менее смелые дела. Профессор Майкл Ко решил отправиться в джунгли Веракруса и раскопать там еще один крупный центр ольмекской культуры — Сан-Лоренсо Теночтитлан.

Хмурое декабрьское утро 1965 года застало Майкла Ко на побережье Веракруса, в Минатитлане.

Город Минатитлан — молодой и быстро растущий центр нефтяной промышленности Мексики — был пока не бог весть каким большим населенным пунктом: всего каких-нибудь 30—40 тысяч жителей. Его узкие улочки и переулки, застроенные небольшими домами, лепились вдоль берега широкой и мутной реки Коацакоалькос. Десятки катеров, моторных лодок и баркасов стояли у наспех сколоченных деревянных причалов или же валялись прямо на отлогом речном берегу. Путь на юг, в болотистые джунгли страны ольмекков начинался именно здесь. Попасть к заветным руинам можно было лишь по реке, наняв одну из стоявших поблизости ветхих и полузатонувших посудин.

По странному стечению обстоятельств большинство из них носило довольно мрачные названия, не предвещавшие случайному путнику ничего хорошего, вроде «Лузитании» * или «Несча-

УДАЧНЫЙ ДЕБЮТ

* «Лузитания» — английское пассажирское судно, торпедированное

стной жертвы». Однако другого выбора не было. И вскоре небольшой юркий катерок, весело постукивая дизельным мотором, побежал вверх по реке.

Капитан, он же и хозяин судна, механик и чумазый мальчишка-матрос с любопытством посматривали на своего странного пассажира. «Деньги заплатил вперед, не торгуясь. Одет не по-нашему. Едет в какую-то глушь. Кто же он? Гринго-кладоискатель? А может, это прибывший из Европы миссионер?»

Между тем катер обогнул с запада большой остров Такамичапа, принадлежавший, по словам древней легенды, красавице индейке донье Марине — возлюбленной конкистадора Эрнандо Кортеса, и вступил в зеленые воды Рио-Чикито.

«Через два часа будем на месте, сеньор. Видите, вон там, вдали, вершину плато Сан-Лоренсо?» — сказал капитан, небрежно ткнув рукой куда-то в сторону голубовато-серой дымки, закрывавшей почти весь горизонт. Но пассажир, как ни напрягал свое зрение, не смог разглядеть ничего. Медленно тянулось время. Но вот за крутым поворотом реки показался высокий обрывистый берег, хлипкие деревянные мостки причала и куча хижин с крышами из пальмовых листьев. Хижины стояли на плоских вершинах каких-то странных земляных холмов. Глухая, затерявшаяся в лесу индейская деревушка носила чересчур громкое для нее название — Сан-Лоренсо Теночтитлан. Профессор Майкл Ко находился у цели своего путешествия.

Мысль отправиться в эти края до начала экспедиции, с тем чтобы подготовить наиболее благоприятные условия для будущих работ, пришла ему в голову совершенно случайно. И хотя в самой этой идее не было

в Атлантике в 1915 году немецкой подводной лодкой. Все 1200 пассажиров и команда гигантского лайнера при этом погибли.

ничего плохого, время, выбранное для ее осуществления, оказалось на редкость неудачным. В Теночтитлане было беспокойно. Всего две недели назад здесь едва не убили какого-то археолога-мексиканца, пытавшегося вывезти в областной музей города Халапы тяжелые каменные статуи древних индейских богов.

Археолог тогда едва унес ноги, да и то лишь благодаря усиленному наряду полиции, до самой пристани державшему взбудораженную толпу под прицелом своих автоматов.

Деревня гудела как потревоженный улей. Крестьяне собирались на улицах группами по несколько человек и горячо обсуждали недавние события. Их вполне можно было понять. Здесь они родились. Здесь испокон веков жили и выращивали маис их предки. Да и вся эта многострадальная земля с ее реками, лесами, лугами и древними руинами досталась им в наследство от дедов и прадедов. В их жилах текла только индейская кровь. И вряд ли кто-нибудь особенно удивился, если бы многие обитатели деревушки при проверке оказались вдруг прямыми потомками легендарных «сыновей ягуара» — ольмеков. Это была их земля, их вода, их небо. И нет ничего странного в том, что они не хотели терпеть здесь никаких подозрительных пришельцев, а тем более людей, поднимающих руку на священную память предков — развалины и скульптуры доиспанских времен. Именно в этот драматический момент и появился в Теночтитлане Майкл Ко. Стоит ли говорить, что местный полицейский чиновник отнюдь не был в восторге от этого визита. Ничего хорошего ждать не приходилось. Появление гринго среди до предела ожесточившихся жителей деревни неминуемо должно было вызвать открытый взрыв негодования. Но вопреки ожиданиям все неожиданно уладилось самым мирным образом.

Тактичный и обаятельный американец быстро рас-

положил к себе местных крестьян. В конце-концов выяснилось, что они в общем-то не против изучения древних пирамид и изваяний, но хотели бы получить за это некоторую денежную компенсацию, нужную им для постройки новой школы. Подсчитав свои денежные ресурсы, профессор смог заверить новых друзей, что здание школы будет построено в самое ближайшее время.

Наболевший вопрос ко всеобщему удовольствию был улажен, и Майкл Ко приступил к осмотру района будущих раскопок. Собственно говоря, та археологическая зона, которая получила в ученых кругах наименование Сан-Лоренсо Теночтитлан, состоит из трех отдельных деревень, разбитых на месте древних ольмекских поселений: Теночтитлан, Сан-Лоренсо (находится в 1,5 мили к юго-западу от Теночтитлана) и Потреро Нуэво (расположено в 1,75 мили к юго-востоку от Сан-Лоренсо). На всей этой территории, куда ни глянь, среди саванн и джунглей были разбросаны сотни безымянных холмов-пирамид, внутри которых скрыты остатки жилищ, храмов и дворцов, принадлежавших когда-то загадочным ольмекам. Кое-где из раскисшей от дождя земли выглядывали угловатые или округлые края внушительных каменных изваяний. Да, здесь было где приложить руку археологу. И Майкл Ко, полный самых радужных надежд, поспешил вернуться на родину. Незадолго до отъезда, как бы подводя итоги своей скоропалительной, но успешной миссии в Теночтитлане, он написал в дневнике: «Потребовалась терпеливая и тактичная политика, чтобы убедить жителей деревни в своих добрых намерениях. В конце концов я преуспел в своих переговорах, и это в значительной мере благодаря тем хорошим воспоминаниям, которые оставила после себя группа американского археолога Стирлинга, побывавшая здесь около двадцати лет назад».

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Видимо, настала пора сказать, что честь открытия Сан-Лоренсо Теночтитлана действительно всецело принадлежит экспедиции Национального географического общества и Смитсоновского института в Вашингтоне.

Это случилось в 1945 году. Вездесущий Мэтью Стирлинг и здесь оказался первым. Услыхав от охотников-индейцев, что в этих местах встречаются каменные скульптуры большой величины, он тотчас же отправился в путь. Его сопровождали жена и несколько сотрудников, в том числе и неизменный его спутник во всех «ольмекских начинаниях» Филипп Дракер. В районе Сан-Лоренсо их внимание привлекли глубокие овраги; на дне и склонах которых то и дело встречались какие-то странные каменные глыбы. Их было много, больше десятка. И когда рабочие тщательно расчистили их, Стирлинг понял, что перед ним находятся те самые изваяния ольмеков, которые он так упорно искал последние годы по всему Веракрусу и Табаско.

Ряды удивительных каменных статуй, вырванные из долгого земляного плена, стояли теперь во всем своем первозданном великолепии. Вероятно, это были портреты верховных правителей и жрецов в затейливых головных уборах, конических шапках и плоских шлемах, напоминающие современные защитные доспехи мотоциклистов. Некоторые из них держали в руках атрибуты своей власти. Много столетий пролежали они в глубинах земли. Эти статуи — свидетели основания и расцвета Сан-Лоренсо. Его архитекторы воздвигали причудливые пирамиды и пышные храмы. Его жрецы знали небесный свод как свои пять пальцев и проникли в самые глупо-

кие тайны мироздания. Его скульпторы воплотили в граните и базальте свои бессмертные идеалы. Те же самые статуи видели и то, как с течением времени пышная столица ольмеков захирела, пришла в упадок и вскоре целиком попала во власть всепоглощающих тропических джунглей.

Уже в первые дни Стирлинг обратил внимание на поразительное сходство местных изваяний с монументами далекой Ла Венты. Значит, между этими двумя центрами ольмеков существовала какая-то глубокая внутренняя связь, развивались торговые и культурные контакты. Возможно и то, что оба они возникли и существовали в одно и то же время. Особое впечатление произвел на него один базальтовый алтарь, изображавший сидящего в нише правителя или жреца с безжизненным тельцем ребенка-ягуара на руках. Он как две капли воды походил на известный алтарь № 5 из Ла Венты, который хорошо знаком каждому специалисту в области мексиканской археологии.

В один прекрасный день проводник экспедиции, из местных крестьян, вдруг заявил, обращаясь к Стирлингу: «А сейчас мы увидим великого царя». «И он повел нас, — вспоминает Стирлинг, — на восток, через центральную группу холмов. Вскоре мы очутились на краю небольшого оврага с покатыми склонами. Там, лицом вверх, лежала самая крупная из всех гигантских каменных голов, которые мне приходилось когда-либо видеть. Этот колосс благодаря своей прекрасной сохранности, размерам и художественному совершенству оказался самым впечатляющим изваянием Сан-Лоренсо. Он имел до трех метров в высоту, и вес его достигал около полутора десятков тонн».

Общий итог кратковременного пребывания экспедиции Стирлинга в Сан-Лоренсо выглядит довольно внушительно: обнаружено пятнадцать совершенно новых

ольмекских скульптур великолепной сохранности и в их числе целых пять гигантских каменных голов. В свою очередь, Филипп Дракер успел заложить в ряде пунктов пробные траншеи и шурфы. Но найденные в ходе этих раскопок керамика и статуэтки так и не были введены тогда в научный оборот. Они спокойно пролежали в музейных подвалах свыше двадцати лет, пока их не использовал для своих изысканий все тот же неутомимый Майкл Ко.

РАДОСТЬ ОТКРЫТИЙ И БРЕМЯ ЗАБОТ

В январе 1966 года Йельский университет (США) выделил, наконец, необходимые средства, и экспедиция Майкла Ко отправилась в путь. «Главная причина, почему я начал свою программу широких археологических исследований именно в Сан-Лоренсо, — заявил он впоследствии, — состояла в том, что этот памятник занимает с географической точки зрения почти центральное положение внутри территории ольмеков». К тому времени чаша весов в великом споре между майя и ольмеками о приоритете той или иной цивилизации как будто явно склонялась в пользу последних. Однако требовались более убедительные доказательства прямой связи ранних форм ольмекской керамики с величественными каменными изваяниями Ла Венты, Трес-Сапотес и других менее известных центров страны Тамоанчан. Именно этим и хотел прежде всего заняться профессор Ко.

Исследование древних пирамид и статуй Сан-Лоренсо оказалось необычайно трудной задачей. На территории города нужно было проложить тропинки, очистить от кустарника каменные изваяния и наконец построить

для экспедиции постоянный лагерь. Ко нанял среди жителей окрестных деревушек несколько десятков рабочих, и вскоре освобождение древнего города из его лесной могилы началось.

Много времени и сил отнимало составление подробнейшей карты всей археологической зоны Сан-Лоренсо Теночтитлана. Эту тяжелую задачу взял на себя один отставной американский инженер. Ему пришлось немало потрудиться, продираясь сквозь заросли колючих кустарников или преодолевая глубокие овраги. Мириады свирепых москитов, клещей и муравьев, не говоря уже о смертельно опасных гремучих змеях, создавали дополнительные трудности на пути исследователей. И тем не менее не прошло и месяца, как карта в масштабе 1 : 1000 была целиком готова. Это было настоящее произведение искусства: на ней оказались не только все малейшие изгибы местного рельефа, но и были тщательно помечены каждая выемка, каждый холмик, каждый древний монумент.

Одновременно с этим на берегу реки Коацакоалькос, близ Теночтитлана, были заложены в нескольких местах стратиграфические траншеи и шурфы. Сама природа облегчала здесь задачу археологов. Бурные потоки воды, мчащиеся во время сезона дождей вниз, прорыли в крутом речном берегу множество глубоких промоин и оврагов, в стенках которых были отчетливо видны мощные напластования остатков древней культуры, оставленных когда-то обитавшими здесь людьми. Зоркий глаз археолога сразу же отметил большое число перекрывающих друг друга древних построек, бесчисленные обломки богато украшенной орнаментами глиняной посуды и несколько очагов с хорошо сохранившимися древесными угольками — великолепная возможность для получения твердых дат по методу C_{14} . Собранные со всеми предосторожностями образцы угля были немедлен-

но направлены в радиоуглеродную лабораторию Йельского университета. И когда спустя некоторое время пришел долгожданный ответ, Майкл Ко понял, что он стоит на пороге новой научной сенсации.

Судя по внушительной серии радиоуглеродных дат и весьма архаичной на вид керамике, найденной в траншеях и шурфах, большинство ольмекских каменных скульптур, а вместе с ними и вся ольмекская культура Сан-Лоренсо появились на свет где-то между 1200 и 900 годами до н. э., то есть на несколько столетий раньше, чем в той же Ла Венте.

После трех сезонов интенсивных раскопок длительная и сложная история Сан-Лоренсо выглядела в представлении профессора Ко следующим образом:

«Согласно нашим последним данным, — пишет он, — этот район был впервые заселен группой земледельцев где-то около 1300 года до н. э. Их сменили другие группы населения, тесно связанного в культурном отношении со своими предшественниками. Затем, после 1200 года до н. э., сюда пришли новые племена, обладавшие более высокой цивилизацией. Это и были ольмеки этапа Сан-Лоренсо. Блестящая культура, созданная ими, приходит в упадок и исчезает около 900 года до н. э. Сам город был полностью покинут жителями, а его дома и храмы предоставлены во власть беспощадных джунглей. Какое-то время спустя, уже на среднеархаическом этапе, на руины Сан-Лоренсо пришла еще одна группа ольмеков — возможно, выходцев из Ла Венты. Этот период в жизни города, названный нами «Палангана», относится, судя по данным C14, к 600—300 годам до н. э.»

Да, здесь было над чем поломать голову. У любого специалиста подобное сообщение тут же вызвало бы массу недоуменных вопросов. Каким образом удалось Майклу Ко установить необходимую взаимосвязь между

каменными изваяниями ольмеков и раннеархаической керамикой второго тысячелетия до н. э.? Что представляет собой Сан-Лоренсо: земледельческий поселок, ритуальный центр или город в прямом понимании этого слова? Как соотносится он по времени с другими ольмекскими центрами и прежде всего с Трес-Сапотес и Ла Вентой? И главное, как объяснить сам факт неожиданного появления вполне зрелой городской цивилизации в 1200 году до н. э., когда в остальных областях Мексики жили еще лишь примитивные раннеземледельческие племена?

ХОЛМЫ И «ЛАГУНЫ» САН-ЛОРЕНСО

По сравнению с другими городами древней Мексики — Теотихуаканом, Монте-Альбаном или Паленке — Сан-Лоренсо не очень велик. Он занимает скромную площадь — всего лишь около 1,2 километра в длину и менее 1 километра в ширину. Но зато по своему внешнему облику Сан-Лоренсо, бесспорно, самый необычный из всех доколумбовых центров культуры в Новом Свете. Все его здания и сооружения, скрытые внутри земляных холмов-пирамид, стоят на плоской вершине крутого и обрывистого плато, вздымающегося над окружающей саванной на высоту почти 50 метров. Боковые стороны плато глубоко изрезаны оврагами и промоинами. От этого своеобразного «острова» отходят в разные стороны узкие и часто симметрично удвоенные «языки» в виде непрерывной гряды холмов и возвышенностей. Во время сезона дождей вся окружающая равнина заливается водой, и только высокое плато Сан-Лоренсо, словно несокрушимый утес, стоит в гордом уединении посреди разбушевавшейся стихии. Природа словно на-

рочно создала здесь надежное убежище для человека. Во всяком случае, так думали участники экспедиции Мэтью Стирлинга. Так думал сначала и Майкл Ко. Но когда на вершине плато были сделаны первые глубокие разрезы, а на стол начальника экспедиции легла точная карта руин Сан-Лоренсо, произошло нечто необычное. Полученные данные непоколебимо указывали на то, что по меньшей мере верхние 6—7 метров плато в Сан-Лоренсо со всеми его отрогами и оврагами — искусственное сооружение, созданное руками человека.

Сколько же труда нужно было затратить для того, чтобы передвинуть с места на место такую гигантскую гору земли, не имея при этом никаких специальных механизмов и приспособлений! Впрочем, предоставим слово самому профессору Ко, дневниковые записи которого дают наиболее наглядное представление о путях научного поиска и строго логических построений.

«Мы знали, что Сан-Лоренсо — это плато, возвышающееся на 45—50 метров над окружающей саванной. Мы знали также, что оно было глубоко изрезано оврагами с севера, запада и юга и что именно там Стирлинг обнаружил колоссальные каменные головы и другие ольмекские изваяния, снискавшие городу громкую славу. Однако до тех пор, пока мы не увидели окончательный вариант карты и не сделали глубоких раскопов на вершине плато, мы не могли прийти к своему неожиданному и поразительному заключению: эти овраги, холмы и отроги — фактически все плато в целом — результат фантастических по размаху трудовых усилий человека. Не только сами здания, но и длинные, с плоскими вершинами цепи холмов были разбиты по строго определенному плану. С какой именно целью, мы могли только гадать. На западной стороне плато цепи холмов групп «С» и «Д» представляют собой как бы зер-

кальное отражение друг друга. Каждая черта одной в точности повторяется в другой. Точно так же выглядят и другие парные группы так называемых «отрогов» или «языков» плато Сан-Лоренсо; например, на юго-востоке и юго-западе. Для создания этих странных пальцевидных сооружений потребовались тысячи и тысячи тонн земли, мусора и обломков камня, принесенных, все до последней крупинки, на спинах людей в корзинах или плетеных сумках. Можно строить на этот счет любые предположения, но факт остается фактом: в наших раскопах на плато Сан-Лоренсо следы деятельности древнего человека встречались даже на глубине 7,5 метра от поверхности!»

Археологи обнаружили на плоской вершине плато свыше двухсот земляных холмов пирамидальной формы. Центральная группа имеет четко выраженную планировку по линии север — юг и как две капли воды похожа по своему внешнему облику на архитектурные сооружения в центре Ла Венты: сравнительно высокая пирамида из глины и два длинных низких холма окружают с трех сторон узкую прямоугольную площадь. По предположениям ученых, большинство небольших холмов-пирамид — это остатки прежних жилых домов. И поскольку общее их число не превышает двухсот, можно, привлекая данные современной этнографии, вычислить, что постоянное население Сан-Лоренсо в эпоху его расцвета состояло примерно из 1000—1200 человек.

В ходе раскопок внутри таких домов были найдены кухонные горшки из глины, различные предметы утвари, очаги. Кое-где на полу покинутых жилищ лежали в полном порядке базальтовые зернотерки — плоская плита на четырех ножках и округлый валик для растирания в муку зерен кормилицы-кукурузы; словно хлопотливая хозяйка, на минуту прервав свои повседневные дела, вышла на улицу поболтать с соседкой, вышла

и... больше не вернулась назад, предоставив археологам ломать голову над причинами этого непонятого события.

Люди, жившие на северо-западной окраине Сан-Лоренсо, были великолепными мастерами по выделке всевозможных украшений из дорогих пород камня — бус, серег и браслетов. Во всяком случае, здесь буквально в каждой хижине найдены специальные инструменты, сырье и заготовки, красноречиво говорящие о производстве именно этих видов изделий.

Кроме земляных холмов, на поверхности плато то и дело встречались какие-то непонятные впадины и ямы различных размеров и формы. Они получили у археологов название «лагун», поскольку почти наверняка имели отношение к воде и водоснабжению древнего Сан-Лоренсо. Дело в том, что в большинстве из них дождевая вода сохранялась почти до середины сухого сезона. А те выемки, которые подвергались специальной чистке, исправно снабжали экспедицию хорошей водой в течение круглого года. Специальные изыскания без труда подтвердили предварительную догадку профессора Ко — все «лагуны» Сан-Лоренсо оказались искусственными сооружениями.

КЛАДБИЩЕ ДРЕВНИХ СТАТУЙ

Экспедиция только начинала свои работы в Сан-Лоренсо, а студент-практикант из Пенсильванского университета Ричард Диль ходил уже в героях дня. Еще бы — он первым открыл для науки два совершенно новых каменных изваяния ольмеков, сразу же получивших по заведенным у археологов порядкам соответствующие

номера: монумент № 21 и монумент № 20. Оба они, по словам счастливого первооткрывателя, непосредственно «увязывались» с обломками глиняной посуды и статуэток этапа Сан-Лоренсо, или, иначе говоря, относились к 1200—900 годам до н. э. Монумент № 21 изображает во весь рост бегущего зверя — собаку или койота с когтистыми лапами. Скульптура была намеренно повреждена, а затем ничком брошена на специальную «вымостку», состоящую из серпентиновых топоров и брусков того же материала. Это вполне определенно доказывало, что древний монумент разбили и захоронили в толще земли с соблюдением каких-то сложных церемоний и обрядов. А что, если подобные же пышные «похороны» применялись и в отношении других каменных скульптур ольмеков? И Майкл Ко принялся за кропотливую работу. Он тщательно пометил на карте все места прежних находок каменных изваяний из раскопок Стирлинга и Диля. Получалась довольно странная картина: там, где древние статуи встречались вместе или неподалеку друг от друга, они образовывали правильные ряды, ориентированные по линии север — юг. Что это — простое совпадение или строгая внутренняя закономерность?

И как только начался новый полевой сезон, профессор Ко приказал заложить раскоп в нескольких метрах от только что найденной каменной стелы. «Это была самая удачная затея, — вспоминал он впоследствии, — из всех, что я когда-либо предпринимал». Не прошло и часа, как из глубины земли показалась великолепная статуя коленапреклоненного человека почти в натуральную величину. Статуя лежала на боку, лицом на восток. Голова ее была намеренно отбита. Рук тоже нет, а на их месте в районе плеч два рубчатых диска с отверстиями, куда и должны были вставляться вращающиеся каменные руки. Настала пора подвести некоторые итоги.

«Передо мной находился, — говорит профессор Ко, — монумент № 34, — лишенный головы и намеренно поврежденный. Но его положили на «подушку» из красного гравия и засыпали толстым слоем земли, содержащей большое число обломков известняка и щебня. Это событие имело место где-то в самом конце этапа Сан-Лоренсо. И тогда я высказал предположение, что здесь должны быть и другие, сходным образом уложенные изваяния, образующие прямые ряды в общем направлении на север. Как показали дальнейшие события, я был абсолютно прав».

Теперь можно было действовать с открытыми глазами, почти наверняка. От монумента № 34 строго на север проложили длинную траншею. И драгоценные находки не заставили себя долго ждать. Они появлялись изпод земли с завидной регулярностью хорошо налаженного заводского конвейера. Монумент № 38 — осколок громадного базальтового алтаря. Монумент № 37 — фигура сжавшегося перед прыжком в стальную пружину ягуара с начисто отбитой головой. Монумент № 41 — большая четырехсторонняя колонна с грубо намеченными контурами какого-то ольмекского божества. Но самым удивительным был, бесспорно, монумент № 43 — крохотная каменная скульптура, изображавшая фантастического восьминогого паука с пятью точками вместо глаз. А когда среди желто-красных отвалов траншеи показалась вдруг долгожданная статуя любимого ольмекского божества — «человека-ягуара», археологи окончательно уверились в торжестве научной идеи своего начальника. Майкл Ко буквально светился от переполнявшей его радости. Его ответ корреспондентам, нахлынувшим отовсюду в Сан-Лоренсо после первых известий о вновь найденных чудесах, насквозь пронизан лучезарным оптимизмом знающего себе цену первооткрывателя: «Здесь, в Сан-Лоренсо, спрятано в глубинах земли еще

не менее 1000 каменных статуй. И у меня просто не хватит времени и сил, чтобы раскопать их все!»

Профессор явно поскромничал. Найденные им изваяния во много раз обогатили фонды нескольких крупнейших археологических музеев Мексики, посвященных искусству ольмеков.

Последняя из добытых в сезон 1967 года скульптур изображала какого-то царственно-важного человека в широком, застегнутом у шеи плаще, но опять-таки без каких-либо признаков головы. Ее аккуратно отбили еще в древности неведомые осквернители священных реликвий ольмеков. В руках он держит голову смертоносной гремучей змеи, служившей у прежних обитателей Сан-Лоренсо либо атрибутом власти, либо предметом религиозного поклонения. По мнению Майкла Ко, ольмеками правили могущественные цари — основатели обширных династий. Об этом говорит весь облик каменных изваяний, найденных археологами в ольмекских городах и селениях. Они изображают сцены побед над врагами, связанных пленников и последующий триумф грозного владыки. Точно такие же мотивы были широко представлены позднее и в искусстве многих центральноамериканских народов: майя, нахуа, сапотек, тотонаков, миштеков и т. д. Подобные скульптуры призваны были прославлять силу и могущество правителя в глазах его подданных. Причем они воздействовали на зрителя не только выразительностью, искусно переданной резцом древнего мастера, но и своей монументальностью — огромными размерами. К сожалению, так успешно начатые раскопки пришлось вскоре прекратить. Черные грозовые тучи уже маячили далеко на востоке, возвещая о близком приходе сезона дождей с его неистовыми тропическими ливнями, туманами и непролазной грязью.

НАШЕСТВИЕ ВРАГА ИЛИ ВОССТАНИЕ НЕДОВОЛЬНЫХ?

Когда улеглись первые восторги по поводу находки великолепных статуй ольмекских богов и героев, перед Майклом Ко вновь встал во весь рост один неизбежный вопрос. Ведь каждый монумент, обнаруженный в Сан-Лоренсо, был намеренно разбит или поврежден, а затем уложен на специальном полу из красного гравия и засыпан сверху толстым слоем земли и хозяйственного мусора.

Но кто сделал это? И с какой целью?

В материальной культуре Сан-Лоренсо нет никаких следов нашествия чужеземных армий: сожженных и рухнувших зданий, сломанного оружия и беспорядочно наваленных друг на друга человеческих скелетов с пробитыми черепами.

Совершенно очевидно, что чужеземцы не имели никакого отношения к тем драматическим событиям, которые разыгрались на последнем этапе существования города, примерно в 900 году до н. э. Поэтому, согласно Ко, здесь могла идти речь только о восстании угнетенных низов. И в воображении ученого тут же возникла яркая картина этих далеких исторических событий.

Итак, роковой рубеж был уже пройден. В десятках городов и селений, разбросанных у подножья горных хребтов Тустлы и на болотистых равнинах Веракруса и Табаско, в том числе и в самом Сан-Лоренсо, жизнь внешне текла по-прежнему. Но ольмеки находились уже на краю пропасти. Их великолепная цивилизация, созданная усилиями многих поколений земледельцев, доживала последние дни. Зловещие семена распада и ги-

бели зрели внутри самого общества ольмеков. Надо лишь на мгновение представить себе его сложную и противоречивую структуру, чтобы понять, какой ураган праведного гнева готов был со дня на день обрушиться на голову правящей касты. Небольшое ядро светских аристократов и жрецов, усилиями которых поддерживался внешний блеск ольмекской цивилизации, сознательно обрекало своих многочисленных подданных на нищету и несправедливость. На долю же простых земледельцев оставались лишь непосильные налоги, бесконечные поборы и трудовая повинность на строительстве дворцов и храмов. Ритуальные центры росли среди болот и джунглей словно грибы после дождя, а крестьянин все туже затягивал пояс.

Именно там, в среде угнетенного, но непокоренного народа и родилась, вероятно, песня борьбы и гнева, донесенная до наших дней в одной из древних книг майя, «Чилам-Балам»:

Ах, братья!..
Близки страдания наши.
И приближается жестокость нищеты,
Налоги, подать...
Едва успели вы на свет явиться,
Побеги нежные лишь завтрашних деревьев,
А вас налогов бремя тяжкое
Придавит...
Готовьтесь все
Переносить тяжелые страдания,
Что вереницею придут к нам
В течение катуна, что наступит.
То будет пора печалей,
Времена господства
Дьявола...
Кровопротий страшных, и болезней смертных,
И засухи, и саранчи нашествий,

То — пропасть нищеты...
Эпоха скорби нашей,
Слез горьких и страданий..
Рабы — деревья,
Раб — камень,
Слово — раб,
Все население — в рабстве*.

И йельский профессор продолжает развивать свою гипотезу дальше.

Неизвестно, кто первым бросил клич к восстанию, но за оружие взялись все, дружно и яростно, с надеждой на лучшие времена. Какая же сила могла устоять перед натиском этого всесокрушающего урагана народного гнева?

Рассеяны и перебиты отборные отряды царских воинов. В панике бежали за пределы страны те из властителей, кто еще мог это сделать. Остальных переловили, как диких зверей, и подвергли мучительной казни. И когда успех воостания стал очевиден для всех, священная ярость людей обрушилась на каменных кумиров, имевших самое прямое отношение к только что свергнутым правителям и жрецам. Но монументы были велики по размерам и весили слишком много тонн. К тому же базальт необычайно твердый и вязкий камень. Поэтому ольмекские «иконоборцы» пускались на всякого рода ухищрения, лишь бы только достигнуть своей цели. Там, где было возможно, они отбивали у статуй головы или же наносили им другие повреждения с помощью неизвестных нам остроконечных орудий: на лицах многих изваяний, и прежде всего гигантских каменных голов, отчетливо видны ямки, «оспины» и борозды — следы работы безмянных разрушителей

* См. Хорья Матей, Майя. Бухарест, 1967, стр. 131 (поэтический перевод текста «Чилам-Балам»).

древности. Алтари разбивали на куски. Для этого над обреченным памятником строили высокую треногу. Поднимали туда мало-помалу на прочных канатах другие скульптуры. И затем, резко отпуская веревки, сбрасывали свой необычный груз вниз. Таким образом, ко всеобщей радости, получалось так, будто одна статуя правителя калечила или уничтожала другую. Но слишком велико еще было влияние прежних предрассудков и традиций на душу земледельца. Слишком сильны были еще те догматы «святой веры», которые им веками вдальблывали в голову жрецы. Грозные правители и вожди были теперь мертвы. Их тела покоились глубоко под землей. Священные же символы их могущества и власти, хотя и поверженные ныне в уличную пыль, хотя и обезглавленные, сохраняли какую-то частицу своего бывшего воздействия на бесхитростные умы крестьян. Временами страх за содеянное заставлял тревожно биться не одно храброе сердце. Тогда и пришло единственно правильное решение — похоронить разбитые статуи точно так же, как были незадолго перед этим погребены прежние владыки страны. И в один прекрасный день на вершине крутого плато Сан-Лоренсо возникло новое гигантское кладбище — кладбище каменных статуй.

Нечто похожее происходило и во многих других городах и селениях ольмеков. Во всяком случае, разбитые и намеренно поврежденные монументы с ликами правителей и богов встречаются не только в Сан-Лоренсо, но и в Ла Венте и Трес-Сапотес. Огромная и цветущая страна внезапно испытала на себе все разрушительные последствия жесточайшего социального кризиса. Опустели пышные дворцы и храмы. Заросли травой мощенные камнем караванные дороги. На священных алтарях некогда могущественных богов никто не воскуривал больше к бездонному голубому небу

дымок ароматной смолы — копал. Через некоторое время победившие земледельцы разошлись по своим деревушкам, рассеянным в окрестных лесах. И величественные города ольмеков окутало мертвое безмолвие. Буквально в считанные годы джунгли вернули все то, что человек отвоевывал у них веками.

ПЕРВЫЙ ВОДОПРОВОД АМЕРИКИ

Еще Мэтью Стирлинг обратил внимание на какие-то странные, тщательно отесанные камни U-образной формы, в изобилии валявшиеся на дне одного из оврагов Сан-Лоренсо. Но о точном их назначении он мог только гадать: никаких определенных доказательств на этот счет не было.

В апреле 1967 года рабочий-индеец привел археологов к тому месту, где весенние ливни вымыли на склоне лощины «каменную трубу», из которой до сих пор льется вода. «Я спустился вместе с ним в заросший густым кустарником овраг, — вспоминает Майкл Ко, — и то, что там предстало перед нашим взором, могло повергнуть в изумление любого исследователя прошлого. Водоотводная система, искусно построенная около 3 тысяч лет назад, успешно действовала до сих пор!» Выяснилось, что ольмекские мастера ставили U-образные камни вертикально, вплотную друг к другу, а затем закрывали их сверху тонкой пластиной из базальта наподобие крышки школьного пенала. Этот своеобразный каменный тоннель был скрыт под толстым слоем насыпной земли, достигавшим местами четырех с половиной метров. Раскопки всей водоотводной системы Сан-Лоренсо потребовали от всех участников экспедиции предельного напряжения сил. И когда основные ра-

боты были закончены, можно было с уверенностью сказать, что на плато Сан-Лоренсо некогда действовали одна главная и три вспомогательных линии акведуков, общей протяженностью почти в два километра. Все каменные «трубы» были уложены под слабым наклоном к западу и так или иначе связаны с наиболее крупными из «лагун». Когда последние чересчур переполнялись в период дождей, лишняя вода самотеком выводилась с помощью акведуков за пределы плато. Это, бесспорно, самая древняя водосборная система, сооруженная когда-либо на территории Нового Света до прихода европейцев. Но для того чтобы ее построить, ольмекам пришлось затратить на U-образные блоки и крышки к ним без малого 30 тонн базальта, доставлявшегося в Сан-Лоренсо издалека, за несколько десятков километров.

ВСЕВИДЯЩЕЕ «ОКО»

Кто из археологов не мечтал заполучить в свои руки волшебный прибор, который мог бы видеть то, что спрятано глубоко под землей и направлять человека в наиболее благоприятные для раскопок места. Но долгое время эти мечты оставались беспочвенными, пустыми фантазиями, поскольку наука не располагала еще для подобных проектов необходимым арсеналом средств. После второй мировой войны в Европе и США стали применять для археологических изысканий, хотя и с весьма относительным успехом, различные приборы и приспособления, принцип действия которых был основан на удельном сопротивлении пластов земли. Затем в археологических экспедициях, работавших на севере Италии, появились специальные перископы, с помощью

которых можно было осмотреть внутреннюю часть непо потревоженной подземной гробницы, чьи своды выдержали на протяжении тысячелетий тяжкий груз земли и каменных обломков.

Но все эти новинки техники были слишком далеки от совершенства и никак не могли удовлетворить растущих запросов археологов.

И нет ничего удивительного в том, что, когда в последний сезон работ среди руин Сан-Лоренсо появилась группа людей с какими-то сложными и непонятными приборами, все участники экспедиции, включая и ее начальника, отнеслись к их работе с изрядной долей недоверия и скептицизма. Инженеры и техники из города Пало-Альто в Калифорнии решили опробовать свой новый инструмент — магнитометр и на ольмекских древностях. Он был создан для определения различий в интенсивности магнитного поля в каждый данный момент на каждом данном участке земли. Подобные различия называются у физиков аномалиями, и вызываются они, как правило, всевозможными предметами с большим содержанием железа, которые были когда-либо погребены в толще земли.

Геологи используют магнитометр для разведки нефтяных и рудных месторождений. Спасательные команды ищут с его помощью жертвы снежных лавин высоко в горах. А не так давно магнитометр был с успехом применен во время длительных поисков внезапно погибшей в глубинах Атлантики американской субмарины «Трешер».

Внешне инструмент выглядел не слишком презентабельно: простая консервная банка, насаженная на длинный полый стержень. В банке находится специальный газ, дающий радиосигналы той частоты, которая соответствует интенсивности проходимой в данный момент аномалии. Сигналы принимаются небольшим приемни-

ком, прикрепленным вместе с портативными электро-батареями на поясе исследователя, и там трансформируются в шелчки и шумы.

И вот торжественный день первого опробования прибора наконец наступил. «Шелдон Брейнер и его помощники, — вспоминает Майкл Ко, — принялись не спеша «прогуливаться со своими «игрушками» по плато Сан-Лоренсо в сопровождении большой толпы любопытствующих, но скептически настроенных археологов и рабочих. Не прошло и нескольких минут, как магнитометр начал вдруг сердито пощелкивать. «Копайте здесь», — сказал Брейнер. И вскоре кирка рабочего ударилась о неровный край каменной скульптуры, погребенной именно на той глубине, которую предсказал физик. Неподалеку от этого места инструмент нашел еще одну аномалию, и мы немедленно извлекли здесь из земли каменную статую. В течение недели мы вели раскопки в четырех местах, отмеченных чудесным прибором, и везде оказывались разбитые базальтовые скульптуры. Причем одна из них (монумент № 52) — самая лучшая наша находка за все три сезона работ в Сан-Лоренсо. Скульптура изображает человека-ягуара с ощеренным ртом и надвое расколотой головой. Это самый почитаемый бог ольмеков, могучий повелитель небесных стихий, дождя и плодородия. О более блестящем финале наших многолетних работ в Сан-Лоренсо я не мог и мечтать!»

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Еще не успели скрыться в дымке тумана вечнозеленые леса Веракруса, а Майкл Ко уже начал лихорадочно готовиться к предстоящей встрече с коллегами

у себя на родине. Полученные им в Сан-Лоренсо результаты были настолько неожиданны и интересны, что не могли не вызвать самого пристального внимания и со стороны широкой публики, и со стороны специалистов. А там, где есть толпа доброжелателей, всегда найдется и пара-другая язвительных критиков, ни во что не верящих и все подвергающих осмеянию. По возвращении в США профессору Ко действительно пришлось потратить немало сил для того, чтобы убедить ученых в своей правоте. Конференции, съезды, симпозиумы, встречи слились в одно непрерывное изнуряющее турне по стране.

Неизменной оставалась лишь горячая решимость профессора одержать победу в этой нелегкой борьбе. Ставки в этой игре были слишком высоки: на карту ставилась научная репутация археолога, до сих пор неизменно преуспевавшего во всех своих начинаниях. Основные выводы Майкла Ко по самым злободневным вопросам ольмекской культуры, выводы, опирающиеся на трехлетний опыт работ в Сан-Лоренсо, были и смелы и необычны.

До сих пор камнем преткновения в решении ольмекской головоломки считалось отсутствие каких-либо точных данных о времени появления монументальной каменной скульптуры — наиболее яркой и специфической черты цивилизации ольмеков. Теперь же, по мнению Ко, вековая загадка успешно разрешена. В ходе раскопок кладбища статуй в Сан-Лоренсо он установил, что все изваяния засыпаны толстым слоем земли, в котором встречаются главным образом черепки глиняной посуды и обломки лепных фигурок этапа Сан-Лоренсо (по C_{14} — это 1200—900 годы до н. э.). Следовательно, захоронение разбитых скульптур тоже производилось в это время. Во всяком случае, так считал сам профессор Ко. Отсюда неизбежно вытекал и другой важный

вывод: ольмекская цивилизация во вполне сложившемся, зрелом виде существовала уже в конце второго тысячелетия до н. э.!

У ольмеков был разветвленный и прочный государственный аппарат, с помощью которого правители могли мобилизовать для своих нужд огромные людские резервы и распространить свою власть далеко за пределы страны Тамоанчан — в Центральную Америку, Гватемалу, Сальвадор и т. д. Если учесть, что в самом Сан-Лоренсо и связанных с ним городах-сателлитах Теночтитлане и Потреро Нуэво постоянно жило всего около 2500 человек, то нетрудно понять, что отнюдь не они выполняли гигантскую программу строительства ритуальных центров, дворцов, храмов и многотонных каменных изваяний. Для этой цели насильственно привлекались десятки тысяч крестьян, обитавших в деревнях и поселках, которые входили в сельскохозяйственную округу каждого большого ольмекского города. По иронии судьбы именно эти нищие деревушки земледельцев, затерявшиеся среди гнилых болот и джунглей, вскормили и выпестовали блестящую цивилизацию «сыновей ягуара», поставляя в города запасы продовольствия и даровую рабочую силу.

Ольмеки создали, вне всякого сомнения, самую первую цивилизацию Центральной Америки, оказав решающее влияние на происхождение всех других высоких культур этой области Нового Света.

«Я считаю также, — утверждал Ко, — что блестящая цивилизация Сан-Лоренсо пришла в упадок из-за внутренних потрясений — насильственного восстания или мятежа. После 900 года до н. э., когда Сан-Лоренсо исчез под густым покровом джунглей, факел ольмекской цивилизации перешел в руки Ла Венты — островной столицы, надежно спрятанной среди болот реки Тонала, в 55 милях к востоку от Сан-Лоренсо». В 600—300 го-

дах до н. э. на руинах былого великолепия вновь затеплилась жизнь: на плато Сан-Лоренсо появилась группа ольмекских колонистов, пришедших, возможно, из той же самой Ла Венты. Во всяком случае, архитектура и керамика обоих городов в этот период отличаются поразительным сходством. Но дело в том, что наиболее эффектные каменные статуи Сан Лоренсо, которые Майкл Ко относит к 1200—900 годам до н. э., как правило, имеют своих точных двойников в Ла Венте — городе, существовавшем в 800—400 годы до н. э. Кажется, возникла совершенно неразрешимая ситуация. И здесь на помощь йельскому профессору неожиданно пришел один из его коллег — археолог Роберт Хейзер из Калифорнийского университета. Он взял сохранившиеся части старых образцов древесного угля из Ла Венты, собранных еще в 1955—1957 годах, и вновь направил их в одну из радиоуглеродных лабораторий США. Стоит ли удивляться, что полученные результаты несколько расходились с прежними заключениями тех же самых физиков. Теперь Ла Вента имела уже совершенно иные хронологические показатели: 1000—600 годы до н. э. Причем, Роберт Хейзер несколько не скрывал, что немаловажную роль в его новых выводах относительно возраста Ла Венты сыграли поразительные результаты исследований Майкла Ко в Сан-Лоренсо.

Слов нет, раскопки в Сан-Лоренсо дали ответ на многие темные вопросы ольмекской культуры. Но гораздо больше таких вопросов по-прежнему ждало еще своего решения.

Что позволило ольмекам опередить в своем развитии другие народы доколумбовой Америки? Где искать их прародину? На каком языке говорили ольмеки? К какой группе народов принадлежали? Чем отличались их экономика и политическая структура от соответствующих институтов других народов Мексики?

Может быть, именно поэтому заключительные слова выступления Майкла Ко на конференции по ольмекской проблеме в Думбартон Оксе в 1968 году выглядят уже не столь оптимистическими и решительными, как это было прежде. «Мы не знаем, — заявил он, — настоящих виновников того головокружительного скачка в развитии культуры, который наблюдается на этапе Сан-Лоренсо. Но главный импульс в становлении цивилизации ольмеков вполне мог прийти из какой-нибудь внешней, неизвестной до сих пор области».

Сам профессор Ко при этом не имел никаких намерений искать прародину ольмеков вне пределов Нового Света — например, за просторами Атлантики или Тихого океана. Больше того, в другой своей статье он целиком принимает точку зрения, согласно которой первоначальный центр ольмекской цивилизации находился в горах Тустлы, то есть всего в каких-нибудь 70—100 километрах от Сан-Лоренсо. Но тем не менее крылатое слово было уже сказано, и началась его особая, самостоятельная жизнь. Сам того не желая, Майкл Ко широко распахнул двери для сторонников теорий о трансокеанских влияниях на Америку древних очагов культуры Старого Света.

ГЛАВА 5

ЕГИПЕТСКИЕ ПИРАМИДЫ И МЕКСИКАНСКИЕ ТЕОКАЛЛИ

Где океан, век за веком стучась
о граниты,
Тайны свои разглашает
в задумчивом гуле,
Высятся остров, давно моряками
забытый.
Ultima Tule.
В. Брюсов

В 1969 году всю мировую печать облетело сенсационное сообщение: пятидесятипятилетний герой «Кон-Тики», знаменитый норвежский путешественник Тур Хейердал вновь решил отправиться в отважное путешествие, но на этот раз не на бальсовом плоту инков, а на папирусном судне «Ра». Вместе с интернациональным экипажем из шести человек он хотел пересечь всю Атлантику с востока на запад, чтобы доказать надежность древнеегипетских кораблей из папируса. Цель его смелого эксперимента можно теперь считать достигнутой: несмотря на то, что в 1969 году судно не дошло до намеченной точки у побережья Мексики нескольких сотен миль, повторное плавание «Ра» в 1970 году увенчалось успехом.

Это полное опасностей путешествие через океан к берегам острова Барбадос было использовано впоследствии как решающий аргумент при обосновании довольно смелых взглядов на происхождение доколумбовых цивилизаций Нового Света.

Изложить коротко и ясно точку зрения норвежского исследователя на этот счет далеко не простое дело. Подробный рас-

**«РА» ПЛЫВЕТ
В СТРАНУ
ТАМОАНЧАН**

сказ о плавании «Ра» в виде популярной книги появится у нас лишь спустя какое-то время. А многочисленные журнальные статьи и выступления зачастую дают искаженное и превратное представление о целях нового эксперимента Тура Хейердала и научном обосновании его взглядов. Поэтому я намеренно привожу здесь выдержки только из тех журнальных статей, которые подписаны самим норвежским ученым. В 1969 году в журнале «Пари-матч»* появилась статья, озаглавленная: «Я отправляюсь в Америку на корабле из папируса», в которой Хейердал вполне определенно высказал свои взгляды: «И внезапно моему взору представились многие общие черты древних цивилизаций Америки и Африки: культ солнца и астрономические познания, позволявшие высекать на скалах календари и рассчитывать восход замечательных звезд; господствующая каста, в которой братья женятся на своих сестрах... архитектура, основанная на высоком искусстве каменотесов, точно подгонявших камни друг к другу, не скрепляя их цементом, орошение террасами, захоронение в пирамидах, развитое судоходство при помощи судов из тростника».

Правда, популярный стиль изложения мог несколько исказить здесь чисто научную сторону аргументации автора. Поэтому возьмем другую его статью — «По следам бога Солнца», опубликованную в каирском журнале «Иджипт трэвел мэгэзин»**. В ней Хейердал вновь говорит о большом сходстве древних культур Мексики и Египта. «Сходство между ранними цивилизациями Египта и Мексики, — отмечает он, — не ограничивается лишь пирамидами... И в Мексике, и в Египте существовала высокоразвитая система иероглифической

* Материал перепечатан в еженедельнике «Неделя» от 15 июня 1969 года. Цитаты даются по публикации «Недели».

** Материал перепечатан в еженедельнике «За рубежом» № 21, 23—29 мая 1969 года. Цитаты даются по тексту «За рубежом».

письменности... Ученые отмечают сходство фресковой живописи в храмах и усыпальниц ζ , схожие конструкции храмов с искусными мегалитическими колоннадами. Указывается на то, что при сооружении сводов из плит архитекторы по обе стороны Атлантики не знали искусства сооружения настоящей арки. Обращается внимание на существование циклопических по размеру каменных человеческих фигур, на удивительные астрономические познания и высокоразвитую календарную систему в Мексике и Египте. Ученые сопоставляют удивительную по совершенству практику трепанации человеческого черепа, характерную для культур древнего Средиземноморья, Мексики и Перу, а также указывают на схожий египетско-перуанский обычай мумификации.

Эти и другие многочисленные свидетельства сходности культур, взятые вместе, могли бы подтвердить теорию о том, что однажды или неоднократно суда с берегов Средиземного моря пересекали Атлантический океан и принесли основы цивилизации аборигенам Мексики.

Таким образом, по мнению норвежского исследователя, многие важнейшие достижения индейцев доколумбовой Америки (в Мексике и Перу) были так или иначе связаны с влияниями со стороны древнейших очагов культуры в Старом Свете (Средиземноморье и Египет). Помимо указанных выше совпадений некоторых черт культуры и искусства по обе стороны Атлантики, Тур Хайердал приводит и несколько аргументов общетеоретического характера.

«Нигде — ни в Мексике, ни в другой части Америки, — подчеркивает он, — археологи не обнаружили определенных признаков эволюционного развития культуры. Везде, как показали раскопки, цивилизация расцвела сразу, будто привнесенная со стороны. Везде мы находим следы эмигрантов, откуда-то пришедших и принесших с собой зрелую и утонченную цивилизацию

в районы, где жили довольно примитивные народы. Нигде мы не находим центра, откуда начиналась бы эволюция ранних американских цивилизаций. И, что является еще более поразительным, ранняя цивилизация Америки (имеется в виду культура ольмеков. — В. Г.) была ограничена весьма неудобным районом тропических и субтропических джунглей Центральной Америки. Но именно здесь большое океанское течение, идущее от Гибралтара и Канарских островов, владает в Мексиканский залив...» *.

Не приходится спорить с тем, что смелый эксперимент норвежского путешественника с папирусной ладьей имеет большое научное значение, помогая лучше представить себе границы технических возможностей древнего человека для длительных морских походов. Не приходится возражать и против того, что после своих двукратных попыток пересечь Атлантику, Хейердал на деле доказал возможность осуществления через океан спорадических связей между Древним Египтом и Центральной Америкой. Но это именно возможность, а не действительность.

А для того чтобы читателям было легче разобраться в сложном клубке археологических доказательств о наличии каких-либо контактов между двумя очагами древней культуры, я хочу еще раз напомнить, что важнейшим и наиболее надежным доводом в пользу торговых или культурных контактов служат находки привозных изделий, то есть предметов, характерных для одного определенного народа или племени, но найденных на других территориях.

Когда в Новгороде археологи находят, к примеру, самшитовый гребень, то вполне очевидно, что либо сама эта вещь, либо древесина, использованная для ее изго-

* «За рубежом» № 21, 23—29 мая 1969 года, стр. 31.

товления, были привезены откуда-то с юга, где произрастает упомянутая порода деревьев. Изделия древнеегипетских мастеров — в виде печатей-скарабеев, амулетов, статуэток богов и клинописных табличек из камня и глины — пользовались широким спросом далеко за пределами долины Нила.

Но самобытный и ни с чем не сравнимый облик этих вещей позволяет повсюду легко отличить их от продукции местных ремесленников. Благодаря торговым и культурным связям египетские товары проникали в самые глухие и удаленные уголки Старого Света: подобные находки отмечены в Северном Причерноморье, на Среднем Дону, в лесах Прикамья в горном Алтае, в Тибете и Китае. Иногда складывается такое впечатление, что для вездесущих торговцев древнего мира вообще не существовало никаких природных барьеров. Их не могли остановить ни реки, ни моря, ни высочайшие горные хребты, ни бесконечные лесные дебри. Римские монеты первых веков нашей эры обнаружены на Камчатке. Греки-торговцы из Ольвии и Пантикапея — Керчи sporadически проникали на Урал и Алтай. Неутомимые караваны доставляли китайские шелка почти через всю Азию к берегам Средиземноморья.

Когда сам факт наличия привнесенных извне черт культуры в виде предметов импорта твердо установлен, наступает второй этап научных исследований: необходимо решить, каким образом осуществлялись контакты между двумя выделенными областями. Именно здесь играет в ряде случаев важную роль научный эксперимент в духе плавания «Кон-Тики» или «Ра». Но дело в том, что на Американском континенте до сих пор не было найдено ни одного подлинного предмета (я не говорю здесь о случаях подлога и фальсификаций), привезенного из очагов древней цивилизации Старого Света, если не считать сравнительно поздних по возрасту нахо-

док отдельных римских вещей в Мексике и Венесуэле. Не известны пока археологам и какие-либо другие осязаемые следы пребывания египтян в западном полушарии.

«ДИФфуЗИОНИСТЫ» И «ИЗОЛЯЦИОНИСТЫ»

Пытаясь как-то обосновать свои взгляды о действительном характере древних трансокеанских связей и большой их роли в сложении американских цивилизаций, некоторые ученые еще в XIX веке обратили внимание на внешнее сходство определенных черт культуры в Старом и Новом Свете. Могут ли независимо друг от друга появиться на свет земледелие на террасах, каменные пирамиды, поклонение солнцу, иероглифическая письменность, мумификация умерших и др.? «Диффузионисты» — так стали называть сторонников связей — решительно отвергают подобную возможность. По их мнению, каждое сложное изобретение или открытие может быть сделано человечеством только один раз. И если мы встречаем их у различных народов и даже в другую эпоху, это все равно служит надежным доказательством каких-то связей. Таким образом, получилось, что все основные культурные достижения древности могли возникнуть лишь один раз, в одном определенном месте, и оттуда они постепенно распространялись (благодаря переселению племен и торговле) в другие области. Крайние представители этого научного направления — такие, как англичанин Эллиот Смит и его соотечественник Уильям Перри, — стремились даже вывести буквально все высокие цивилизации древности из одного источника — Египта.

Им яростно возражали сторонники независимого про-

исхождения древних культур — так называемые «изоляционисты», часто вообще отрицавшие важную роль контактов и переселений в развитии человеческой цивилизации.

«Хейердал, — пишет советский этнограф Г. И. Анохин в послесловии к книге А. Якоби «Сеньор «Кон-Тики», — не присоединяется ни к «диффузионистам», ни к «изоляционистам». Тем самым он отказался от союзников из той или другой школы и наверняка получит оппонентов из обеих этих школ. Как всегда, он считает, что нужно иметь в руках факты, чтобы делать какие бы то ни было выводы. Если налицо видны параллели в достижениях древней культуры, надо найти, чем могли осуществляться контакты, и осуществить древнейшими средствами такой контакт».

Подобный способ решения сложнейших загадок истории можно было бы только приветствовать. Но в действительности все выглядело несколько иначе. У Хейердала, перед тем как он отправился через Атлантику на папирусной лодке, не было прямых доказательств, подтверждавших пребывание древних египтян в Новом Свете. И норвежский путешественник вынужден был обратиться к старым доводам ученых-«диффузионистов».

Драматическое плавание «Ра», даже независимо от желаний его капитана, вновь гальванизировало ветхую оболочку прежней «египетской» гипотезы «диффузионистов» о переселении «сыновей Солнца» — египтян из зеленой долины Нила в таинственные земли за океаном.

Часто представители школы «диффузионистов» приводят в качестве решающего аргумента в защиту своих взглядов факт общего внешнего сходства некоторых черт культуры по обе стороны Атлантики. Но, во-первых, современной наукой твердо установлено, что сходные черты культуры, в том числе и самые сложные,

могут появляться совершенно независимо друг от друга в различных областях земного шара. По мнению советских ученых, развитие в близких природных и исторических условиях, при равенстве хозяйственного и общественного уровня, приводит к независимому, или конвергентному, возникновению сходных черт культуры. И при решении вопроса о наличии каких-либо торговых или культурных связей между двумя географически удаленными областями всегда следует помнить об этом. Во-вторых, сказать, что и в Мексике, и в Египте строили пирамиды, поклонялись солнцу и пользовались иероглифическим письмом, как это делают «диффузионисты», — значит по сути дела не сказать ничего. Солнцу поклонялись в той или иной степени все древние народы мира. Пирамиды в разное время строили в Месопотамии, Камбодже, Египте, Европе и по всей Америке. Иероглифическое письмо было широко распространено в древности от Средиземноморья до Китая.

Здесь важны каждый раз конкретные и специфические детали, позволяющие безошибочно различать между собой отдельные предметы и явления. Например, культ солнца существовал на нашей планете почти повсеместно, но в каждой области он имел свои своеобразные формы и черты. И если такие специфические детали культа повторяются в двух обособленных областях, то только тогда может идти речь о каких-либо контактах.

Что касается пирамид, то в стране ольмеков каменных колоссов, похожих на египетские, вообще не оказалось. Пирамиды Теотихуакана и Чолулы, на которые так любят ссылаться сторонники трансатлантических влияний, построены где-то в конце первого тысячелетия до н. э. — в начале н. э., тогда как сооружение знаменитых пирамид фараонов совершенно прекратилось уже ко второму тысячелетию до н. э., а единственная ступенчатая постройка Египта, похожая на американские, —

«Пирамида Джосера» — вообще возведена в начале третьего тысячелетия до н. э. Велики их различия и в стилях орнаментации, строительной технике, материалах, конструкции и даже в назначении. Если египетские пирамиды хранили в своих подземных катакомбах лишь массивный саркофаг с мумией обожествленного фараона, то есть были чисто погребальным сооружением, то центральноамериканские теокалли* всегда несли на своей плоской вершине святилище или храм в честь какого-нибудь божества, да и погребения знатных лиц внутри храмовых пирамид здесь явление далеко не частое.

Иероглифы майя, клинопись египтян и вычурные китайские письмена, если их сопоставить даже чисто внешне, настолько не похожи друг на друга, что не может быть и речи об их общем происхождении, хотя все они отражают примерно одну и ту же ступень в развитии письменности.

В-третьих, при рассмотрении проблемы контактов очень важное значение имеет вопрос времени. Если, скажем, какая-либо черта культуры появилась и исчезла в Египте в течение третьего тысячелетия до н. э., а у древних народов Мексики мы встречаем ее лишь в первом тысячелетии до н. э., то ни о каком египетском влиянии говорить здесь, естественно, уже не приходится. Именно так обстояло, к примеру, дело с пирамидами. «При попытке продемонстрировать наличие связей между Старым и Новым Светом, — пишет А. Касо, — первый и основной шаг — рассмотреть относительную хронологию изучаемых черт культуры. Очевидно, что если данная черта появляется впервые в Новом Свете, а затем — в Старом, то она не может возникнуть на американской

* Теокалли — ступенчатая пирамида с плоской вершиной (ацтекск.).

почве, как результат влияний со стороны Старого Света. Поэтому я считаю вопрос о хронологии настолько важным, что до тех пор, пока он не будет полностью решен, все другие аргументы за или против доколумбовых связей теряют свою силу».

В Шумере и Египте цивилизация возникла в конце четвертого тысячелетия до н. э., тогда как в Мексике и Перу это произошло в лучшем случае в конце первого тысячелетия н. э. Огромный хронологический разрыв в 3 тысячи лет исключает возможность прямого влияния древнейших государств Старого Света на процесс становления и развития первых цивилизаций доколумбовой Америки. Единственно правильное объяснение для некоторых общих черт в искусстве и культуре обеих областей следует искать, таким образом, только в конвергенции.

Население Мексики и Перу благодаря высокоразвитому земледелию достигло к концу первого тысячелетия до н. э. примерно тех же рубежей в экономике, политике и культуре, которые были пройдены Египтом и Шумером еще в четвертом-третьем тысячелетии до н. э. Значительное сходство хозяйственных и социально-политических форм первых индейских государств с древневосточными, а также тот факт, что искусство в классовом обществе выполняет вполне определенный социальный наказ (прославление царя и царской власти, обслуживание культа различных богов, связанных так или иначе с земледелием и т. д.), и породили в конечном счете ряд совпадений и сходных черт культуры по обе стороны океана.

«Суда с берегов Средиземного моря» по своей воле или по воле случая действительно пересекали время от времени синие воды Атлантики и достигали восточного побережья Нового Света. Это сейчас вряд ли кто будет отрицать. Возможно даже, что в числе этих безымянных

«летучих голландцев» были и древнеегипетские корабли, сделанные либо из ливанского кедра, либо из нильского тростника. Но так же определенно можно сказать, что на Американском континенте до сих пор не было найдено абсолютно никаких следов пребывания египтян или каких-то других цивилизованных народов Средиземноморья, если не считать двух-трех случайных находок римских вещей на территории Мексики и Венесуэлы. Кроме того, «основы цивилизации» — отнюдь не эстафетная палочка, которую можно легко передать по желанию от одного человека к другому. Для того чтобы воспринять извне какие-либо новые черты культуры или технические изобретения, соответствующий замкнутый коллектив должен, во-первых, еще «дорости» до них, то есть достигнуть известного уровня развития, а во-вторых, должен испытывать в них самую настоятельную потребность. В этой связи гипотезы, доказывающие распространение через океаны целых культур и цивилизаций при помощи одиночных кораблей, принесенных волнами к американским берегам, выглядят крайне неубедительно. В подтверждение этого можно привести десятки примеров, с протокольной точностью запечатленных в старых хрониках и документах, когда мореплаватели Старого Света, заброшенные по воле судьбы в Новый Свет, бесследно исчезали там, не оставив никакого следа в индейских культурах: колонии викингов в Северной Америке и на Ньюфаундленде; испанские моряки, потерпевшие крушение у берегов Юкатана в 1511 году и попавшие в плен к местным племенам майя; испанская экспедиция на полуострове Флорида в 30-х годах XVI века и т. д. В 1827 году Джон Ренкинг в «Историческом исследовании о покорении Перу и Мексики» предположил, что государство инков в Южной Америке было основано судовыми командами нескольких кораблей Кублай-хана, унесенных к тихоокеан-

скому побережью Перу. Эти корабли пригнал в Америку сильный шторм, во время которого пошла ко дну большая часть флота, посланного монгольским императором для покорения Японии. Американский историк Хьюберт Бенкрофт в 1886 году сказал по этому поводу следующее: «Авторы этой теории забывают о разнице между привнесом элементов чуждой культуры и действительным происхождением народа. Абсурдно было бы предполагать, что команды нескольких судов, почти или совершенно без женщин, случайно пристав к берегам Перу в XIII веке, в XV веке настолько возросли численно, что создали могущественное государство. Высокоразвитая цивилизация его, однако, так слабо напоминала цивилизацию их прежней родины, что любые аналогии представляются крайне искусственными и неубедительными...»

Этот вывод, как мне кажется, вполне применим и к трансатлантическим плаваниям, о которых идет речь в данной главе.

Советские ученые — историки, археологи и этнографы — всегда выступали против теории миграционизма (переселений), разновидностью которой является диффузионизм. Означает ли это, что они таким образом полностью разделяют точку зрения «изоляционистов»? Нет. Ученые-марксисты согласны с последним лишь в том, что *в основе происхождения и развития древнейших цивилизаций Старого и Нового Света лежит местное начало и что это обусловлено единством путей развития всего человечества.* Но чем объясняется это единство? Не «единообразием человеческих умов», не «общностью человеческой психики», как думают «изоляционисты», а единством законов материальной жизни общества, законов общественного производства.

В то же время наша историческая наука отнюдь не

отрицает большой роли торговых, культурных и иных контактов в развитии древних цивилизаций нашей планеты. Весь вопрос в том, чтобы доказать в каждом конкретном случае сам факт существования таких связей.

В пылу полемической борьбы противники двух названных научных направлений ставят вопрос так: диффузия или абсолютно независимое развитие. Советская историческая наука решает его иначе: и независимое развитие, и диффузия, поскольку это как бы две стороны одной медали, наглядное проявление диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Переселения народов (миграции) и диффузия элементов культуры, не являясь главной или единственной причиной развития, служат его могучим ускорителем. И не потому ли так заметно отстали в своем развитии от населения Евразии даже наиболее передовые народы Нового Света, что они были в значительной мере лишены возможности черпать богатейший опыт и технические достижения своих древних собратьев, обитавших по ту сторону океанов?

На мой взгляд, для доказательства самостоятельного и оригинального характера индейских культур доколумбовой Америки, в том числе и ольмекской, необходимо установить прежде всего непрерывный и поступательный процесс их развития, начиная от самых ранних этапов и до порога цивилизации.

У ИСТОКОВ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР АМЕРИКИ

Благодаря выдающимся успехам современной археологии мы можем сейчас в самых общих чертах дать ответ на вопросы, откуда, как и когда попали в запад-

ное полушарие его древнейшие обитатели. По имеющимся сейчас данным, предки индейцев — различные монголоидные племена — пришли в Новый Свет из Северо-Восточной Азии в эпоху верхнего палеолита (30—20 тысяч лет назад), воспользовавшись сухопутным мостом, который связывал тогда Азиатский и Американский континенты в районе Берингова пролива. О характере культуры, которую они принесли с собой, известно пока очень немного. Бесспорно только одно: первые жители Америки были охотниками и собирателями, постоянно кочевавшими в поисках непуганых стад животных и растительной пищи — орехов, плодов и корней. Вооруженные лишь легкими копьями и дротиками с острыми каменными наконечниками, эти люди отваживались вступать в единоборство с гигантскими млекопитающими ледниковой эпохи — мамонтами, шерстистыми носорогами, бизонами — и зачастую выходили победителями.

Следы пребывания таких охотников и собирателей каменного века найдены сейчас и во многих районах Мексики. Раскапывая пещерные стоянки и открытые походные биваки древнейших обитателей Нового Света, археологи собрали десятки всевозможных каменных орудий, инструментов и поделок, расположили их по типам и по возрасту, выделили даже особые культуры разных палеоиндейских племен. В долине Мехико, в Тепешпане, найдены останки первобытного охотника на мамонтов, погибшего, видимо, во время единоборства с этим опасным зверем. Скелеты мамонтов, вместе с грубыми каменными орудиями, были найдены в Центральной и Северной Мексике и в горах южного штата Пуэбла.

Судя по геологическим данным и результатам радиуглеродных анализов, эти далекие предки мексиканцев

обосновались здесь, по крайней мере, уже 10—12 тысяч лет назад.

В седьмом тысячелетии до н. э. на значительных пространствах Американского континента внезапно происходит резкое изменение климата: он становится гораздо суше и теплее, приближаясь в целом к современному. Растительный и животный мир западного полушария постигает подлинная катастрофа. Крупные животные эпохи плейстоцена (мамонты, мастодонты, лошади, бизоны, верблюды) быстро вымирают, и местное население, существование которого во многом зависело от охоты, вынуждено было перейти почти целиком к собирательству диких плодов и растений. Рыболовство, сбор моллюсков и охота на мелких зверьков и птиц служили важным дополнением к растительной пище.

Скудные остатки простой и незамысловатой культуры тех времен в виде каменных орудий, кострищ и пещерных стоянок обнаружены сейчас во многих уголках Мексики. Затем цепь исторического развития резко нарушается, и около 2000 года до н. э. мы встречаем здесь уже вполне сложившиеся культуры ранних земледельцев архаической эпохи. Но как раз на основе этих последних и зарождаются впоследствии все важнейшие цивилизации данной области Нового Света: майя, науа, сапотеков, ольмеков, тотонаков. Значит, для того чтобы доказать самостоятельный характер индейских цивилизаций, необходимо прежде всего решить вопрос о происхождении раннеземледельческих культур Америки. Как мы уже видели, памятники первобытных охотников и собирателей, с одной стороны, и оседлых земледельцев архаической эпохи — с другой, отделены друг от друга огромным отрезком времени, охватывающим без малого пять тысячелетий. Что же скрывается в глубинах этого загадочного периода? Какие подспудные процессы и изменения превратили вдруг «дикие»

бродячие племена с охотничье-собираТЕЛЬским хозяйством в «культурных» земледельцев, овладевших уже многими навыками и ремеслами? Где искать истоки американского земледелия?

Ученые давно уже заметили факт (и одним из первых сделал это наш выдающийся ботаник, академик Н. И. Вавилов) удивительного совпадения районов распространения доколумбовых цивилизаций Нового Света с древнейшими очагами земледелия на этом континенте. Иными словами, цивилизации индейцев появились лишь там, где до них долгое время существовали раннеземледельческие культуры. Но земледелие тоже не возникает на пустом месте. Оно — само по себе — продукт длительного исторического развития и появляется лишь при благоприятном сочетании определенных условий. Следовательно, поиски истоков американского земледелия важны не только для лучшего понимания древнейших страниц прошлого Нового Света, но и в немалой степени для решения вопроса о происхождении доколумбовых цивилизаций.

ТАЙНЫ МЕКСИКАНСКИХ ПЕЩЕР

Канадский археолог Ричард Мак-Нейш оказался именно тем человеком, которому суждено было сделать решающий шаг в изучении этой сложной проблемы. Рано увлекшись археологией Центральной Америки, он не отправился подобно большинству своих коллег в джунгли Южной Мексики или Гватемалы, где под зеленой шапкой растений скрывались руины бесчисленных древних городов. Именно там ученый скорее всего мог рассчитывать на эффектные находки — каменные рельефы, статуи, фрески, храмы и дворцы, которые

бы сторицей вознаградили его за тяжелый и изнурительный труд. Но Мак-Нейша интересовало совсем другое. Как найти истоки первых земледельческих культур Мексики? Какие археологические памятники лучше всего подходят для этой цели?

И вот решение наконец найдено — ключ к происхождению мексиканского земледелия нужно искать в горных пещерах. Там, в сухих и высоких местах, хорошо защищенных от влаги, в течение многих тысячелетий жили предки современных мексиканцев. Слой за слоем откладывались на каменном полу пещер хозяйственные отбросы, кости животных, орудия труда, остатки растений, тканей, циновок, сетей и корзин. А исключительно благоприятные природные и климатические условия заботливо сохранили до наших дней эту самую правдивую летопись древней истории Мексики. Приступив к раскопкам, Мак-Нейш обнаружил, что наряду с другими предметами в различных слоях пещерных стоянок в изобилии встречаются остатки диких и культурных растений: тыквы, бобов, кукурузы, амаранта и перца.

Отныне у археологов появилась реальная возможность решить наконец многолетний спор о происхождении американского земледелия. Оказалось, что различные виды растений, найденных Мак-Нейшем в глубинах земли, имеют довольно почтенный возраст. Дикая предка кукурузы употреблялись индейцами в пищу еще в шестом тысячелетии до н. э. Но культивированная кукуруза с крохотными початками появляется лишь в начале четвертого тысячелетия до н. э. Древнейшие находки тыквы-горлянки в Мексике относятся к шестому тысячелетию до н. э., а бобов — к четвертому тысячелетию. Тщательное изучение находок из древних пещер Тамаулипаса и Пуэблы (Техуакан) позволило во всей полноте проследить мучительно медленный про-

цесс постепенного культивирования полезных растений предками индейцев. К началу второго тысячелетия до нашей эры жители некоторых областей Мексики имели уже в своем распоряжении основной фонд полезных растений, составивших впоследствии прочный экономический фундамент всех важнейших цивилизаций Нового Света.

Благодаря открытиям Ричарда Мак-Нейша в конце 50-х и 60-х годов нашего века впервые удалось убедительно доказать, что американское земледелие имеет чисто местное происхождение. Но это еще далеко не все. В мощных напластованиях пещерных стоянок встречались предметы самого различного возраста, начиная от эпохи первобытных охотников и собирателей и кончая поздними культурами накануне испанского завоевания. При этом все эпохи и периоды в эволюции местной культуры были тесно связаны между собой переходными звеньями. В итоге получалась стройная картина непрерывного и прогрессирующего развития древней Мексики, картина, не оставляющая никаких сомнений в местном происхождении блестящих индейских цивилизаций. Правда, этот вывод справедлив пока всего для нескольких районов доколумбовой Мексики. Не все еще известно нам до конца, и в общей цепи событий встречаются иногда досадные разрывы. Но они нисколько не опровергают главного нашего тезиса. Масштабы археологических работ в этой части Нового Света растут буквально на глазах. И каждое новое открытие будет вносить элементы порядка в ту гигантскую и хаотичную головоломку, которой была до сих пор проблема происхождения древних цивилизаций Америки.

Таким образом, упоминавшееся выше высказывание норвежского ученого об отсутствии в Новом Свете признаков эволюционного и постепенного развития местной культуры теряет теперь свою силу. В общих чертах

древнейшая история Мексики уже написана археологами. Но если для некоторых ее областей имеется сейчас полная цепь непрерывного исторического развития, то для страны ольмеков она представлена лишь со средних звеньев, начинаясь сразу с середины раннеземледельческой эры, где-то в XIII—XII веках до н. э.

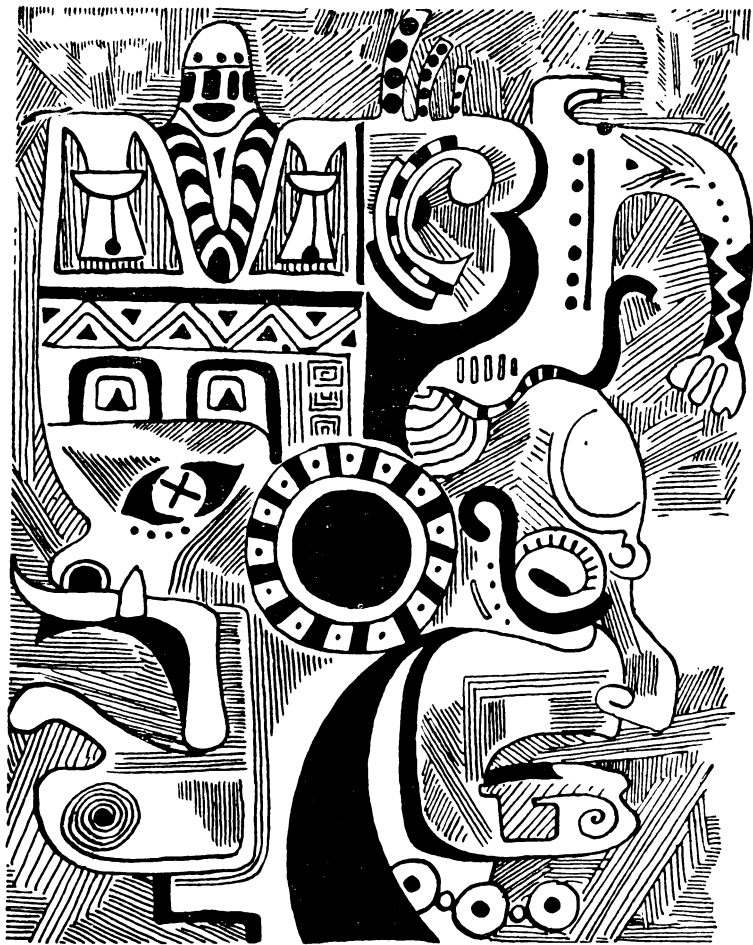
Возможно, что отсутствие более ранних находок в джунглях Веракруса и Табаско объясняется недостаточной археологической изученностью этой территории. Но еще более вероятно, на мой взгляд, другое предположение: ранних ольмекских памятников никогда и не было в этих равнинных и топких местах. Ольмеки пришли сюда из горных районов Мексики (см. точку зрения Майкла Ко о родине ольмеков в горном массиве Тустлы), уже обладая известным уровнем культуры, достаточным, чтобы противостоять натиску джунглей. Эта гипотеза хорошо согласуется и с учением академика Н. И. Вавилова о зарождении земледельческой культуры в горных районах тропиков и субтропиков и с последними археологическими открытиями в стране древних майя. Там, как установлено, выходцы из горных районов Чиапаса и Гватемалы тоже приступили в конце второго тысячелетия до н. э. к освоению обширных и почти безлюдных тропических лесов Петена, Усумасинты и полуострова Юкатан.

Страна ольмеков отличается значительным разнообразием природных условий. Зоны влажных тропических джунглей чередуются здесь с большими открытыми пространствами травянистых саванн или с холмистыми предгорьями и горными цепями района Тустлы. Но даже если, грубо говоря, представить себе всю территорию ольмеков в виде бесконечных и непроходимых тропических лесов, тезис о ее «неблагоприятности» для развития цивилизации повисает в воздухе. Древний человек прекрасно приспособился к местным условиям.

Против своего извечного врага — джунглей — он изобрел очень эффективное оружие: подсечно-огневое земледелие (система «мильпа»). Надо сказать, что по воле некоторых весьма авторитетных в прошлом ученых аналогичным образом «бедствовали» в своей лесной глуши и древние майя. Их блестящая цивилизация, тоже якобы таинственно привнесенная извне, «медленно угасала» во враждебной для жизни человека среде. Правда, это «угасание» длилось без малого полторы тысячи лет, а одно небольшое государство майя в районе озера Петен-Ица в Северной Гватемале ухитрилось просуществовать до 1696 года! И кто знает, сколько бы еще веков продолжалось это «угасание», если бы на земли Нового Света не обрушился вдруг опустошительный ураган испанской Конкисты. В качестве примера длительного развития цивилизации в области влажных тропических джунглей можно назвать кхмеров Камбоджи, йорубов Нигерии, многочисленные государственные образования на территории Индии и много других. «Я верю в способности древнего человека», — не раз повторял в своих выступлениях Тур Хейердал. По-видимому, именно незаурядные способности древних людей, их умение приспособляться к любым природным условиям, в том числе и к самым неблагоприятным, и помогли им как раз преодолеть все трудности и поставить в какой-то мере природные факторы на службу своим интересам. Так было в джунглях страны Тамоанчан; так было и на территории «Древнего царства» майя.

Но если для других цивилизаций Мексики мы уже имеем сейчас достаточно подробную родословную от их первых робких истоков до рокового финального заката, то в отношении ольмеков многое действительно остается еще неясным.

Открытие Майкла Ко в Сан-Лоренсо и выдвинутая им новая схема развития ольмекской культуры произвели на всех необычайно сильное впечатление. Его единодушно поддержали мексиканцы, в их числе такие признанные авторитеты в области мексиканской археологии, как Игнасио Берналь, Альфонсо Касо и Роман Пинья Чан. В свою очередь, археологи США — соотечественники молодого профессора из Йеля — разделились на две неравные части. Меньшая из них включала тех ученых, которые сами так или иначе были связаны с исследованием ольмекской проблемы. Они восторженно приняли «новое слово» в археологии Мексики. Но подавляющее большинство археологов хранило загадочное молчание, видимо не решаясь высказаться ни за, ни против взглядов Майкла Ко и предпочитая выжидать дальнейшего развития событий. Тем не менее, хотя бы и чисто внешне, в беспокойном «царстве ольмекской археологии» установились наконец всеобщее согласие и мир. Правда, теперь здесь безраздельно господствовал один человек и одна гипотеза. Все, что было сделано прежде,

**ТОРЖЕСТВО
ПАН-ОЛЬМЕКСКОЙ
ГИПОТЕЗЫ**

подвергалось самой строгой ревизии. Старые кумиры безжалостно сбрасывались со своих пьедесталов. Старые теории были окончательно развенчаны и сданы в архив истории. Суть нового учения об ольмеках состояла в следующем.

На общем фоне более или менее стройной картины событий древнемексиканской истории внезапно появляется блестящая культура ольмеков. Появляется сразу во вполне сложившемся, зрелом виде, словно Минерва из головы Юпитера. А затем, как по мановению волшебной палочки, этот первичный очаг высокой цивилизации рассылает во все стороны мощные и благотворные импульсы, превращая окружающие Тамоанчан примитивные племена в благопристойных и искусных во всех начинаниях горожан и просвещенных земледельцев, которые успешно овладевают секретами ирригации, селекции и севооборота. С помощью своей хитрой дипломатии, торговли и тяжелой военной десницы ольмеки быстро подчинили себе добрую половину Мексики и сопредельных с ней стран, создав первую могущественную империю на Американском континенте.

Гипотезу Майкла Ко дополнили и развили и некоторые другие ученые. «Центр происхождения ольмекского стиля искусства, — писал мексиканец А. Касо, — находился, бесспорно, в южной части Веракруса и на западе Табаско, то есть в той области, которую мы называем «Месопотамией Центральной Америки». И поскольку отчетливые следы ольмекского влияния представлены в Чиапасе, Гватемале, Сальвадоре, Оахаке, Пуэбле, Морелосе, Герреро и долине Мехико, то остается лишь считать все названные области «колониями ольмеков». Ядро империи находилось на южном побережье Мексиканского залива, а подчиненная ему обширная зона сопредельных земель протянулась еще на сотни миль вокруг.

Иными словами, следуя чеканным строфам одной ацтекской поэмы, мы могли бы с полным правом сказать:

Они над всем миром
установили
свое господство.
Они дали
власть, могущество,
славу, известность.

«Есть все основания предполагать, — утверждает, в свою очередь, Майкл Ко, — что у древних ольмеков существовало прочное государство. В пределах их исконной зоны... скульптура и содержимое гробниц демонстрируют огромную степень социальных различий между правителями и управляемыми. Но еще важнее в этом смысле распространение власти ольмеков далеко за пределы их крошечной первоначальной территории. Мы встречаем сходные явления только у явных политических империй позднейших времен — тольтеков и ацтеков.

Конечно, такие государства должны были иметь и необходимую экономическую базу. У ольмеков это наверняка было необычайно продуктивное земледелие, практикуемое на намывных землях, наподобие Нила у египтян, вдоль реки Коацакоалькос и ее притоков).

Всю свою обширную программу по сооружению ритуальных центров, гигантских базальтовых статуй и водосборных подземных каналов ольмеки осуществляли только при помощи орудий, сделанных из обсидиана, кремня, гранита, диабазы, серпентина, нефрита и базальта, основываясь исключительно на мускульной силе человека. У них не было ни повозок, ни лошадей, ни других тягловых животных. Не было металлов, плуга, парусных судов. По сравнению с техническим арсена-

лом древнейших цивилизованных народов Старого Света, ольмеки были явно обижены судьбой. Но все это не помешало им попасть в число бесспорных фаворитов даже на фоне других, не менее известных народов доколумбовой Америки.

Для чисто ольмекской культуры 1200—400 годов до н. э., согласно Майклу Ко, характерны такие черты, как преобладание архитектурных сооружений из глины и земли, высокоразвитая техника резьбы по камню (особенно по базальту), круглорельефная скульптура, гигантские головы в шлемах, изображения божества в виде человека-ягуара, колонны из базальта в качестве строительного материала для гробниц и «оград», изощренная техника обработки нефрита и серпентина, массивные ритуальные приношения в виде мозаичных вымоستок и площадок из нефритовых топоров — кельтов и заготовок для них, вогнутые зеркала из пирита, большие полые статуэтки «младенцев» из глины с поверхностью белого цвета, керамика ранне- и среднеархаических форм (округлые шаровидные горшки без шейки — «текоматес», плоскодонные простые блюда, чаши для питья с отогнутым наружу краем) с характерными резными орнаментами в виде гребенки, завитков и параллельных линий, красной росписью и точечным узором.

Мысль о том, что буквально все высокие цивилизации древней Мексики обязаны своим происхождением ольмекам, после открытий Майкла Ко считалась уже чуть ли не общепризнанной. Сторонники подобных взглядов приводили в свою защиту множество всевозможных доводов. Разве не связывает древняя ацтекская легенда, говорили они, сам факт основания Теотихуакана с крупным переселением из страны Тамоанчан? А знаменитые каменные маски теотихуаканцев? Они как две капли воды похожи на нефритовые изделия

ольмекских мастеров. И где, как не в столице сапотексов Монте-Альбана, были найдены каменные изваяния «танцоров» — странные фигуры людей с дергающимися руками и ногами, широко открытым ртом и мертвыми, плотно закрытыми щелочками глаз? «Значение их состоит в том, — утверждает Майкл Ко, — что эти «танцоры» — древнейший образец сапотекского искусства — несут на себе сильный отпечаток ольмекского влияния». Кроме того, среди руин Монте-Альбана и Монте-Негро археологи не раз встречали изящные глиняные вазы, украшенные масками ягуароподобного божества со вздернутой верхней губой. Какие же могут быть после этого сомнения в приоритете ольмексов над остальными народами Центральной Америки?

СОМНЕНИЯ ОСТАЮТСЯ

Лавина аргументов в пользу поразительно раннего зарождения ольмекской цивилизации, казалось, смела уже на своем пути все барьеры, возведенные некогда строгой критикой. Но, странное дело, чем больше слов говорилось в защиту пан-ольмекской гипотезы, тем меньше доверия она к себе внушала. Конечно, с некоторыми фактами спорить особо не приходилось. Ольмеки или, вернее, их предки действительно довольно рано обосновались на южном побережье Мексиканского залива. Если верить радиоуглеродным датам и находкам раннеархаической керамики, это случилось примерно в 1300—1000 годах до н. э. Со временем они возвели в глубине девственных джунглей свои не слишком большие по размерам, но вполне благоустроенные города, с их строгой планировкой, скромными архитектурными

ансамблями из дерева и глины, великолепной водосборной системой и внушительными изваяниями правителей и богов, установленными на низких платформах.

Но действительно ли эти два важнейших события — появление ольмеков на равнинах Веракруса — Табаско и строительство городов — произошли одновременно?

На мой взгляд, большинство зарубежных исследователей совершает одну и ту же серьезную ошибку. Они рассматривают ольмекскую культуру как нечто застывшее и неизменное, данное раз и навсегда. Для них смешались воедино и первые робкие ростки раннеземледельческого искусства, и внушительные достижения цивилизации. Видимо, ольмеки должны были пройти долгий и трудный путь, прежде чем им удалось достичь высот цивилизованного образа жизни.

Но как же отличить этот важный рубеж от предшествующих ступеней архаической культуры? В археологической практике еще со времен выдающегося американского этнографа Льюиса Моргана этот рубеж определяют по наличию письменности и городов. О том, были ли у ольмеков настоящие города, ученые спорят до сих пор и пока без особой надежды на успех. Но что касается письменности, то здесь у обитателей страны Тамоанчан все было в абсолютном порядке. И это, бесспорно, большое достижение ольмекских мудрецов. «Письменность, — пишет немецкий историк Эрнст Добльхофер, — заставила человека поразмыслить о самом себе. Только благодаря ей стало возможно коллективное умозрительное мышление, раздумье человечества над своим происхождением, своей сущностью и смыслом своего бытия, стали возможны духовная культура, философские учения и великие религии... Она служила цементом, которым пользовались основатели и строители великих империй; на ней покоится история как наука; она вызвала могучий взлет всех

отраслей человеческих знаний, в том числе и естествознания; она одарила человечество и другими благами культуры и цивилизации, которые без нее были бы немислимы».

Древние образцы иероглифического письма найдены в стране ольмеков по меньшей мере дважды: «Стела «С» в Трес-Сапотес» (31 год до н. э.) и «Статуэтка из Тустлы» (162 год н. э.). Следовательно, один из двух важнейших признаков цивилизации — письменность — появился в Тамоанчане лишь в I веке до н. э.

Правда, профессор Ко объявил недавно «Стелу «С» из Трес-Сапотес» памятником, относящимся уже к послеольмекскому периоду. Но это утверждение выглядит крайне неубедительно по двум причинам: во-первых, на внешней стороне стелы «С» высечена характерная для ольмекского искусства маска бога-ягуара; а во-вторых, если мы признаем правоту рассуждений М. Ко, то тем самым теряется единственный твердый признак, доказывающий наличие в стране Тамоанчан цивилизации — иероглифическая надпись 31 года до н. э.! Учитывая общий облик этого выразительного монумента, гораздо логичнее считать его типично ольмекским произведением.

Но если мы обратимся к другим областям доколумбовой Мексики, то нетрудно заметить, что и там первые признаки цивилизованного образа жизни появляются примерно в то же самое время. У майя из равнинных лесных районов Северной Гватемалы иероглифические надписи календарного характера также встречаются впервые около I века до н. э. (настенные росписи одного из самых ранних храмов Тикаля; стела № 2 из Чиапа-де-Корсо с надписью 36 года до н. э. и т. д.). А в ходе раскопок Монте-Альбана, укрепленной столицы индейцев-сапотек, расположенной в горах Оахаки, археологи нашли еще более ранние образцы письма, отда-

ленно похожие и на ольмекские, и на майяские. Их точная дата пока не установлена, но она относится, во всяком случае, ко времени не позднее II—I веков до н. э. Таким образом, еще в двух важнейших центрах доколумбовой культуры Мексики и Центральной Америки порог цивилизации (судя по появлению письменности) был достигнут по меньшей мере одновременно с ольмеками.

Да и с общенсторической точки зрения очень трудно поверить в то, что один-единственный цивилизованный народ, населявший к тому же сравнительно небольшую и почти изолированную от внешнего мира область, мог успешно поднять до своего уровня многочисленные варварские племена, отстававшие от тамоанчанцев на добрую тысячу лет *. Известно, что для любого заимствования каких-либо черт культуры, технических изобретений, религиозных идей и т. д., не говоря уже о социально-политических институтах, воспринимающему человеческому коллективу необходим соответствующий уровень развития. Например, скандинавские колонисты и местные эскимосы в течение нескольких веков жили бок о бок на территории Гренландии. Затем города и селения викингов на этом острове в силу различных причин прекратили свое существование. И когда много столетий спустя ученые приступили к исследованию гренландских эскимосов, то, ко всеобщему удивлению, в местной культуре не удалось обнаружить почти никаких следов скандинавских влияний. Большая разница в уровне развития не позволила эскимосам творчески заимствовать и развить более совершенную технику и культуру европейцев эпохи средневековья.

* Если принять точку зрения Майкла Ко, то цивилизация ольмеков возникла около 1200 года до н. э., тогда как в других областях Мексики и Центральной Америки цивилизации появились не ранее I века до н. э.

Ни одна цивилизация древнего мира не возникала из одного-единственного источника. Как правило, она рождается как результат взаимодействия нескольких различных источников или культур, как сложное сочетание благоприятных условий. Так было в Египте и Месопотамии, в долине Инда и в Китае.

«Поэтому, не будем воображать, — подчеркивает американский археолог Т. Проскуракова, — что ранние ольмекские памятники были единственными центрами культуры своего времени. Только на основании одной лишь исторической вероятности мы должны предполагать, что в это время в Мексике существовали и другие племена, способные если и не создавать равные по совершенству произведения искусства, то, по крайней мере, строить скромные храмы, устанавливать каменные скульптуры и успешно соперничать с ольмеками на поле брани и в торговых делах».

На примере возникновения письменности в различных областях древней Мексики, мы уже имели возможность убедиться, что эта «историческая вероятность» подтверждается и весьма убедительными фактами. Однако для более успешного решения ольмекской загадки необходимо поближе познакомиться с наиболее объективным источником — конкретным археологическим материалом.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ: ЛА ВЕНТА И ТРЕС-САПОТЕС

Конечная цель любых археологических исследований хорошо известна — воссоздать с максимально возможной полнотой картины давно ушедшей жизни. Но достигается эта цель, к сожалению, далеко не всегда. Здесь играют свою роль и объективные трудности (плохая

сохранность многих древних предметов), и личные качества, и уровень подготовки самого исследователя. Ольмеки, как и майя, никогда не были, вероятно, «одинокими гениями» Нового Света, вознесшимися к таким гордым вершинам познания, что у них оказалась потерянной всякая связь с окружающим миром. Следы инородных влияний представлены в ольмекских древностях столь же отчетливо, как и их собственное влияние в искусстве соседних индейских племен и народов. А если это так, то мы располагаем одновременно и весьма удобным методом для создания точных исторических реконструкций. Из трех более или менее исследованных археологами ольмекских памятников — Трес-Сапотес, Ла Вента и Сан-Лоренсо — первые два не дают нам четких указаний об их стратиграфии и типологии. Поэтому многочисленная коллекция находок оттуда в значительной мере обесценена. Следовательно, нужно искать какие-то новые пути, чтобы расчлнить бесполезную пока грудку археологических находок и построить из них незримую цепочку последовательного развития местной культуры. Представьте себе на минуту, что вы находитесь в просторном помещении музейного хранилища и перед вами прямо на полу возвышается целая пирамида из древних вещей, где беспорядочно перемешаны самые разные находки: обломки керамики и целые сосуды, нефритовые украшения и глиняные статуэтки, обсидиановые ножи и базальтовые зернотерки. Мы не знаем, где именно и на какой глубине найдена та или иная вещь. Известно лишь, что все они происходят из Трес-Сапотес и относятся к ольмекскому кругу древностей. С чего же следует начать в таком случае изучение злополучной пирамиды?

Видимо, прежде всего следует сделать попытку выделить внутри нее те предметы, которые чем-то напоминают находки из других областей древней Мексики, изу-

ченных археологами гораздо лучше страны Тамоанчан. Одновременно это поможет расчленить злополучную пирамиду на отдельные периоды или этапы культуры. Продемонстрируем данное положение на конкретном примере. «Предположим, — пишет советский археолог А. Л. Монгайт, — что где-то на Дунае или в другом месте обнаружен могильник с однородным инвентарем, а в одной из могил найден глиняный сосуд, близкий сосудам из хорошо известного и точно датированного могильника в Египте. На основании этой находки мы датировем и весь дунайский могильник... Предположим далее, что в том же районе обнаружен другой могильник, без египетских сосудов, но с вещами, близкими вещам первого могильника. С известной долей вероятности мы и этот могильник относим к той же абсолютной дате. Такова основа и простейшая схема археологического метода хронологизации».

Как известно, Нижний и Средний этапы бывшей схемы Ф. Дракера объединены ныне в один — Трес-Сапотес-І. В это время преобладала глиняная посуда с одноцветной поверхностью и многочисленные лепные статуэтки из глины, в том числе и в виде «пухлых» младенцев. Уже один этот факт позволяет отнести Трес-Сапотес-І к так называемой «архаической» эпохе, ко времени господства раннеземледельческой культуры. К какому именно периоду?

Некоторую основу для выводов дает нам наличие в материалах Трес-Сапотес-І небольшого процента глиняных сосудов с полихромной росписью. Сравнив их с другими хорошо известными памятниками древней Мексики и Центральной Америки, можно определить, что полихромная посуда впервые появляется в самом конце архаики или в последних веках до н. э. Об этом же говорят и находки в холмах Трес-Сапотес обломков ритуальных сосудов на четырех округлых, полых внутри

ножках-подставках — важнейший археологический признак перехода от архаики к цивилизации на всей территории Центральной Америки. Наконец, важной хронологической вехой для уточнения поздних границ Трес-Сапотес-I служит и знаменитая стела «С» с календарной надписью, соответствующей 31 году до н. э. Большинство ученых считает сейчас, что появление таких стел с иероглифическими текстами отмечает как раз в Новом Свете роковой рубеж, который отделил на долгие годы мир цивилизации от мира беспокойных варваров. Исходя из этого, позднеархаический этап Трес-Сапотес-I должен закончиться не позднее I века до н. э.

Керамика и статуэтки этого этапа очень близки таким древним земледельческим селениям из Центральной Америки, как Сан-Агустин в Чиапасе, Вашактун (Северная Гватемала) — этап «Чиканель», Ла Виктория на тихоокеанском побережье Гватемалы (этапы «Кончас-2» и «Крусеро»), Чиапа-де-Корсо (этапы «Франсеса» и «Гуанакасте») и др. Максимальные временные границы для всех названных памятников колеблются от 500 года до н. э. до рубежа н. э. Но наиболее часто приводится дата с 300 годом до н. э. до рубежа н. э. Следовательно, и Трес-Сапотес-I берет свое начало где-то между 500—300 годами до н. э.

Трес-Сапотес-II относится уже к эпохе цивилизации и, судя по находкам привезенных из Центральной Мексики (теотихуаканских) вещей, существовал в течение почти всего первого тысячелетия н. э.

К слову сказать, эти факты охотно признает и Майкл Ко, считающий Трес-Сапотес-I только позднеархаическим памятником и последним отголоском великой ольмекской культуры более раннего времени.

Длительный экскурс в хитросплетения сугубо специальной археологической «кухни» в вопросах датиров-

ки, возможно, несколько утомил читателей. Но он сам по себе играет настолько важную роль в решении ольмекской загадки, что дать его было просто необходимо. Дело в том, что именно в Трес-Сапотес найдены три гигантских каменных головы в шлемах. Общее их сходство с головами Ла Венты настолько велико, что и те и другие, бесспорно, существовали примерно в одно и то же время. Есть в Трес-Сапотес-I и значительное число глиняных статуэток (типы «А», «С» и «Е»), целиком копирующих типы, найденные в Ла Венте. Наконец, одна из сторон стелы «С» в Трес-Сапотес украшена типично ольмекской маской стилизованного бога-ягуара. Точно такое же изваяние обнаружено и в Ла Венте: это монумент № 15. Велико сходство и между бородастыми персонажами, изображенными на стеле «Д» из Трес-Сапотес и алтаре № 3 из Ла Венты.

В этой связи я позволю себе сделать одно отступление. Дело в том, что эти бородастые фигуры не раз уже вызвали к жизни самые различные предположения по поводу происхождения американских индейцев. Чаще всего можно слышать никем не доказанное утверждение о том, что «кавказоидные» по облику рослые люди с орлиным носом и длинной узкой бородой несколько не похожи на приземистых крепышей-индейцев, с их широкими лицами, приплюснутыми носами и раскосыми монголоидными глазами. И на этой зыбкой основе строятся пышные гипотезы о доколумбовых плаваниях «европеоидов» к берегам Нового Света, о цивилизаторской миссии переселенцев из Древнего Средиземноморья в диких дебрях Американского континента и т. д. и т. п. Итак, многих смущают «бородастые» и «европеоидные» персонажи, запечатленные на некоторых памятниках древнемексиканского искусства. Но американские индейцы, хотя они в целом происходят от азиатских монголоидов, никогда не были чем-то единым и монолитным в расовом

отношении. Различные этнические группы (в том числе и австралоидные), обитавшие на территории Восточной и Юго-Восточной Азии, были подхвачены мощным потоком монголоидных в своей массе переселенцев и приняли самое непосредственное участие в формировании населения Америки. Известно, что древнейшие обитатели Японии — айны, которые относятся как раз к океанийской или австралийской группе населения, обладали и европеоидной в целом внешностью, и удивительно пышным волосяным покровом на голове и лице. А в древности они населяли земли вплоть до Камчатки, то есть совсем рядом с Америкой. Известный советский антрополог Г. Ф. Дебец среди важнейших расовых признаков индейцев называет орлиный нос и европеоидный тип строения глаз.

Взаимосвязи между отдельными группами индейцев и, наоборот, длительная изоляция некоторых племен приводили порой к самым поразительным результатам: одни черты и признаки закреплялись и развивались, другие полностью исчезали. Отсюда проистекает и такая пестрота в облике аборигенов западного полушария. Испанцы, высадившиеся в начале XVI века в Панаме, встретили там смуглых и коренастых туземцев с бородами, более холеными и пышными, нежели у самих гордых идальго. Чистокровные бородатые индейцы были обнаружены на севере Колумбии и в боливийских Андах. Рельефы и стелы древних майя часто изображают бородатых персонажей типично майяского облика — с искусственно уплощенной верхней частью черепа, характерной прической и украшениями. Поэтому говорить, что на рельефах и стелах, созданных индейцами, изображены не они сами, а какие-то неведомые «белые» пришельцы, видимо, нет никаких оснований.

Какую-то часть каменных изваяний и керамики Ла Венты на основании ее бесспорных связей с Трес-Сапонтес-I, следует относить по меньшей мере к концу пер-

вого тысячелетия до н. э. И действительно, при ближайшем рассмотрении весь набор находок из Ла Венты отнюдь не производит впечатления единства и монолитности. Здесь представлены явно разновременные элементы культуры, а сам этот памятник прошел, вероятно, очень долгий и сложный путь развития. Без особого труда здесь можно выделить предметы среднеархаического времени (900—500 годы до н. э.), не встречающиеся в Трес-Сапотес: это грубая глиняная посуда, украшенная резными орнаментами, наклепными валиками и оттисками штампа-гребенки, глиняные лепные фигурки с глазами в виде круглых ямок-проколов и т. д. Есть в Ла Венте, как уже говорилось, и позднеархаические вещи. А отдельные находки обломков керамических сосудов на четырех полых ножках в бывшей столице ольмеков позволяют предполагать здесь и наличие более поздних этапов культуры.

Для определения возраста зрелого ольмекского искусства в Ла Венте особое значение имеет следующий факт: ни в одной из богатых гробниц города до сих пор не удавалось найти ни одного черепка или глиняной фигурки среднеархаического типа. Следовательно, эти гробницы, а вместе с ними и многие выдающиеся образцы чисто ольмекского искусства — в виде нефритовых амулетов, статуэток, украшений и ритуальных топоров — относятся не ранее чем к последним векам первого тысячелетия до н. э.

РЕВИЗИЯ САН-ЛОРЕНСО

Между тем счастливый первооткрыватель сокровищ Сан-Лоренсо, казалось, находился в зените своей славы. И дня не проходило без того, чтобы тот или иной

журнал или солидная американская газета не добавили свою лепту в шумные словопрения по поводу загадок древней культуры Веракруса и Табаско. Но Майкл Ко и здесь сумел соблюсти чувство меры. Сан-Лоренсо был его детищем, своего рода испытательным полигоном для большинства его идей об ольмеках. И он постарался представить материалы, найденные в этом городе, в самом наилучшем виде.

Во всех своих рассуждениях Майкл Ко опирался на двух «китов»: на серию радиоуглеродных дат и на то, что разбитые статуи были засыпаны землей, содержащей раннеархаическую керамику 1200—900 годов до н. э. Что касается радиоуглеродных дат, то излишняя доверчивость к ним не раз уже подводила археологов. В обращении с ними нужна предельная осторожность. Их всегда следует проверять обычными археологическими методами — типологией и стратиграфией. Достаточно сказать, что диапазон колебаний показателей C_{14} для Сан-Лоренсо составляет от 2230 года до н. э. до 450 года н. э.; причем наиболее поздняя дата взята от скопления углей, найденных под типично ольмекским каменным изваянием — монументом № 21. Такая же картина наблюдается и в Ла Венте, где отрезок времени, охваченный радиоуглеродными датами, составляет от 1400 года до н. э. до 200 года н. э., не говоря уже о том, что результаты анализов нескольких абсолютно одинаковых образцов, разбитых на две части, привели к совершенно различным выводам: согласно одним данным Ла Вента существовала с 800 до 400 годов до н. э., а по другим — с 1000 до 600 годов до н. э.! Как же можно строить на столь шаткой основе далеко идущие выводы?

Возраст обезглавленных статуй, погребенных на пла-то Сан-Лоренсо, тоже вызывает много споров. Во-первых, «все каменные скульптуры, — пишет Майкл Ко, —

найденные Стирлингом, и часть обнаруженных нами были не только намеренно повреждены, но и передвинуты из своих первоначальных мест, что исключает возможность определить их стратиграфическое местонахождение». «Во-вторых, помимо ранней керамики этапа Сан-Лоренсо, в засыпке гигантского кладбища статуй встречаются и обломки более поздней глиняной посуды. Не исключено, что эту землю для «захоронения» своих идолов, жители Сан-Лоренсо взяли из более древних искусственных холмов, расположенных внутри самого города или его ближайших окрестностей. Происхождение подобных холмов изучено археологами достаточно хорошо. Древние земледельцы Мексики жили оседло, в глинобитных непрочных хижинах. Эти недолговечные сооружения часто разрушались. И каждый раз приходилось выравнивать их остатки, создавая платформу-площадку для новых зданий. Вместе с руинами домов в эту платформу попадали черепки битой посуды, орудия, украшения, кости животных и т. д. На некоторых поселениях такие перестройки происходили десятки раз. Напластования древних поселков росли со временем все выше и выше, пока не образовался высокий искусственный холм. И таких безымянных холмов в Мексике тысячи. Известно, что так называемый «культурный слой» — мягкую, черную землю со всякого рода отбросами и хозяйственным мусором, которая образуется на месте длительного и постоянного обитания человека, копать гораздо легче, чем чистый грунт. Это особенно важно, если учесть, что у ольмеков были только деревянные и каменные орудия, а объем земляных работ на плато Сан-Лоренсо был поистине гигантским. Где же брали ольмеки такое фантастическое количество земли? Скорее всего, из более ранних, заброшенных холмов и прилегающей к ним территории. Вместе с землей на «кладбище» были принесены, вероятно, и

содержавшиеся в ней древние предметы — керамика, глиняные фигурки и т. д.

Не кто иной, как сам Майкл Ко объявил когда-то, что поздний этап в истории Сан-Лоренсо, названный им «Палангана» (600—300 годы до н. э.), по своей архитектуре и глиняной посуде — точная копия Ла Венты. Одновременно почти все скульптуры Ла Венты были объявлены двойниками каменных изваяний этапа Сан-Лоренсо (1200—900 годы до н. э.). В итоге получается какая-то странная и непонятная картина: одна часть единой по стилю культуры Ла Венты — скульптура — существовала в 1200—900 годы до н. э., а другая — архитектура — в 600—300 годы до н. э. Больше того, излишняя поспешность некоторых археологов США, которые подогнали прежние даты S_{14} из Ла Венты ко вновь открытым древностям Сан-Лоренсо, сыграла с ними злую шутку. Отнеся Ла Венту к 1000—600 годам до н. э., они тем самым еще более углубили и без того значительный хронологический разрыв с Трес-Сапотес — памятником, имеющим уже то преимущество, что для него известна хотя бы одна твердая временная веха — стела «С» (31 год до н. э.). Мы уже видели, что многие находки из обоих этих центров необычайно близки друг другу. Кроме того, все три названных памятника ольмеков — Ла Вента, Сан-Лоренсо и Трес-Сапотес — имеют абсолютно сходные каменные скульптуры и прежде всего гигантские головы в шлемах!

В таком случае остается думать, что ольмеки ухитрялись изготавливать без малейших изменений совершенно не отличимые друг от друга скульптуры-двойники (хотя бы те же каменные головы) на протяжении многих сотен лет, что совершенно невероятно. Если мы возьмем в качестве сравнения скульптуру майя, известную нам примерно на протяжении 700—800 лет классического периода, то там отчетливо видно, как заметно

меняется даже за два-три столетия и общий скульптурный стиль, и отдельные его детали. Следовательно, новые даты С₁₄ для Ла Венты и Сан-Лоренсо неверны.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИЛИ ВАРВАРСКАЯ ОРДА?

«Есть все основания предполагать, — утверждает Майкл Ко, — что у древних ольмексов существовало прочное государство». Возможно, это и так. Но каков был его характер? Когда, на каком этапе истории Тамоанчана оно появилось?

В целом возражать не приходится: скульптуры, отражающие зрелую пору ольмекского искусства, прославляют силу и могущество правителей, их победы над врагами и тесную связь с богами. Так, на алтаре № 4 из Ла Венты изображен правитель или царь в пышном облачении. Он держит в руках длинную и толстую веревку, которая, словно сеть, опутывает группу полуголых пленников. Правда, на этих величественных изваяниях нет жестоких надписей в духе изречений ассирийского деспота Ашшурбанипала: «Я вырвал языки тех воинов, нахальные уста которых говорили дерзости против... моего бога и которые против меня задумали злое... Остальных людей живьем принес я в жертву. Их изрубленные тела я скормил собакам, свиньям и волкам...»

И тем не менее можно не сомневаться, что владыки страны Тамоанчан тоже не брезговали никакими средствами в борьбе за укрепление своей власти (победоносные войны, политические интриги, выгодные браки и т. д.).

На древней стеле, найденной в Альварато (Верак-

рус) мы видим изображение ольмекского правителя, горделиво возвышающегося над жалкой фигурой обнаженного пленника. Последний простирает к грозному владыке связанные руки, прося, по-видимому, о милосердии. Но все напрасно: победоносный царь даже не смотрит на своего поверженного врага. Участь пленника уже решена: его либо принесут в жертву богам, либо обратят в раба. И таких изображений встречается здесь немало.

Майкл Ко считает, что первые ольмекские династии появились еще в те далекие времена, когда повсюду господствовала раннеархаическая культура — в конце второго тысячелетия до н. э. Но если учитывать время появления основных признаков государственности и цивилизации у ольмексов — письменности и городов, — то это важное событие, на мой взгляд, совершилось не ранее I века до н. э. Правда, Майкл Ко и Альфонсо Касо считают, что могучая империя ольмексов существовала чуть ли не на заре земледельческой эры в Новом Свете; при этом они ссылаются на широкое распространение ольмекских изделий и ольмекоидных влияний по всей Центральной Америке. В ответ на это я мог бы сказать вслед за одним ацтекским мудрецом:

Действительно они все там были
и жили.

Много следов того, что они сделали
и оставили там, мы находим до сих пор.

Но кто и когда попытался доказать точный возраст рельефов в Чалькацинго или странных варварских скульптур Сальвадора и Гватемалы? Их неправдоподобно раннее происхождение было постулировано заранее, без приведения каких-либо серьезных аргументов. Между тем многие специфические детали рельефа № 1 из

Чалькацинго (например, капли падающего дождя) абсолютно совпадают с изображением на лицевой стороне «Стелы «С» из Трес-Сапотес» (31 год до н. э.). И тем не менее многие люди, следуя какой-то непонятной традиции, продолжают приписывать рельефам Чалькацинго невероятно глубокую древность.

На тихоокеанском побережье Гватемалы в Эль-Ситио недавно нашли нефритовый топор. Одна его сторона украшена искусно вырезанной маской главного божества ольмеков — человека-ягуара. Другую сторону покрывают колонки иероглифов со следами полустершейся красной краски. Эти вычурные знаки очень напоминают письма некоторых монументов Каминальху, относящихся к рубежу н. э., а также «Статуэтки из Тустлы» (162 год н. э.). Это уже второй после стелы «С» случай, когда типично ольмекское божество встречается вместе с иероглифическими знаками I века до н. э. — начала н. э. А это означает, что зрелое ольмекское искусство существовало именно в данный отрезок времени. Но многие исследователи предпочитают не замечать подобного «пустяка» и вполне серьезно говорят о разновременности изображения и надписи на одном и том же предмете. Поэтому поневоле приходится продолжить скучный перечень случаев явного несоответствия существующих представлений и реальных фактов.

Несколько лет назад в руки американских археологов попала часть богатой добычи грабителей древних могил из юго-восточной Мексики. Среди остальных вещей особенно выделялось нагрудное украшение в виде большой пластины из зеленого кварцита. В центре его изображен характерный силуэт головы ольмекского человека-ягуара. На оборотной стороне видны колонки иероглифов в количестве двадцати пяти знаков и фигура сидящего человека. Эти письма, хотя и похожи

на майяские, но в целом гораздо ближе древнейшим надписям из Монте-Альбана. Их возраст, по определению специалистов, составляет приблизительно 50—25 лет до н. э.

Таким образом, мы опять видим изображение наиболее почитаемого божества ольмеков на предмете I века до н. э.

Среди руин затерявшегося в лесной чаще майяского города Вашактуна археологи обнаружили изящный каменный храм. Под его главной лестницей, в тайнике, вместе с изделиями мастеров майя лежала ольмекская нефритовая статуэтка, испещренная резными узорами, имитирующими татуировку. Время сооружения тайника устанавливается по стилю архитектуры и керамики. Это первые века н. э. И, следовательно, цивилизации майя и ольмеков в какой-то период сосуществовали: между ними не было большого хронологического разрыва.

Много споров в ученых кругах вызвала находка большой нефритовой статуи из Лас-Лимас, Веракрус. Она изображает сидящего жреца или правителя, который держит на руках тело столь любимого ольмеками божества — ребенка-ягуара. Лоб и щеки главного персонажа украшены сложным резным орнаментом, тоже воспроизводящим, вероятно, татуировку. Статую случайно нашли дети, игравшие в лесу. Но никаких следов пребывания древнего человека на месте находки обнаружено не было. Ни малейшего обломка керамики. Ни уголька или горсти золы от священных костров. Казалось, нефритовый истукан сам вынырнул из глубины земли, да так и остался наверху охранять покой лесной чащи. Кто и когда поставил его здесь? С какой целью? Майкл Ко поспешил зачислить скульптуру из Лас-Лимас в число древнейших ольмекских изваяний. Но мексиканский археолог Медельин Сениль был более осторожен в своих оценках. Он полагал, что нефритовую статую сде-

лали примерно в V веке до н. э. Однако при внимательном изучении орнаментов скульптуры из Лас-Лимас сразу же бросается в глаза их поразительное сходство с узорами ольмекских изваяний из Вашактуна (статуэтка в тайнике, под лестницей храма) и Серро де Лас-Месас (стела № 9). Оба последних предмета, как известно, относятся к первым векам н. э. Скорее всего и нефритовый жрец из Лас-Лимас появился на свет в одной из мастерских Веракруса примерно в то же самое время. Наконец, среди монументальных скульптур знаменитой Ла Венты есть плоский каменный алтарь с изображением головы человека в маске в виде утиного клюва. Совершенно такие же образы «утиноголовых» жрецов или правителей встречаются у ольмексов еще дважды: монумент № 5 в Серро де Лас-Месас и «Статуэтка из Тустлы» (162 год н. э.). Этот список удивительных совпадений и неожиданных открытий можно было бы продолжить и дальше. Но и сказанного уже вполне достаточно для того, чтобы усомниться в достоверности существующей ныне хронологии ольмекских древностей. С другой стороны, эти факты хорошо согласуются с той точкой зрения, согласно которой начало цивилизации в стране ольмексов приходится лишь на I век до н. э.

Итак, все образцы ольмекской иероглифической письменности — важнейший показатель цивилизации — относятся ко времени не ранее I века до н. э. Следовательно, только с этого момента и можно говорить о действительном появлении цивилизации «сыновей ягуара». Тем более что на всех упомянутых предметах с письменами изображены типично ольмекские боги и мотивы искусства. Правда, окончательное решение этого сложнейшего вопроса — дело будущего. Нужны новые раскопки в Веракрусе и Табаско. Нужны новые факты, проливающие свет на происхождение и основ-

ные этапы истории ольмеков. И в немалой мере может в этом помочь успешное решение другой археологической загадки — в какой связи находились по отношению друг к другу майя и ольмеки.

МАЙЯ И ОЛЬМЕКИ

В жизни нередко бывает так, что самые парадоксальные на первый взгляд идеи оказываются ближе к истине, чем любые рассуждения с позиций «здорового смысла». Именно так и случилось со старым спором о приоритете между ольмеками и майя. Речь идет о ставшем уже тривиальным вопросе: кто же первым зажег факел цивилизации в беспросветной ночи окружающего варварства? На протяжении последних десятилетий чаша весов склоняется то в одну, то в другую сторону. Наконец после археологических открытий в Ла Венте и Сан-Лоренсо наступила развязка. Ольмеки явно опередили своих именитых соперников по наиболее важным показателям. Но здесь на свет появилась одна гипотеза, которая круто изменила эту идиллическую картину. По иронии судьбы, создателем ее был человек, посвятивший всю свою жизнь борьбе за решающую роль ольмеков в происхождении остальных цивилизаций Центральной Америки. Имя его нам теперь хорошо известно. Это был все тот же энергичный профессор антропологии из США Майкл Ко. Его идея необычайно проста. В одной из недавно вышедших книг он впервые высказал мысль о том, что майя и ольмеки, по сути дела, — один и тот же народ. Подобным взглядом можно было отказать в чем угодно, но только не в смелости. В который раз Майкл Ко появлялся в ученых кругах с новыми гипотезами, и неизменно они вызыва-

ли самую настоящую сенсацию среди специалистов. На первый взгляд может показаться, что такое сравнение двух совершенно непохожих народов — вещь неправомерная. Более того, и сами-то сравниваемые величины далеко не сопоставимы. Если о майя нам известна уже почти вся их двухтысячелетняя история, а прямые наследники их культурных традиций до сих пор живут в горах и лесах Южной Мексики, Гватемалы и Гондураса, то ольмеки, напротив, во многих отношениях остаются для нас сплошной загадкой. Мы не знаем, на каком языке они говорили, каким именем называли свою дождливую родину. Среди развалин их заброшенных городов не уцелело ни одного обрывка старой летописи или хроники. Влажный и жаркий климат тропиков безжалостно уничтожил все, кроме глины и камня. Правда, некоторый свет на историю ольмеков проливают ацтекские летописцы, пронесшие сквозь долгие века смутные воспоминания о сказочно богатом царстве Тамоанчан на южном побережье Мексиканского залива. Но и здесь до нас дошли лишь жалкие крохи былых знаний. В популярных книгах об индейцах-майя часто упоминается акт чудовищного вандализма, совершенного в XVI веке испанским священником Диего де Ландой на полуострове Юкатан. Он приказал своим солдатам сжечь на гигантском костре богатейшее собрание древних рукописей майя из библиотеки столичного города Мани. Так из-за прихоти фанатичного иезуита буквально за считанные мгновенья исчезли в жадном пламени бесценные сокровища культуры, а многие страницы истории майя навсегда погрузились для нас в непроницаемую тьму. Но, видимо, мало кто знает, что у Диего де Ланды был предшественник, венценосный «мексиканский Герострат», осмелившийся поднять руку на веками собиравшиеся летописи своего народа. В 1427 году император ацтеков Ицкоатль приказал

сжечь все исторические хроники и документы из дворцовых и храмовых хранилищ Теночтитлана, дабы вычеркнуть из памяти народа всякие воспоминания о прежнем образе жизни ацтеков. Скупое и выразительно рассказали впоследствии об этом драматическом событии ацтекские летописцы:

Хранилась их история.
Но она была сожжена тогда,
когда в Мехико правил Ицкоатль.
Было принято решение,
и ацтекские господа сказали:
не подобает, чтобы все люди
знали рисунки.
Те, кто подчинены (народ),
испортятся,
и все на земле станет неправильным,
потому что в них содержится много лжи,
и в них многие почитаются как боги.

Какая богатейшая россыпь знаний о прошлом доколумбовой Мексики, переданных на страницах красочных рукописей и книг устами лучших умов того времени — философов, полководцев, ученых, правителей и жрецов, погибла тогда на центральной площади столицы ацтеков, мы так, вероятно, никогда и не узнаем. История ацтекской империи была переписана заново. О том, каким стало ее основное содержание, красноречиво говорит краткое и выразительное изречение одного придворного хрониста, похожее скорее на лозунг или девиз вокруг рыцарского герба:

Пока сохранится мир,
никогда не померкнет слава и почет
Мехико — Теночтитлана.

Стоит ли после этого удивляться, что ольмеки зани-

мают на страницах ацтекских документов слишком скромное место?

Но у Майкла Ко нашлись для подтверждения своей гипотезы довольно веские аргументы. Исходным пунктом его доказательств послужило само название страны ольмеков — Тамоанчан, сохраненное до наших дней в некоторых документах из Теночтитлана. Как уже отмечалось, слово это чисто майяское по происхождению и означает «Страна дождя и тумана». Обычно ацтеки либо в точности сохраняли местное название того или иного народа, либо пунктуально переводили его на свой язык. В данном случае мы имеем дело с первым вариантом. Но если это так, то отсюда с неизбежностью следует, что ольмеки говорили на одной из разновидностей языка майя!

Наиболее ранние формы ольмекской иероглифической письменности и календаря тоже несколько напоминают майяские. Кое-что добавили к этому и лингвисты. Обширная семья языков майя включает в себя около двадцати семи тесно связанных друг с другом разновидностей, или диалектов. Если их нанести на географическую карту, то все они, за исключением одного, будут сконцентрированы в джунглях Северной Гватемалы и полуострова Юкатан, в горных районах Южной Мексики, Гватемалы и Гондураса. И только один язык — индейцев-хуастека — находится далеко в стороне, на севере побережья Мексиканского залива, в мексиканских штатах Веракрус, Тамаулипас и в Сан-Луис Потоси.

Совершенно очевидно, что хуастека были когда-то тесно связаны с другими племенами майя, а затем в силу неизвестных для нас причин отделились от них. Майкл Ко предлагает три решения этой загадки: во-первых, все другие языки майя находились когда-то на территории современных хуастека, но позднее ушли оттуда, оставив хуастека в одиночестве; во-вторых, предки

хуастека жили там, где сейчас живут остальные майя, а затем переселились на северо-запад; в-третьих, все майяские языки находились когда-то вместе, в промежуточной зоне; хуастека впоследствии передвинулись на свое теперешнее место, а другие группы майя ушли на восток, в равнинные и горные районы современной майяской территории. Первые два варианта представляются американскому ученому маловероятными, и он останавливается на третьем. Теснейшие языковые связи с индейцами-майя можно найти у тотонаков и мише-соке. Первые из них живут близ северной границы исконной ольмекской территории, а вторые — вблизи или в пределах ее. Отсюда следует, что предки майя жили когда-то внутри границ области ольмеков, на южном побережье Мексиканского залива. Последние достижения лингвистики — лексикостатистика, или глоттохронология* — помогают более или менее точно установить время разделения родственных языков. И вот, судя по этим данным, хуастека отделились от других языков майя примерно 3 тысячи лет назад. Испанский хронист Саагун приводит даже старую легенду о весьма анекдотичном поводе этого великого переселения. Оказывается индейцы-хуастека были изгнаны из страны Тамоанчан за то, что их правитель, будучи пьяным, сорвал с себя набедренную повязку и швырнул ее наземь, представ перед своими изумленными подданными в весьма неподобающем виде. «Когда ольмекское государство, — продолжает Майкл Ко, — стало клониться к упадку, сначала в Сан-Лоренсо, а позднее и в Ла Венте, то жители его в массе своей переселились на восток — в лесистые районы Северной Гватемалы и Юкатана и далее, к горным хреб-

* Глоттохронология (греческое «глотно» — «язык», «хронос» — «время», «логос» — «учение») — определение времени разделения родственных языков на основании подсчета слов, сохранившихся из первоначального словаря.

там Чиапаса и Центральной Гватемалы. То, что когда-то было ольмекской цивилизацией, постепенно превратилось в цивилизацию майя».

Но там, где есть три решения, возможно и четвертое. Вполне вероятно, что между ольмеками и майя действительно существовала языковая близость. Но значит ли это, что майя, тем самым — прямые потомки ольмекских переселенцев?

Я полагаю, что в действительности все было иначе. Не исключено, что в весьма отдаленные времена большая группа родственных племен, говоривших на различных диалектах языка майя, занимала обширные пространства Мексики и Центральной Америки: от Тамаулипаса на севере до Сальвадора на юге. В их число входили, вероятно, и ольмеки. В более позднюю пору в каждой из областей этой огромной зоны развились в силу особых причин свои, оригинальные варианты культуры, хотя и близкие, и тесно связанные между собой. Таким образом, на мой взгляд, майя и ольмеки — два родственных народа, развивавшихся более или менее параллельно и создавших свои местные оригинальные цивилизации. Последние открытия археологов на тихоокеанском побережье Гватемалы со всей очевидностью показали, что подобная точка зрения покоится отнюдь не на пустом месте.

ИДолы С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

«Вот начало старинных преданий о тех, кто в этой местности носит имя киче. Здесь мы все напишем. Мы начнем с древних историй, с начала и происхождения всего того, что было совершено... племенами народа киче». Это многообещающее заявление — отрывок из

старинного эпоса майя-киче «Пополь-Вух» — единственный дошедший до нас документ о происхождении одного из народов майя, обосновавшегося впоследствии в горах Гватемалы. Давным-давно, в незапамятные времена, говорится там, в мире не было ничего живого. «Не было ничего, что существовало бы ...была только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое... В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание. Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец, находились в бесконечных водах». А затем боги создали небо и землю, растения, птиц и животных, и, наконец, после нескольких неудачных попыток, — первых людей, родоначальников народа киче. «Только тесто из кукурузной муки, — гласит «Пополь-Вух», — пошло на плоть наших первых отцов, четырех людей, которые были созданы». Сами того не подозревая, создатели этого древнего эпоса сказали об истоках цивилизации майя неизмеримо больше, чем груды псевдонаучных фолиантов не столь уж далеких от нас времен. Сейчас для многих ученых все очевиднее становится тот факт, что наиболее выдающиеся цивилизации Нового Света обязаны своим рождением успехам земледелия, и прежде всего земледелия, основанного на выращивании кукурузы.

Первые шаги раннеземледельческих культур на территории майя — так называемый раннеархаический этап (1500—900 годы до н. э.) — обнаружены археологами уже, по крайней мере, в трех местах; причем два из них находятся на тихоокеанском побережье Гватемалы. В конце 50-х — начале 60-х годов Майкл Ко самым тщательным образом раскопал здесь древние поселения земледельцев в Ла Виктории и Салинас Ла Бланка, ранние этапы которых относятся как раз к 1500—900 годам до н. э. Точно такую же картину наблюдали

ученые и в ходе раскопок древнейших напластований Чиапа де Корсо, в мексиканском штате Чиapas. Эти первые, непрочные еще порождения оседлого образа жизни, пройдя долгий тернистый путь через несколько последовательных ступеней развития, приводят в конце концов к появлению блестящей цивилизации майя классического периода.

К концу первого тысячелетия до н. э. и на плодородных равнинах тихоокеанского побережья, и в суровых горах Мексики и Гватемалы существовали необычайно сложные и высокоразвитые индейские общества, которые, видимо, уже успели перейти тот роковой рубеж, который отделяет порядки первобытно-общинного строя от жестких рамок деспотического государства. В самом центре горной Гватемалы достигает невиданного расцвета огромный город Каминальхуу, с его бесчисленными пышными храмами, высокими пирамидами и рядами внушительных алтарей и стел из камня, сплошь испещренных затейливой резьбой. На этих стелах высечены письма и сложные календарные расчеты майяских жрецов. Есть все основания предполагать, что именно эти признаки незаурядного таланта и обширных научных познаний местных мудрецов, оказали решающее влияние на происхождение цивилизации «Древнего царства» майя, главные центры которого находились далеко на севере, в тропических лесах Юкатана и Петена.

В то же самое время на плодородной равнине тихоокеанского побережья Гватемалы возникло необычайно сложное и вычурное искусство, названное по месту первой находки «стилем Исапа». Его бесчисленные, перегруженные символикой изваяния из камня напоминают одновременно и Ла Венту и Трес-Сапотес. Змея, обезьяна и небесная птица, боги в масках и причудливые завитки орнамента одинаково часто встречаются здесь, воплощенные в камне искусным резцом безымянного

мастера майя. Но ведь именно эти мотивы долгое время считались привилегией чисто ольмекского искусства.

«Ольмеки, — пишет известный американский специалист по культуре древних майя, доктор Татьяна Проскуракова, — были скорее воспринимающей, нежели изобретающей стороной по отношению к этим общим чертам искусства».

И для такого вывода есть все основания. Стелы и алтари с календарными датами «Длинного счета» майя и первыми иероглифическими надписями появились почти одновременно в Трес-Сапотес, на тихоокеанском побережье Гватемалы, в Чиапасе (Чиапа де Корсо) и в Каминальхую. Из четырех названных районов по меньшей мере в трех, бесспорно, жили тогда непосредственные предки майя.

Вся плодородная равнина между горными хребтами Гватемалы и Тихим океаном покрыта полуоплывшими земляными холмами. По-английски их называют «маунд», по-испански «колина» или «монтикуло». В большинстве случаев под ними скрыты остатки древнейших городов и селений. Они служат как бы могильными холмами огромного кладбища индейской культуры, растянувшегося на сотни миль вдоль лазурных вод океана. Что скрывается под ними? Какие сокровища древних цивилизаций? Долгое время об этом можно было только гадать. Тихоокеанское побережье и сейчас одно из крупнейших белых пятен на археологической карте Центральной Америки.

Наиболее одаренные археологи западного полушария, словно сговорившись, стыдливо избегали до поры до времени этих пустынных, забытых богом земель. Но неизвестность всегда богата сюрпризами. И вот в 1965 году американка Сьюзен Майлз пробила наконец этот «заговор молчания», объявив об открытии близ Монте-Альто каких-то огромных и неизвестных доселе скульп-

тур. Они были высечены на больших округлых валунах и изображали толстых «карликов» или детей с пухлыми щеками, брезгливо поджатыми тонкими губами, широким, приплюснутым носом и закрытыми, словно во сне, глазами. Их руки согнуты в локтях почти под прямым углом, а ноги неестественно скорчены, упираясь ступнями друг в друга. Рядом рабочие выкопали из-под земли еще одно каменное «чудище» — гигантскую голову в несколько тонн весом. Глаза этого каменного исполина тоже были плотно закрыты, имитируя глубокий сон или смерть. Правда, некоторые ученые по старой привычке поспешили приписать скульптуры из Монте-Альто ольмекам. «Разве не жители Тамоанчана первыми стали высекать из базальта этих каменных исполинов?» — торжествуя вопрошали они своих оппонентов. Но на этот раз их доводы были явно несостоятельны. Общий стиль гватемальских изваяний не имел никакого сходства с творениями ольмекских мастеров. К тому же первые были гораздо проще и грубее по виду, чем хорошо известные каменные шедевры Ла Венты, Сан-Лоренсо или Трес-Сапотес.

Ровно через два года другой известный ученый — швейцарец Рафаэль Жирар — с помощью местных крестьян нашел на тихоокеанском побережье Гватемалы еще целый ряд скульптур, поразительно похожих на только что описанные. В Эль-Трансито ему повстречалась вторая гигантская голова с закрытыми глазами. А в Ла Гомера заступы рабочих неожиданно наткнулись в земле на изваяние толстого ребенка с короткими, странно подогнутыми ручками и ножками. Его глаза также были закрыты. Тогда Жирар заложил вокруг найденных скульптур глубокие шурфы, с тем чтобы «привязать» своих «младенцев» к остаткам некогда процветавшей здесь древней культуры. Но, увы, добыча его оказалась на удивление бедна: всего несколько

жалких обломков глиняной посуды. Каменные истуканы умели хранить свою тайну. Правда, особой точности в хронологических выкладках здесь и не требовалось. Было ясно, что вновь найденные статуи имеют весьма почтенный возраст. И поскольку в хорошо известных находках «стиля Исапы» или Каминальхуйю конца первого тысячелетия до н. э. такие изваяния никогда не встречались, то они, видимо, относились к еще более ранней эпохе.

Многие авторитетные ученые приписали гватемальским скульптурам доольмекское происхождение и на этом основании объявили культуру местных индейцев «культурой-родоначальницей» всех других цивилизаций Центральной Америки. Но если даже это и не так, то идолы с тихоокеанского побережья все равно по меньшей мере относятся к одному времени с древнейшими каменными статуями с территории ольмеков.

Если мы заглянем в глубины истории Веракруса и Табаско, то нетрудно убедиться, что и сами ольмеки, начиная с конца второго тысячелетия до н. э., прошли примерно такой же путь развития, как и майя.

Мало чем уступали ольмекам по своему развитию и другие народы Центральной Америки: сапотеки, обосновавшиеся в горах штата Оахака и предки нахуа из Центральной Мексики (культура Теотихуакана). Видимо, все они пришли к порогу цивилизации более или менее одновременно — в конце первого тысячелетия до н. э. — начале н. э. И в таком случае места для одной особой культуры-родоначальницы, давшей жизнь всем остальным высоким культурам, уже не остается. И в самом деле, в I веке до н. э., то есть когда на территории Центральной Америки впервые появляются осязаемые следы цивилизации в виде письменности и календаря, майя возвели на отвоеванных у джунглей площадях свои первые города с каменными дворцами и храмами, кра-

сочными фресками и пышными гробницами царей. Нахуа построили в долине Мехико гигантские пирамиды Теотихуакана, превосходящие по размерам египетские. Сапотеки Монте-Альбаны создали наиболее ранние во всем западном полушарии формы иероглифической письменности и календаря. Таким образом, первоначальных очагов цивилизации было в Мексике несколько, и все они поддерживали между собой какие-то определенные связи, взаимно обогащая и развивая свою оригинальную культуру.

ОТКРЫТИЯ, КОТОРЫХ ЕЩЕ НЕ БЫЛО

Ольмекская археология насчитывает сейчас чуть больше ста лет от роду. В 1867 году Хосе Мельгар, выпустив в свет первое печатное сообщение о гигантской голове «эфиопа» из Трес-Сапотес, положил тем самым начало подлинному изучению забытой индейской культуры, затерявшейся в лесах Веракруса и Табаско. Однако широкие научные раскопки ольмекских древностей стали реальностью только в конце 30-х годов, когда Мэтью Стирлинг и его коллеги заложили первые метры шурфов и траншей на зеленых склонах холмов Ла Венты и Трес-Сапотес. Таким образом, археологические исследования на территории страны Тамоанчан ведутся еще ничтожно малый срок — всего каких-нибудь тридцать — тридцать пять лет. Стоит ли поэтому удивляться, что многие проблемы вековой ольмекской загадки не могут быть решены и по сей день? За прошедшие тридцать лет археологи Мексики и США с пунктуальной точностью нанесли на топографическую карту целую страну, открытую от внешнего мира почти непроходимым барье-

ром джунглей и болот. Были открыты и осмотрены десятки заброшенных ольмекских городов и селений, но, правда, лишь четыре из них подверглись основательным раскопкам: Трес-Сапотес, Ла Вента, Сьерро де Лас-Месас и Сан-Лоренсо. Несмотря на то, что многое в культуре ольмеков остается нам неизвестным, археологи добились немалых успехов в изучении основных этапов ее развития. Специфические стили искусства и архитектуры были «привязаны» к определенным географическим пунктам и хронологическим периодам. Ученые восстановили многие черты повседневной жизни ольмеков и характер той эпохи в целом. Мы хорошо знаем теперь даже внешний облик древних жителей страны Тамоанчан, навсегда запечатленный безмянными художниками в лицах каменных статуй. Однако вскоре все убедились, что добытые с таким трудом сведения о прошлом погибшей цивилизации отнюдь не уменьшают числа нерешенных проблем. Цивилизация ольмеков была наиболее трудной загадкой из тех, с которыми археологи сталкивались до сих пор. Откуда пришли ольмеки в Веракрус и Табаско? Были ли они исконными обитателями этих мест? Что привело к гибели их блестящую культуру, бесследно исчезнувшую с исторической арены за восемь веков до того, как «великий генуэзец» увидел туманные берега Нового Света? И «кто есть кто?» среди ольмеков и майя?

Таким образом, проблема происхождения и гибели загадочного индейского народа, населявшего в свое время обширные пространства Южной Мексики, и поныне остается главной проблемой для всех исследователей, занимающихся доколумбовой историей Нового Света. Смелых гипотез здесь хоть отбавляй. Но всякое подлинно научное исследование основано на упорном и кропотливом труде. Работа ученого тоже невозможна без мечты, без полета фантазии, но главное в ней проч-

ный фундамент реальных фактов и доказательств. И нужно сказать, что поиски таких реальных фактов ведутся сейчас, как никогда, настойчиво и целеустремленно.

Во вновь открытом центре ольмекской культуры — Пьедра Парада — вот уже несколько лет работает большая экспедиция мексиканских археологов из Национального института антропологии и истории. Неудомимый Майкл Ко собирается в будущем году вновь попытаться счастья среди руин ольмекских городов. На этот раз его внимание привлек крупнейший из известных ныне памятников ольмеков — Лагуна де Лос-Серрос в Веракрусе. Там уже незадолго до этого — прямо на поверхности были найдены десятки изумительных каменных изваяний.

Маститый мексиканский ученый Медельин Сениль из университетского музея города Халапы, столицы штата Веракрус, продолжает свою необычайно важную работу по сбору информации о каждой ольмекской скульптуре, обнаруженной на этой территории. Именно в ходе таких изысканий он наткнулся на совершенно до того неизвестный город ольмеков — Син Кабесас («Безголовые»). Это название родилось из-за обилия поврежденных и обезглавленных статуй, выглядывавших буквально на каждом шагу из-под ядовито-зеленой листвы джунглей. Планируется дальнейшее изучение Ла Венты, вызвавшей среди ученых столько горячих споров и волнений. Большое внимание уделено и раскопкам небольших земледельческих поселений страны Тамоанчан.

Одновременно не прекращаются и настойчивые поиски по переосмыслению уже добытых археологами фактов. Здесь находится поистине непочатый край для самой серьезной работы. Многие прежние выводы и предположения давно устарели. Другие, даже сравнительно недавно появившиеся на свет взгляды, носят более чем

спорный характер. Есть наряду с этим и вполне очевидные вещи.

Какое широкое поле для плодотворных дискуссий! Какая удивительная возможность для творческого приложения сил ученых самых разных специальностей! Лингвисты могут путем тщательного анализа уцелевших ольмекских надписей решить наконец вопрос о соотношении иероглифических систем письма, созданных ольмеками и майя.

Искусствоведы имеют здесь хороший шанс сопоставить знаменитую каменную скульптуру страны Тамоанчан с другими художественными стилями доколумбовой Мексики и, выделив таким образом общее и особенное, определить степень влияния ольмеков на соседние народы и наоборот. Этнографы, опираясь на богатейшие источники о религии, быте и культуре современных мексиканских индейцев, в состоянии объяснить многие темные моменты ольмекской истории, известные нам пока лишь по немым археологическим находкам. Не следует сбрасывать со счета и возможность определенного влияния на ольмеков со стороны какого-нибудь еще не известного нам очага культуры, расположенного в пределах Мексики и Центральной Америки. Но больше всего для решения загадки ольмеков могут и должны сделать сами археологи. Не знаю, насколько это было убедительно, но в заключительной главе я попытался показать, что существующие ныне хронологические схемы развития ольмекской культуры (даже, когда они созданы таким талантливым ученым, как профессор Майкл Ко) еще никак не могут нас удовлетворить. Недавно полученные радиоуглеродные даты для Ла Венты и Сан-Лоренсо крайне ненадежны уже хотя бы в силу несовершенства самого этого метода. «Не говоря уже о том, что допускаемая ошибка в 50—100 и больше лет слишком велика, — пишет советский археолог

А. Л. Монгайт, — некоторые анализы, вследствие разных причин, мешающих точному измерению, иногда из-за загрязнения проб современным углеродом, дают даты, находящиеся в очевидном противоречии с историей». Археологии должны помочь сами археологи с помощью своих надежных и проверенных временем методов — типологии и стратиграфии. Необходимо тщательно изучить по тысячам фрагментов ольмекской керамики ее разнообразные узоры и формы, и тогда доселе безмолвные обломки древней посуды превратятся в полноценный исторический документ. Как воздух нужны и новые стратиграфические раскопки, с тем чтобы проверить и уточнить глубину залегания наиболее характерных типов ольмекской керамики, орудий труда, статуэток и, что особенно важно, каменных изваяний.

Загадки, проблемы, нерешенные вопросы — они встречаются в стране ольмеков буквально на каждом шагу. Даже драматический закат этой блестящей культуры во многом остается для нас неизвестным. Последние сведения об ольмеках — строителях Ла Венты и Сан-Лоренсо встречаются в виде надписей на стенах древнего города Серро де Лас-Месас в VI веке. Стали ли тамоанчанцы жертвами внутренних потрясений и социальных бурь или же их, как впоследствии это случилось и с майя, смела с лица земли волна завоевателей-чужеземцев, мы пока точно не знаем. Во всяком случае, после VI века н. э. никаких надежных археологических свидетельств о существовании ольмекских городов и селений уже не встречается.

Иной неискушенный читатель, видя такое обилие вопросительных знаков, может с полным правом спросить: а стоило ли вообще писать популярную книгу по проблеме, о которой нет даже видимости согласия среди самих археологов-специалистов?

Дело в том, что в настоящее время «ольмекская про-

блема» самая жгучая и сложная проблема американской археологии. От того или иного ее решения во многом зависит и общий взгляд на всю тысячелетнюю историю цивилизации доколумбовой Америки. И если читатель имеет сейчас возможность взвесить все «за» и «против» изложенных выше точек зрения и в зависимости от их убедительности вполне осмысленно встать на ту или иную сторону в великом споре умов, то это совсем не лишняя вещь при решении запутанных загадок древности. Немаловажно и то, что подобные знания позволяют даже неподготовленному человеку критически оценить широко бытующие, к сожалению, в популярной литературе скоропалительные и однозначные выводы по поводу цивилизаторской миссии ольмеков на Американском континенте. Так, журналист А. М. Кондратов в своей книге «Погибшие цивилизации» утверждает, что «ольмекам обязана цивилизация Центральной Америки точным календарем, иероглифической письменностью, основными принципами архитектуры и монументальной скульптуры, зачатками астрономии и математики». Здесь каждое слово по меньшей мере спорно. И, на мой взгляд, будет гораздо лучше, если хотя бы по наиболее сложным проблемам древней истории популяризаторы науки воздержатся от слишком прямолинейных утверждений. Задача популярных книг не только говорить прописные истины, но и заставить читателя думать над аргументами спорящих сторон.

В январе 1969 года профессор Майкл Ко прислал мне свою еще пахнущую свежей типографской краской книгу «Первая цивилизация Америки». Стоит ли говорить, с каким нетерпением перелистывал я ее страницы, буквально впитывая в себя захватывающий рассказ очевидца и прямого участника многих событий, связанных с успехами ольмекской археологии. «Мы в огромном долгу у таких народов, как ольмеки, — пишет в

конце своей книги Майкл Ко. — Многие современные страны, и прежде всего Мексика, выросли на богатом наследии доиспанской культуры, берущей свои истоки от ольмекской цивилизации подобно тому, как мы, североамериканцы, являемся наследниками европейско-средиземноморской культуры, уходящей своими корнями к шумерам, египтянам, грекам и этрускам... И первая цивилизация Америки, часть этого общего древнего наследия, подает нам — далеким потомкам — через бездну столетий свой голос в виде нетленных творений человеческого гения и культурных достижений той эпохи».

Полные сил и энергии, во всеоружии современной техники и знаний отряды археологов из разных стран яростно штурмуют сейчас неприступные бастионы старой ольмекской загадки. Рано или поздно, но они вырвут у молчаливых джунглей их нераскрытую тайну, и ольмекская цивилизация во всем своем блеске предстанет перед изумленным взором человека сегодняшнего дня.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поездки в Мексику все больше убеждают меня в том, что традиционная мексиканская экзотика стала уходить на второй план... И все больший интерес проявляется к загадочному и таинственному прошлому этой страны.

Прилетевшего в Мексику иностранца теперь ведут не на бой быков или на площадь Гарибальди, где собираются марьячис, а в Музей антропологии или на площадь Трех культур.

Огромное здание Музея антропологии расположено в тенистом парке Чапультепек. Перед входом стоит гигантский, вытесанный из камня бог дождя Тлалок. Ему поклонялись древние жители Мексики. Бога нашли где-то далеко от столицы в горах и везли его оттуда на специальной платформе.

В больших, хорошо освещенных залах музея с поразительным художественным вкусом расставлены древние орудия труда индейцев, предметы быта, вывешены картины, рассказывающие о прошлом, сделаны макеты древних поселений.

Много удивительного можно узнать, бродя по залам музея в Чапультепек. У древних индейцев Мексики была высоко развита хирургия. В большом почете у них были спортивные игры, и одна из них, тлачтли, очень напоминала современный баскетбол. На заре развития человечества у индейцев были свои обсерватории и свой солнечный календарь, отличавшийся большей точностью, чем европейский. В цифровой системе индейцев раньше, чем в Европе, Индии и арабском мире, появилось понятие нуля.

Долго я бродил по удивительным залам Музея антропологии. Было жаль покидать этот удивительный уголок прошлого Мексики. Но всякое свидание когда-то кончается. Я пошел к выходу — и тут вдруг обратил внимание на огромную белую стену, на которой золотом высечены такие слова: «Веру в будущее народы найдут в величии своего прошлого. Пусть проходят цивилизации, но люди всегда будут помнить тех, кто жил прежде и кто создал мир, в котором мы живем».

Мне представляются очень мудрыми эти слова и не менее мудрым решение мексиканцев создать в своей столице площадь Трех культур. Эта площадь находится почти в самом центре города. Здесь были снесены дома колониального периода, снят верхний

слой земли и обнажены остатки древних пирамид ацтекской столицы Теночтитлан.

Новая площадь Трех культур — символ величия прошлого индейской столицы. Перед людьми открылись древние пирамиды Теночтитлана. Неподалеку от них стоит испанский храм Сантьяго Тлателолко — темные стены, бойницы вместо окон. Именно такими и были века испанского владычества. Но теперь вокруг площади поднялись многоэтажные дома. На их фоне испанский храм кажется маленьким и ничтожным.

Не только в столице открыты для обозрения памятники прошлого. В разных уголках страны с каждым годом все больше и больше открывается памятников старины. Это пирамиды, это прекрасные дворцы, это скульптуры. Несколько веков они пролежали в джунглях под толстым слоем земли. Мексиканские археологи снимают вековой покров земли, и перед нами во всей красоте предстают творения рук древних индейцев.

Когда осматриваешь древние города мексиканских индейцев, то в тебе борются разные чувства. Сомнения перемежаются с восторгом, восторг с удивлением. Удивительно не только то, что индейцы могли строить такие огромные пирамиды, такие прочные дворцы. Удивляет та архитектурная точность, с которой они это делали, ощущение линий, неповторимое мастерство скульпторов того времени. Сотни лет в земле пролежала искусно вырубленная из монолита голова индейца ольмека. Голова эта весит несколько десятков тонн. Ее вырубили из монолита высотой 4 метра и шириной 3. Трудно даже представить, как могли индейцы передвинуть такой кусок скалы и обработать его. А с какой филигранной точностью сделан этот скульптурный портрет! В нем видно все: и настороженное выражение глаз индейца, и чуть нахмуренный лоб, и немного приплюснутый нос, и резко очерченный чувственный рот. Сколько потребовалось труда, чтобы вырубить из огромной глыбы такой удивительный по художественному воздействию скульптурный портрет индейца ольмека!

Должно быть, тогда жили великие люди.

Часто на широких автострадах Мексики, по которым так лихо проносятся автомобили, увидишь индейцев. Идут они по обочине один за другим — гуськом. На индейцах широкие рубахи навыпуск, короткие штаны. Тяжелая ноша за плечами. У женщин за спиной в плетеных мешках дети.

Идут индейцы молча, не глядя по сторонам. У них свой мир, непохожий на тот, в котором живут мексиканцы, проносящиеся на автомобилях по асфальту.

Но именно предки этих индейцев были хозяевами мексиканской земли. Это они десять, пятнадцать и даже двадцать веков назад

создали поразительную по своему уровню цивилизацию, построили неповторимые по своей красоте и архитектурному вкусу города Чичен-Ицу, Паленке и Теночтитлан. Мы можем сейчас только гадать о том, как развивалась бы древняя цивилизация индейцев в Мексике, если бы на берег этой земли не высадились испанские завоеватели. Именно с этого дня началась печальная история мексиканских индейцев. Огнем и мечом испанцы уничтожали великие достижения народа, живущего на этой земле. Они хотели уничтожить все, что было до них на этой земле. Они хотели, чтобы жизнь здесь началась с нуля по тем законам и правилам, которые господствовали в Европе. Вот почему сжигались драгоценные рукописи майя. Вот почему великий город ацтеков Теночтитлан был дотла уничтожен испанскими завоевателями. На этом месте они воздвигли свои католические храмы, свои дворцы, которые были похожи на дворцы в Мадриде и Валенсии.

С тех пор вот уже четыре с лишним века происходит падение жизненного уровня индейцев, их духовное и физическое порабощение. Поначалу индейцев теснили испанские завоеватели. Они захватывали лучшие земли, прибрежные леса, они оттесняли индейцев от богатых месторождений золота, серебра, платины. Впоследствии, когда начался промышленный прогресс Мексики, снова страдали индейцы. Строительство новых городов, фабрик, расширение латифундий — все это шло за счет того, что индейцев оттесняли с хороших земель. Конечно, многие индейцы становились батраками в помещичьих хозяйствах. Но города, фабрики, латифундии не могли принять всех индейцев, и они уходили в глубь страны искать новые земли и основывать новые поселения. Так и сохранились до наших дней индейские деревни, в которых свои законы, свой, индейский образ жизни и свой древний индейский язык.

По официальным данным, в Мексике насчитывается более трех миллионов таких индейцев. Этнографы считают эту цифру явно заниженной.

Слово «индеец» в Мексике произносят с любовью и грустью. Ведь у большинства мексиканцев течет индейская кровь. Они полны доброжелательства к своим «нецивилизованным» собратьям. В столице есть Национальный индейский институт, который иногда направляет к индейцам учителей и врачей. Но чтобы кардинально решить индейскую проблему, нужны огромные средства и плодородные земли. А денег на это у правительства нет, и плодородные земли уже давно все заняты.

Так и живут миллионы индейцев в «своих уголках», подальше от главных дорог, по соседству с непроходимыми болотами, пустынями и скалистыми горами.

Много раз я посещал индейские деревни в Мексике. Но осо-

бенно памятно мне одно путешествие: к индейцам масатекос.

На юге Мексики, там, где властвуют над землей тропические леса, сейчас можно встретить поселения индейцев масатекос.

Кажется даже странным, что в наш XX век сохранились еще на земле такие селения.

...Около маленького провинциального магазина проселочная дорога кончилась, и я вылез из грузовика-вездехода. За магазином плотной стеной стоял тропический лес.

— Хосе! — крикнул шофер и два раза нажал на сигнал.

На пороге магазина появился хозяин, невысокий толстый человек в шляпе, похожей на ковбойскую.

— Этому человеку нужны лошади и проводники. Он поедет к масатекос.

Хосе пригласил меня в магазин. После яркого солнечного света в магазине показалось темно. Чего только не было в этой лавке: веревки, подковы, сушеное мясо, бананы, топоры и лопаты... Рядом с прилавком стоял стол.

— У нас тут, конечно, не ресторан, — сказал Хосе и, сняв шляпу, несколько раз махнул над столом, отчего мухи, сильно жужжа, взвивались к потолку. — Садитесь!

Хосе поставил передо мной бутылку кока-колы и ушел.

Вскоре послышались ржание лошадей, непонятный гортанный говор. Два индейца с большим мачете на поясе и винтовками за спиной держали под уздцы лошадей.

Хосе сговорился с ними о цене, и мы тронулись в путь.

Лошади тянулись одна за другой по узкой лесной тропинке. Джунгли подступали с обеих сторон и, казалось, хотели остановить нас.

На небольшой поляне мы остановились и слезли с лошадей. Чтобы размяться, я сделал несколько шагов в сторону леса.

Проводник закричал:

— Стойте!

Я оглянулся вокруг, но ничего опасного не заметил. Проводник схватил меня за руку и подвел к лошади. Потом стал что-то торопливо счищать с моих брюк. Но на брюках я ничего не увидел.

Оказалось, он счищал пинолильос. Эти насекомые невидимы для глаза. Они как пыльца — живут на листьях, на траве. Они проникают в поры кожи, и тогда появляется нестерпимый зуд. Это я испытал на себе, несмотря на то, что проводник так старательно счищал пинолильос с моих брюк. Страдая от нестерпимого зуда, я всю остальную часть пути думал о том, сколько всевозможных ужасов поджидают человека в этом лесу. Наши слова «заблудился в лесу» совсем не подходят к джунглям. Там можно пропасть.

Пропасть можно, даже когда знаешь дорогу. Хорошо, что сейчас впереди и сзади вооруженные проводники.

Деревня индейцев масатекос предстала перед нами как-то неожиданно. Вдруг джунгли расступились, и я увидел большую, залитую солнцем поляну, на которой в беспорядке расставлены маленькие хижины, сделанные из тонких палок, похожих на бамбук, и покрытые листьями пальм.

Мое появление в деревне вызвало всеобщее оживление. Женщины в длинных самотканых платьях с красными полосами на груди, почти обнаженные мужчины, голые ребятишки наперегонки сбегались на дорогу и недоверчиво, с любопытством осматривали меня, особенно мои сумки и фотоаппараты. Проводники о чем-то говорили собравшимся, но шум не уменьшался.

Может быть, шум и не утих бы, если бы не появился Маурилио, представитель Национального индейского института, с которым мы познакомимся в столице. Он увел меня в свою хижину.

В хижине дымил небольшой костер, бросая блики на стены и на лица людей. Мы сели вокруг костра. Принесли большую корзину с душистыми плодами манго. Обдирая золотистую кожу плодов, мы вели неторопливый разговор.

— Масатекос, — говорил Маурилио, — относятся к мирным племенам. Они занимаются сельским хозяйством. В этом поселке живет только часть племени. Сто двадцать шесть семей. Власть у них держит совет старейшин и шаман, которого называют «брухо».

Я посмотрел в небольшое окно, в котором не было стекла. Джунгли засыпали. Смолкли крики обезьян. Правда, какие-то звуки еще неслись из леса. Кто-то будто стонал, кто-то тревожно вскрикивал. Какие-то светлячки, очень яркие и подвижные, то бегали по земле, то прыгали, а иногда и летали.

На черном бархатном небе ярче проступали звезды.

Земля отдыхала от зноя. Воздух еще больше наполнился ароматом. Листья, трава, цветы распустили свои лепестки, чтобы вдохнуть ночную прохладу и набрать живительную влагу для следующего знойного дня.

В темноте, которая так близко подступала к глазам, показались огни фонарей и послышались голоса масатекос. Они пошли охотиться на ягуаров и тапиров. Сколько опасностей ждет их в этом грозном ночном лесу! Я опять вспомнил пинолильос, которые изредка давали о себе знать. Но, возможно, эти самые пинолильос и не кусают индейцев. Или, может быть, индейцы привыкли к их укусам.

А беседа у очага продолжалась. Она кончилась лишь за полночь.

Я не мог уснуть. Может, непривычной была кровать с полом, а может, не спалось потому, что до слуха доносились голоса индейцев.

— Маурилио! — позвал я.

Маурилио откликнулся не сразу. Очевидно, я нарушил его раздумья. Маурилио называют «счастливым индейцем», он учился в школе и теперь живет в городе.

— О чем говорят твои односельчане? — спросил я.

— Они хотят завтра собрать деньги и дать их мне, чтобы я купил в городе две винтовки. На днях ягуар опять утащил ребенка.

Некоторое время было тихо. Но потом послышался старческий голос.

— Старик говорит, — перевел мне Маурилио, — что ягуары едят людей потому, что люди сами в этом виноваты.

Заявление старика было встречено с недоверием. Когда шум немного улегся, старик откашлялся и начал рассказ:

— Жил когда-то человек, и любил он гулять по округе с палкой в руках. (Маурилио переводил мне слова старика, сохраняя даже интонации индейской речи.) И вот однажды повстречались тому человеку на пути ягуары. Они зарычали, будто хотели сказать: «Зачем ты, человек, пришел сюда?» Но человек не испугался. Он знал, что ягуары не едят людей. «Что вы рычите? — спросил человек. — Садитесь рядом. Расскажу я вам сказку. И, если понравится, я буду приходить к вам каждый день».

Может, ягуары не понимали, о чем говорит человек, но они послушно сели. Человек не торопясь стал рассказывать. «Однажды шел бедняк по дороге и нашел колечко. Колечко было волшебное: скажи ему, что ты хочешь, и тут же твое желание исполнится. И стал тот бедняк королем... А что случилось с колечком, я завтра расскажу», — пообещал человек и ушел.

Ягуары долго сидели на том месте, что-то рычали друг другу, потом ушли. Но на следующий день в тот же самый час они собрались около камня. Пришел и человек. Он сел на камень и продолжил рассказ: «Король подарил то колечко королеве. И она носила его. Но вот приехал один заморский шарлатан-доктор, усыпил королеву, снял с нее драгоценное колечко и уплыл далеко за океан...»

И опять ушел человек. На следующий день снова собрались ягуары, и он снова пришел. И так повелось каждый день. После полудня, когда немножко спадала жара, ягуары собирались около камня. Обязательно являлся человек и продолжал свой рассказ.

Но однажды человек не пришел. Слишком много накопилось у него дел по хозяйству. А ягуары сидели и ждали. И так как человек не пришел, они решили навестить его ночью. Они взобрались

на хижину, стучали по крыше лапами, но человек делал вид, что не слышит их. Наутро человек притаился к дому много камней и сделал из них высокий забор.

Ягуары снова пришли ночью и, увидев забор, поняли, что человек больше не хочет встречаться с ними... «Значит, он нарушил обещание, — решили они. — Он не хочет больше рассказывать нам сказки». Ягуары разломали крышу дома и съели человека. С тех пор они мстят людям.

— Нечестный был тот человек, — задумчиво произнес кто-то из слушателей. — Пообещал — выполняй!

— А ты думаешь, все звери и птицы честные? — послышался звонкий задористый голос. — Как бы не так! Вот, например, курица. На вид невзрачная скотинка, а ведь она просто обманщица. Говорят, тысячу лет назад на земле был такой голод, что звери и птицы умирали. И однажды курица — она тогда была дикой птицей — прилетела из тропического леса в деревню и увидела на пороге дома женщину с кукурузным початком в руках. Курица жадно глядела, как женщина выковыривает из початка золотые зерна и бросает их себе в рот. Может быть, потому, что курица была очень голодна, она вдруг подошла к женщине и заговорила человеческим голосом. «Дай мне хоть несколько зерен», — попросила курица. Женщина удивилась. Впервые она слышала голос курицы. Но зерен у нее было мало, и она не хотела отдать их. «Кшш!» — крикнула женщина. Курица не улетела. «Лучше ты мне дай поест, — еще громче сказала курица, — или я придумаю тебе такое наказание, какого ты не ожидаешь». Женщина испугалась и дала несколько зерен курице. Курица проглотила зерна и осталась жить около дома. А женщина, боясь наказания, обещанного курицей, накормила ее и на следующий день, а потом привыкла кормить курицу всегда.

Индейцы негромко посмеялись. Посмеялся вместе с ними и Маурилио. Я тоже улыбнулся, представив безобидную курицу в роли обманщицы.

На том и кончились индейские посиделки. Мягко ступая босыми ногами, индейцы направились по тропинкам к своим хижинам. В лесу смолкли цикады. Вскоре заснул Маурилио. А я лежал с открытыми глазами. Была какая-то удивительная, отрешенная тишина, которую я ощущал впервые в жизни. Тихо было не только здесь, но и за сотни километров вокруг. Это был океан тишины.

И мне подумалось о том, как же должен чувствовать себя индеец в грохоте больших городов, шумных железных дорог и автомобильных трасс. Так велика разница между этим миром и тем, откуда прибыл я! И сон в этой тропической ночи в джунглях был иным, не похожим на тысячи снов, виденных мною до этого.

Новый день в деревне начинается рано. Звонкий лай собак и крики петухов, плач детей и странный говор хозяек перемежаются с криками обезьян в лесу, которые тоже очень рано начинают свой трудовой день.

Я выглянул из хижины и увидел на площадке ребятишек, голых, чумазых, с круглыми и удивительно подвижными глазами. Некоторые из них что-то грызли — наверно, ствол сахарного тростника. Здесь же стояли и взрослые и с любопытством ждали, когда же появится иностранец.

Вместе с Маурилио я вышел из хижины. Поздоровался со всеми по-испански, но, видимо, я мог сделать это и по-русски, потому что мало кто из этих людей знал испанский. Да индейцам, очевидно, не так уж и важно было поговорить со мной. Важно идти рядом, рассматривая мое лицо, одежду, фотоаппарат, часы.

Так я и шел по улице в шуме гортанных споров и разговоров. И, наверно, со стороны был похож на пленника этого индейского племени.

Отсюда, с улицы, хорошо были видны небольшие квадраты курузных полей, окруженные плотной стеной джунглей. Трудно в этих краях отвоевывать землю у леса. Лес так силен, что он снова и снова пускает свои корни на расчищенных под посевы участках. Правда, крестьяне сеют не так, как у нас. Они берут острую палку, делают ею углубление в земле и бросают туда зерна кукурузы. Три года без всяких удобрений земля дает хорошие урожаи. На четвертый год расчищается новый участок, а старый зарастает.

Жизнь у индейцев масатекос проходит на улице, около хижины. Кто-то точит мачете, местный парикмахер стрижет своего собрата. Под большой крышей из пальмовых листьев разместился «детский сад». Из белых простынь, привязанных концами к веревке, сделаны люльки. Пока матери работают в поле, младенцы покачиваются в люльках. Около некоторых хижин иногда увидишь трех, а то и четырех женщин. Большинство индейцев имеют по несколько жен.

На следующий день мы решили навестить «брухо», местного знахаря. По узкой тропинке на окраине деревни шагала семья. Впереди шел мужчина. За ним гуськом три женщины. За спиной у каждой в мешке сидел ребенок, в руках — тяжелые плетеные корзины. У мужчины никакой ноши не было. Он крутил меж пальцев тоненькую, хорошо обструганную палочку — ведь он глава семьи!

За нами шла толпа индейцев. Правда, когда мы приблизились к хижине «брухо», шумный говор смолк. Люди остановились на почтительном расстоянии от хижины.

Я подходил к жилищу «брухо» с волнением. С детских лет я представлял себе колдуна с гремящим бубном в руках, исполняющего феерический танец. И вот наконец я увижу настоящего шамана.

Первым в хижину вошел Маурилио. Он сказал несколько слов по-индейски и только потом пригласил меня. Переступив порог, я увидел человека, спокойно сидевшего по-турецки на земляном полу. На голове у него была повязка красно-синего цвета. Глаза опущены.

Мы сели напротив шамана. Но взгляд колдуна не изменился. По-прежнему вид у него был отрешенный и замкнутый.

Я смотрел на «брухо» и думал о его безграничной власти над жителями поселка. Конечно, дело здесь не столько в религиозных чувствах, сколько в том, что «брухо» единственный человек, который лечит людей. До ближайшей больницы нужно добираться целый день.

— Я лечу только в понедельник, во вторник, в среду и воскресенье, — хмуро говорил шаман, глядя по-прежнему на земляной пол. — В остальные дни лечить запрещено богом. Нельзя лечить ночью. Потому что ночью дух покидает тело и возвращается только утром...

— А где же вы научились лечить людей? — спросил я.

— Нигде! Я все понял сам, — твердо сказал «брухо». — Однажды ночью, лет сорок назад, бог позвал меня к себе и сказал, какие травы лечат людей.

...Всякий раз, когда я покидал индейские деревни, я думал о том, что эти люди являются наследниками своих знаменитых предков — индейцев ольмекков, майя, ацтеков. Но откуда им знать законы медицины и архитектуры, законы акустики и астрономии, которые в таком совершенстве знали индейцы десять с лишним веков назад!

...Новые археологические открытия в Мексике, на мой взгляд, имеют не только научное значение. Они открывают великое прошлое Мексики и тем самым дают индейцам веру в себя и в свое будущее.

Очевидно, когда-нибудь в Мексике настанет День индейцев. В их деревнях построят школы и больницы. В непроходимые джунгли, к племенам масатекос проведут дороги, на раскаленной земле отом построят колодцы.

И, наверно, тогда снова воспрянут духом потомки великих жителей Мексики, сумевших создать на заре развития человечества высокую цивилизацию зодчих, скульпторов, художников, медиков и ученых,

В. ЧИЧКОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Я. Свет. Предисловие	5
Ода археологии	8
Глава 1. Голоса погибшей цивилизации	13
Глава 2. Экспедиции отправляются в путь	35
Глава 3. Время поисков и раздумий	71
Глава 4. Сенсация в Сан-Лоренсо	103
Глава 5. Египетские пирамиды и мексиканские теокалли	133
Глава 6. Спор еще не окончен	155
В. Чичков. Послесловие	198

Гуляев Валерий Иванович

ИДОЛЫ ПРЯЧУТСЯ В ДЖУНГЛЯХ.
Повесть. М., «Молодая гвардия», 1972.
208 стр., с илл. («Бригантина»)

P2

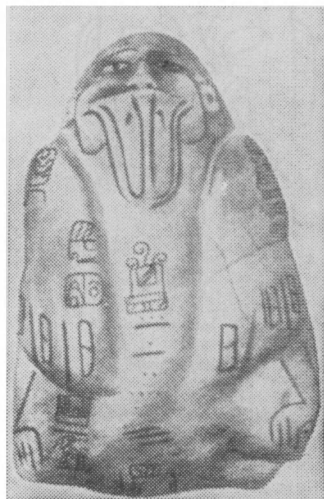
Редактор **С. Митрохина**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **З. Ходос**
Корректоры **А. Стрепихеева, К. Пипикова**

Сдано в набор 20/III 1972 г. Подписано к печати 8/VIII 1972 г. А06998. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 6,5 (усл. 9,1). Уч.-изд. л. 10. Тираж 100 000 экз. Цена 46 коп. Т. П. 1972 г., № 206. Заказ 449.

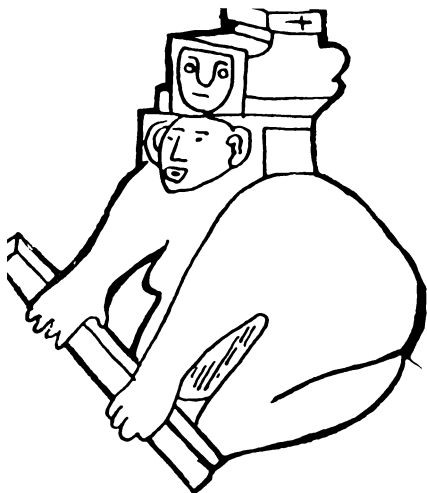
Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сушевская, 21.

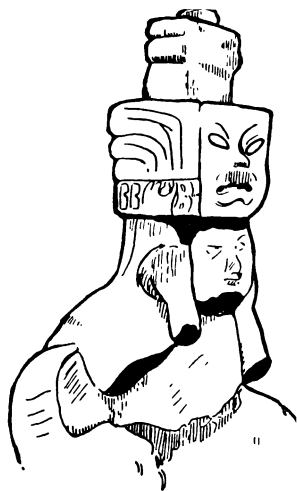
Гигантская каменная голова из Трес-Сапотес. Сбоку изображен первооткрыватель ольмекских древностей — археолог Мэтью Стирлинг.

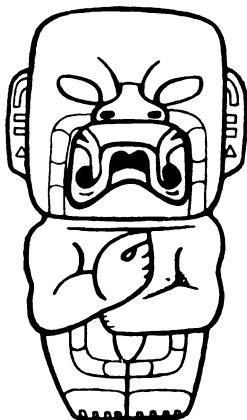
Нефритовая «Статуэтка из Тустлы» с календарной надписью, соответствующей 162 году н. э.

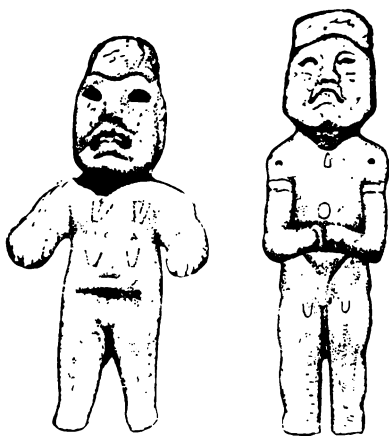
«Идол из Сан-Мартина» (по рисунку И. Лойи).

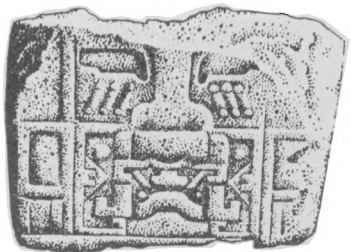
«Идол из Сан-Мартина» (по рисунку Ф. Блома).

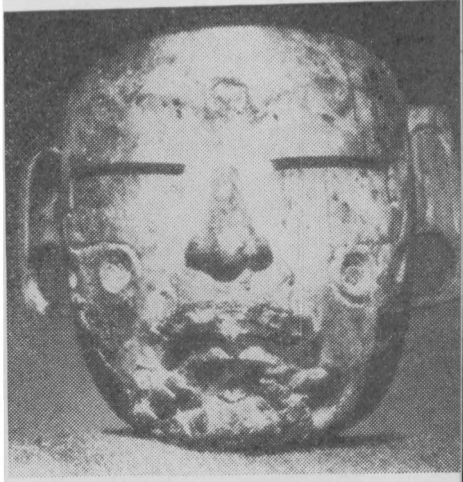
Нефритовый ольмекский топор с изображением человека-ягуара. Место находки неизвестно.

Нефритовые статуэтки человека-ягуара, найденные в Ла Венте.

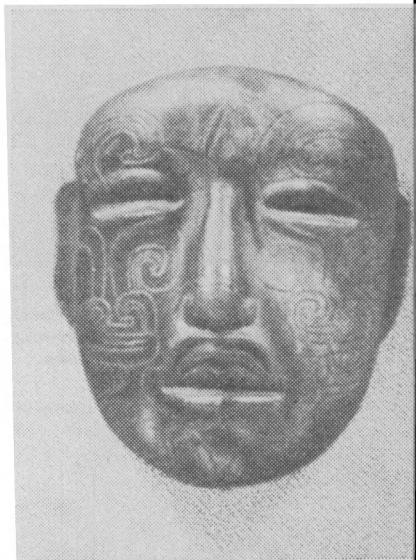
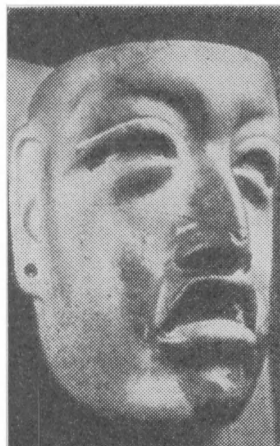

«Стела «С» из Трес-Сапотес» (31 год до н. э.) с изображением ольмекского бога-ягуара.

Ольмекские маски из дерева (вверху) и нефрита (внизу). Место находки неизвестно.

Серпентиновая ольмекская маска. Место находки неизвестно.

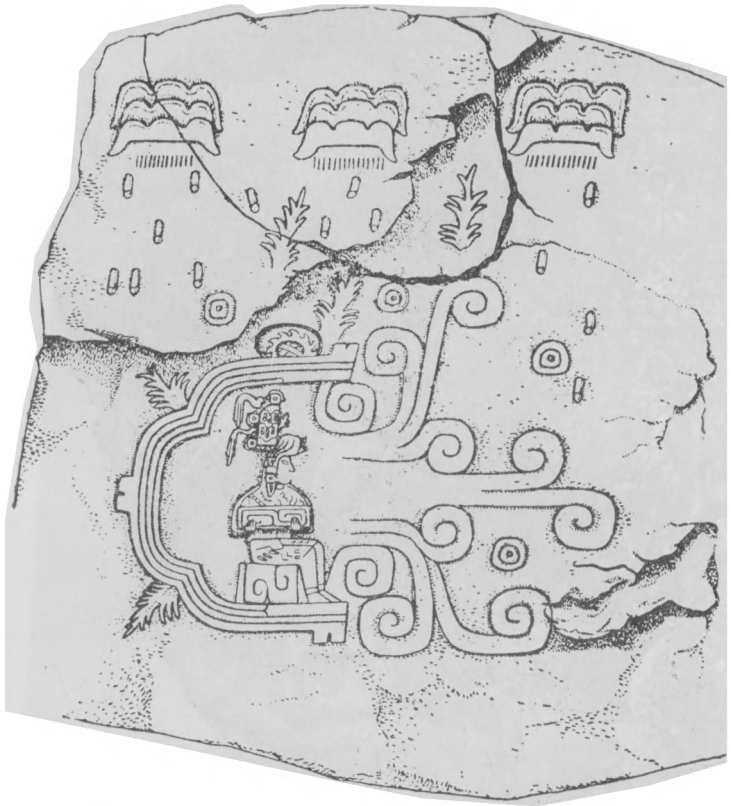

Карикатура М. Коваррубиса, наглядно изображающая характер взаимоотношений между ольмеками (меньшая фигура) и майя.

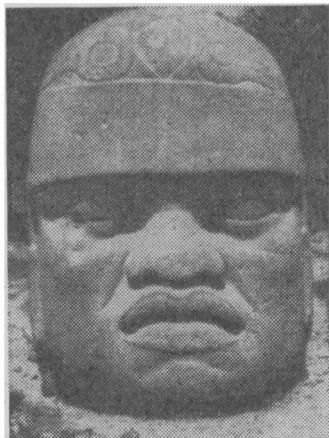

Рельеф № 4, Чалькацинго: ягуары, терзающие человеческие тела.

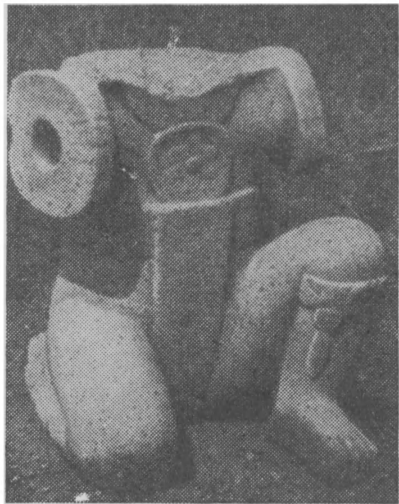
Рельеф № 2. Чалькацинго: «правитель» на троне.

**Гигантская каменная голова
из Сан-Лоренсо.**

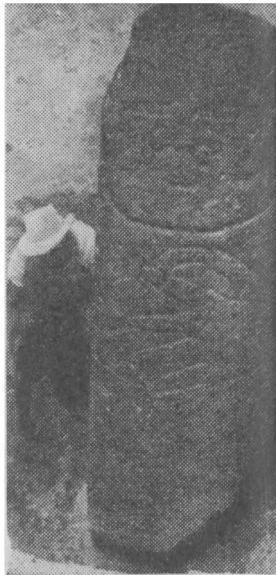

**Профессор Майкл Ко у
только что найденной ста-
туи в Сан-Лоренсо.**

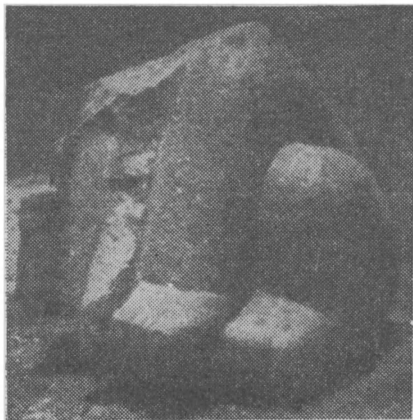

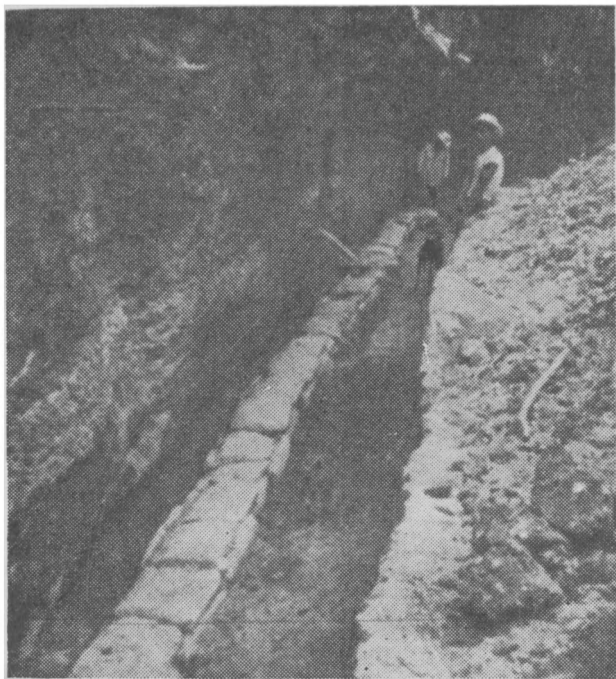
Монумент № 34 (Сан-Лоренсо).

Монумент № 41 из Сан-Лоренсо: ранняя форма ольмекского бога-ягуар

«Сидящий ягуар» (Сан-Лоренсо).

«Акведук» из Сан-Лоренсо.

Монумент № 23 (Ла Вента): обезглавленная статуя сидящего ольмекского правителя.

Обезглавленная каменная статуя из Веракруса.

Нефритовая статуя из Лас-Лимас (Мексика).

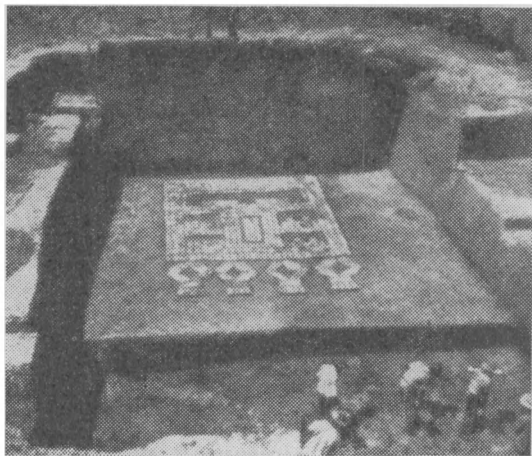

Статуя из Лас-Лимас, деталь: ольмекское божество — младенец-ягуар.

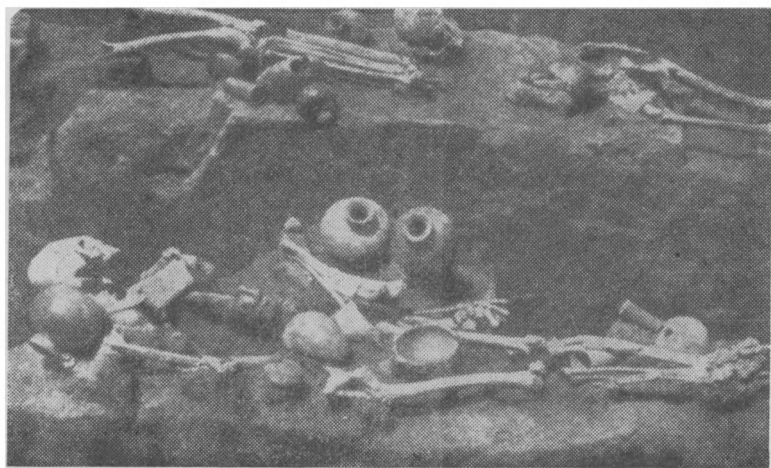
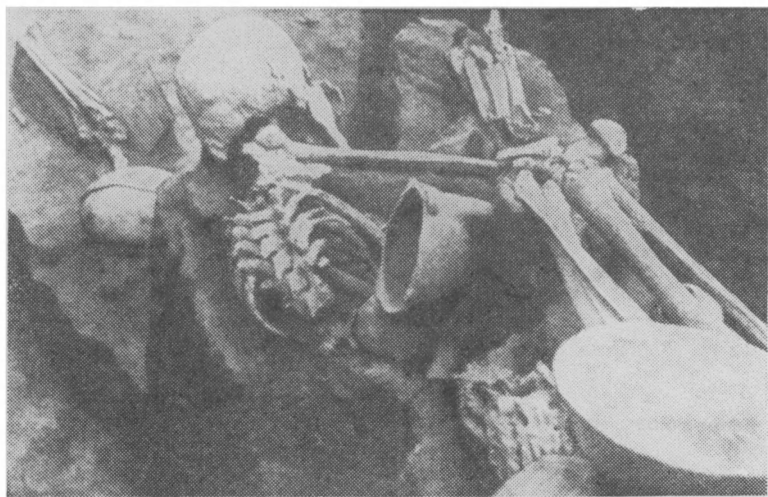

16 человечков из Ла Венты.

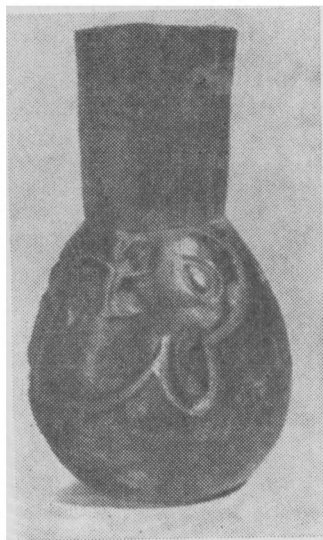
Ла Вента. Мозаика в виде стилизованной головы ягуара.

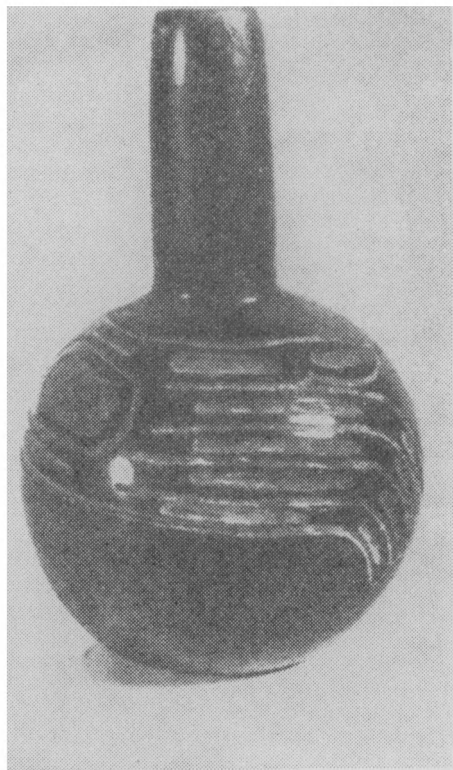
Тлатилько. Вид раскопанных древних погребений.

Мигель Коваррубиас.

Фигурный сосуд из Тлатилько с изображением утки.

Сосуд-«бутылка» с орнаментом в виде «лапы» ягуара (Тлатилько).

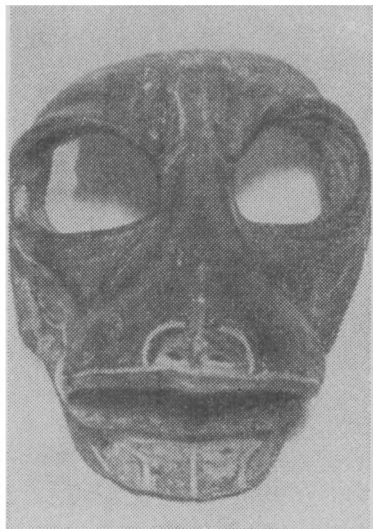

Сосуд с изображением «Пернатого Змея» (Тлатилько).

Глиняная чаша с резным узором (Тлатилько).

Маска ягуара. Глина (Тлатилько).

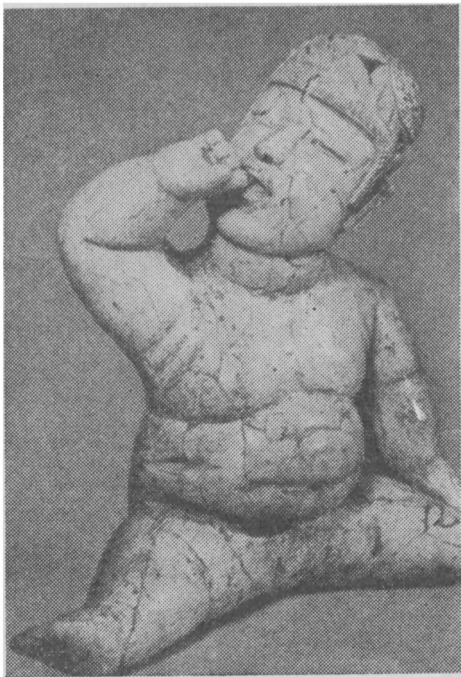
Глиняная чаша.
(Тлатилько).

Фигурный сосуд — олицетворение жизни и смерти (Тлатилько).

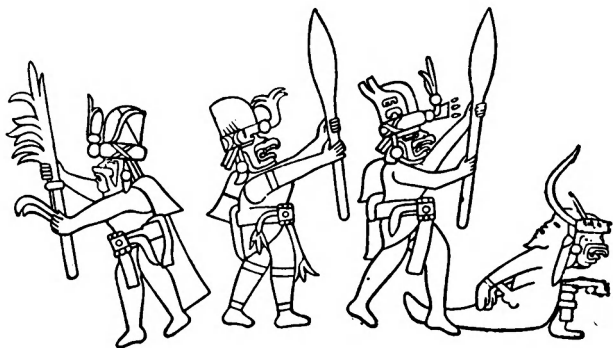
Глиняная фигурка ольмекоидного типа (Тлатилько).

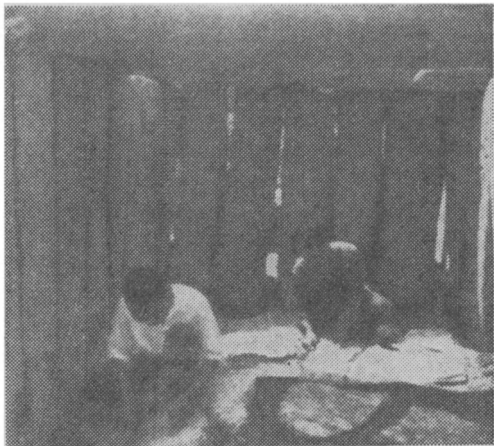

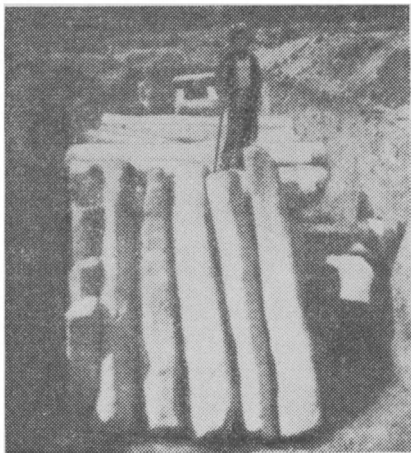
Портрет одного из «сыновей ягуара» (Лас-Бокас, Мексика). Глина.

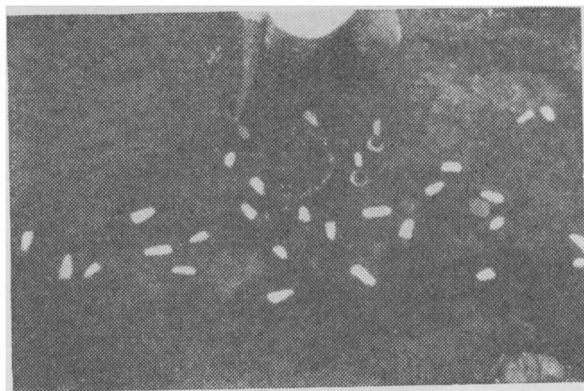
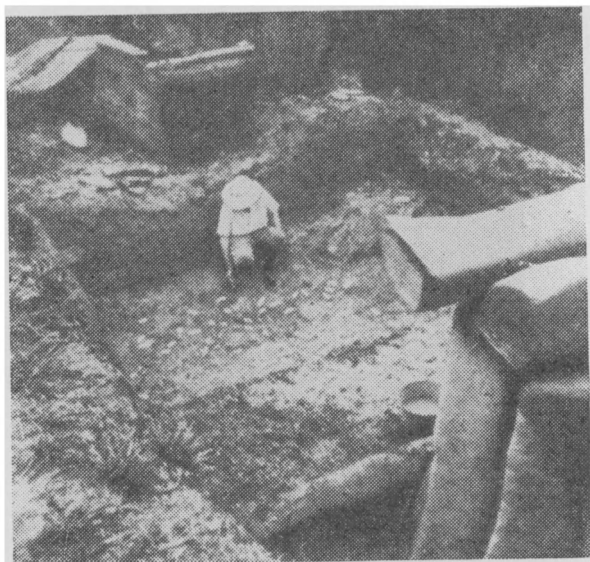
Рельеф № 1 из Чалькацинго: сцена жертвоприношения.

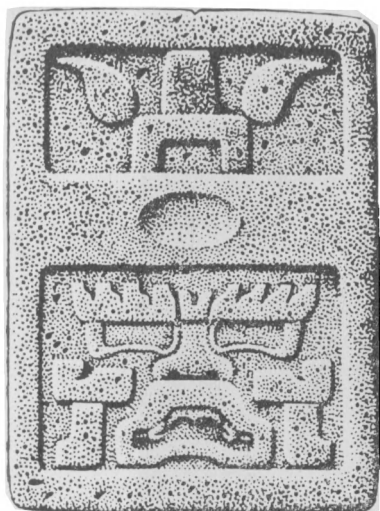

Гробница из базальтовых столбов (Ла Вента).

Раскопки древних гробниц в Ла Венге.

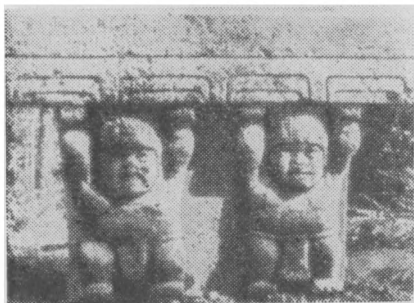
Монумент № 15 (Ла Вента) с изображением бога-ягуара.

Нефритовая женская фигурка, найденная в гробнице из базальтовых столбов (Ла Вента).

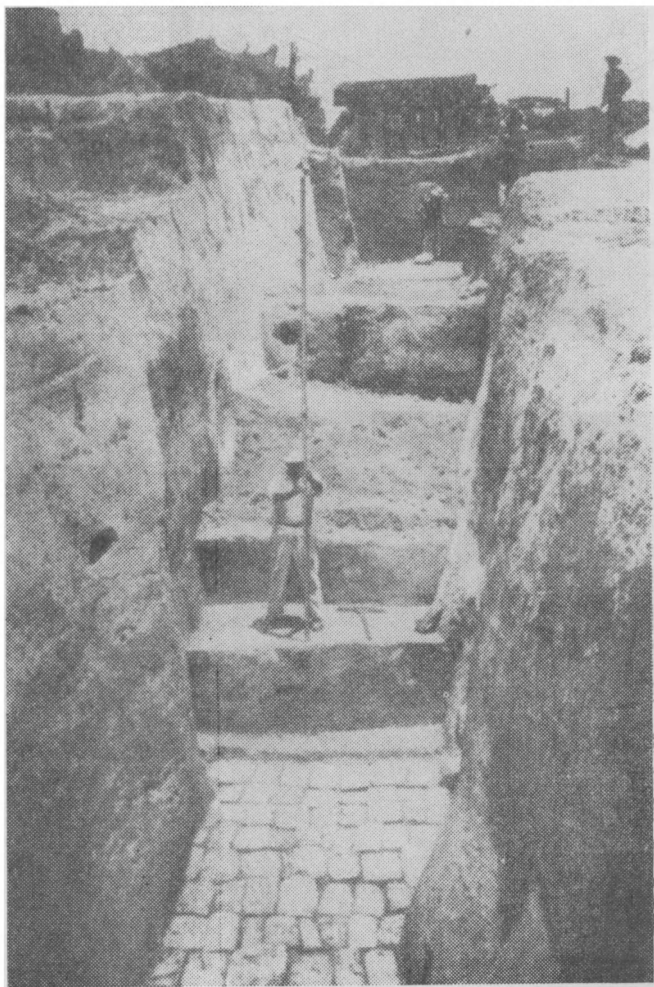

Монумент № 13 (Ла Вента)
с изображением фигуры
правителя или жреца и с
иероглифической подписью.

«Ольмекские Атланты» (Ла Вента).

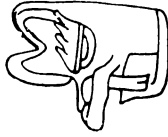
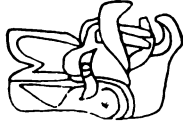
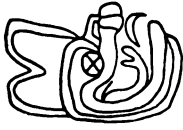
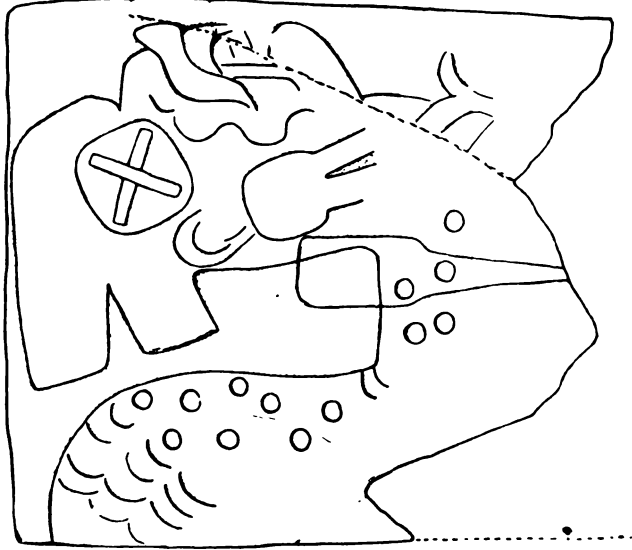
Ла Вента. Вид раскопок в центральной части поселения.

Алтарь № 5 (Ла Вента).
На переднем плане изображение правителя или жреца, сидящего в нише с телом младенца на руках.

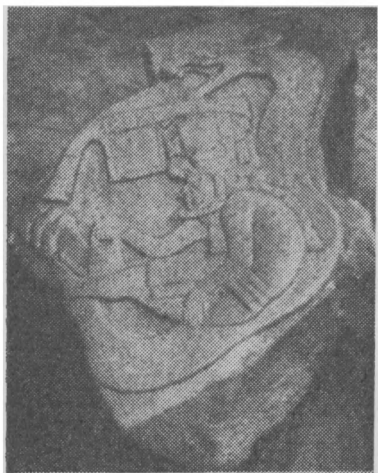

Stela № 3 (Ла Вента). «Столкновение» представителей двух различных народов: так называемый «дядя Сэм» и ягуароподобный персонаж.

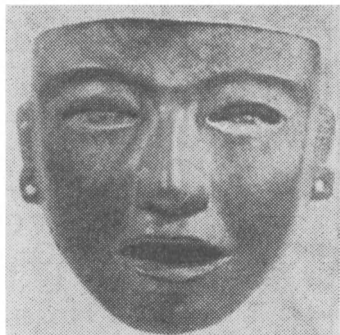
Изображения на монументе № 30 (Сан-Лоренсо).

Резные изображения на лице статуи из Лас-Лимас.

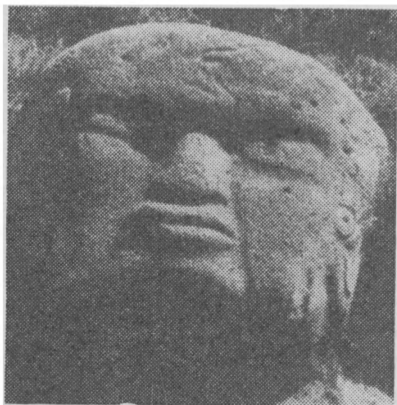

**Монумент № 19 (Ла Вента),
очень похожий на рельеф № 2 из
Чалькацинго.**

**Каменная маска из Теотихуа-
кана.**

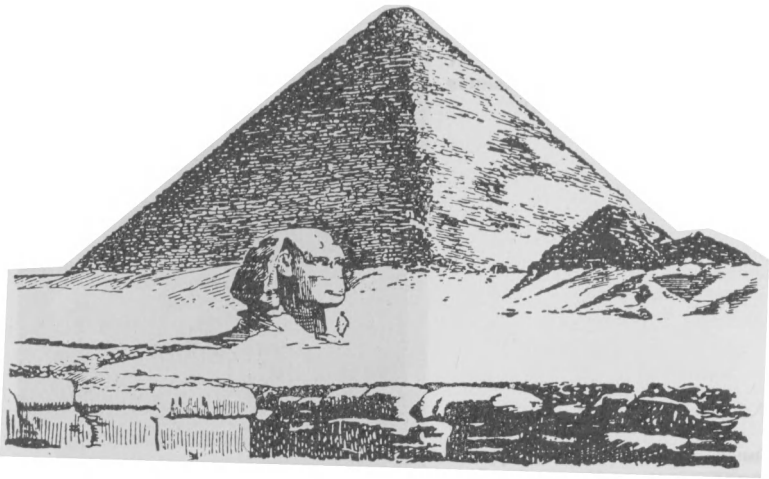

Гигантская каменная голова с «закрытыми» глазами, найденная в Монте-Альто (Гватемала).

Каменные плиты с фигурами «танцоров» из Монте-Альбана (штат Оахака, Мексика).

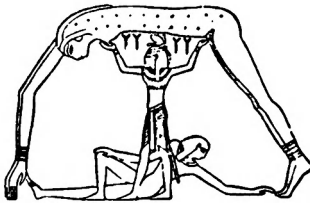
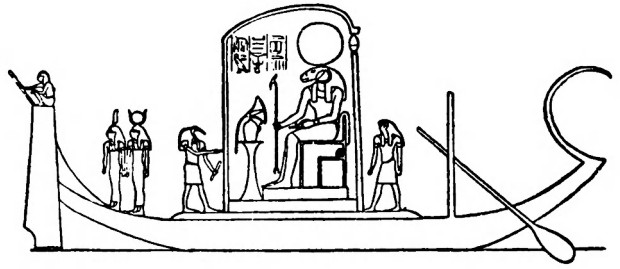
Пирамида Хеопса (Хуфу). Третье тысячелетие до н. э.

Изображение типичной центральноамериканской пирамиды с храмом наверху (Тикаль, Гватемала, культура майя, 700 год н. э.).

Скульптура толстого «младенца» с закрытыми глазами, высеченная на валуне (Монте-Альто, Гватемала).

Скульптура бога Солнца из города Копана (Гондурас, культура майя, VIII век н. э.).

Образ бога Солнца — Ра в древнеегипетском искусстве.

▲ Образцы иероглифических знаков ► из Древнего Египта.

Письмена древних майя, относящиеся к первому тысячелетию н. э.

Важнейшие археологические памятники культуры ольмеков (Мексика).

46 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ